

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Учреждение образования
«Витебский государственный технологический университет»

**УРОКИ НЭПА И РЕШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ В
ЭКОНОМИКЕ**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА

Витебск
2022

УДК 338
ББК 65.02
У68

Редакционная коллегия:

Хаданёнак В. М. (отв. ред.), Лученкова Е. С. (зам. отв. ред.),
Мядель А. П., Рудко Е. А., Уткевич О. И.

Рецензенты:

Космач В. А., профессор кафедры психологии УО «Витебский
государственный университет им. П. М. Машерова», доктор исторических
наук, профессор;

Дулов А. Н., заведующий кафедрой истории и культурного наследия
УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»,
кандидат исторических наук, доцент

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским
советом УО «ВГТУ», протокол № 4 от 29.12.2021.

Уроки НЭПа и решение современных задач в экономике :
материалы международного круглого стола / ред. кол. В. М. Хаданёнак
[и др.]. – Витебск : УО «ВГТУ», 2022. – 85 с.
ISBN 978-985-481-704-0

В издании представлены материалы круглого стола «Уроки НЭПа и решение современных задач в экономике», который прошёл 27 мая 2021 года на базе Витебского государственного технологического университета. Учёные рассмотрели вопросы, касающиеся тенденций и противоречий социально-экономического и политического развития СССР в период НЭПа, особенностей реализации новой экономической политики в БССР и др.

УДК 338
ББК 65.02

ISBN 978-985-481-704-0

© УО «ВГТУ», 2022

БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В БССР В 20-Е И 40-50-Е ГГ. XX В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Бездель В.Е., зав. кафедрой
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

Ключевые слова: история детства, беспризорность, безнадзорность, НЭП, Великая Отечественная война, детский дом.

Реферат. В статье рассматривается социальная политика советского государства по устройству детей, оставшихся без родителей, в условиях преодоления государством последствий войны в 20-е и 40-е – 50-е гг. XX в.

Положение детей, охрана материнства и семьи являются одними из важнейших показателей состояния общества. Если объективно проанализировать современную детскую политику в Республике Беларусь, других странах постсоветского пространства, то становится очевидным, что она базируется на наиболее значимых социальных достижениях советского прошлого: всеобщем обязательном бесплатном среднем образовании; диспансеризации и профилактике детских заболеваний; сети бесплатных детских кружков и секций при школах, Домах культуры, Домах пионеров и школьников; профилактике социальных « пороков » – детской проституции, алкоголизма и наркомании и т. д. В связи с этим возникает необходимость осознания и обобщения опыта чрезвычайно насыщенного и сложного XX века, а именно периодов преодоления последствий военных действий: в 20-е гг. и 40–50-е гг. XX в.

Рассмотрение и анализ этого явления представляется актуальным, поскольку, феномен детства является предметом самостоятельного, фактически непредставленного в современной белорусской историографии, направления – истории детства. Основная его идея заключается в том, что детство имеет свою историю: это представления о моделях детства, сформированных в обществе и реализуемых через государственную политику, детскую одежду, игры, литературу, кино и т. д.

Традиционно считается, что основателем истории детства стал Ф. Арьес, который в 1960 г. издал работу «Ребенок и семья при Старом порядке» [1]. В советской историографии оформление истории детства относят к 1970-м гг. XX в., что нашло отражение в первую очередь в работах, посвященных периоду средневековья [2]. Но проникновение в советскую историческую науку идей Ф. Арьеса происходило медленно в силу политических и идеологических причин. Распад СССР незначительно повлиял на ситуацию: изучение детства преобладало в рамках возрастной психологии, педагогики и вопросов охраны материнства и детства [3, с. 108].

В современной российской историографии поворотным моментом стала публикация книги Ф. Арьеса на русском языке в конце 90-х гг. XX в., а также выход в свет первой обобщающей работы по истории детства [4].

Отметим, что на сегодняшний день имеется обширный перечень публикаций по истории советского детства, представленных в первую очередь работами российских историков. В хронологическом срезе преобладают работы, как отмечают исследователи, посвященные периодам, трагическим для детства: дети войны, ГУЛАГа, русской эмиграции т. д. [5, с. 6].

Целью статьи является выявление общего и особенного в социальной политике по отношению к детям, потерявшим семью в результате Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Основное содержание советской историографии, посвященной проблемам детства в СССР, так или иначе строилось на постулате «СССР – Родина счастливого детства» [6, с. 156].

Центральной идеей, которую позиционировало партийное руководство и в 20-е и в 40–50-е гг., состояла в том, что воспитание детей – прерогатива государства и партии. Главная задача семьи, матери в первую очередь, – успешно трудиться на благо нового советского общества. Приоритет общественного воспитания над семейным (частным) предполагал формирование стандарта такого воспитания. В первые же дни существования Советской власти забота о детях была провозглашена «непосредственной обязанностью государства» [6, с. 47]. Очевидно, что, решая вопросы детской беспризорности, государство апробировало заявленную систему воспитания в масштабах страны.

Белорусский историк А. П. Соловьянов, отмечает, что огромное количество беспризорных на территории Беларуси в 1920-е гг. появилось из-за разрушительных последствий Первой мировой войны, голода в Поволжье 1921–1923 гг. Дети концентрировались в основном в городах, приходя из сельской местности, где были более тяжелые экономические условия. Наиболее высок уровень беспризорности был в центрах губерний, пораженных неурожаем, – это Казань, Саратов, Покровск, Краснодар и др. Не намного меньше он был в городах, принявших голодающих детей, таких как Смоленск, Минск, Витебск, Гомель и др. Каждый день они толпами осаждали детские учреждения, прося принять их. Однако по словам А. Д. Калининой: «... вся беда заключалась в том, что их было такое огромное количество, а мест не было, и их некуда было девать» [7, с. 192].

Рост детской беспризорности взаимосвязан с ростом детской преступности: исследователи отмечают рост детских преступлений в начале 1920-х гг. Голод и беспризорность постоянно толкали несовершеннолетних на совершение краж. Например, в 1920 г. Витебская Губернская Чрезвычайная Комиссия не знала, что делать с беспризорниками, которые после неоднократных арестов и отправки в колонию бежали оттуда и продолжали грабить вагоны с продовольствием [8, с. 107].

Введение новой экономической политики, восстановление народного хозяйства несколько улучшили положение дел, однако уровень жизни населения оставался крайне низким. В результате низкого уровня жизни многие были просто не в состоянии содержать и воспитывать своих детей. В инструкции главсоцвosa заведующим окружными ОНО в 1926 г. указывалось, что в это время беспризорность оставалась огромной общественной проблемой в значительной степени вследствие материальных трудностей, нищеты городской и сельской бедноты. Дети деклассированной бедноты не имели трудовых навыков, становились постоянными посетителями базаров и пополняли ряды беспризорных [9, с. 182].

Великая Отечественная война и оккупация привели к увеличению количества детей-сирот, которые занимались попрошайничеством, совершали правонарушения, были потенциальными распространителями инфекционных заболеваний. Начиная с осени 1943 г., начала освобождения территории Беларуси, советские государственные органы занялись восстановлением системы детских учреждений, куда направлялись беспризорные дети. Как показывает анализ архивных документов, а также публикаций белорусских авторов, устройство детей-сирот не было беспроблемным: человеческие жертвы, голод, послевоенная разруха, дефицит промышленных и продовольственных товаров, распределительная система, нехватка квалифицированных педагогических и медицинских кадров, лекарств, халатное отношение к детям со стороны работников.

Изначально организация работы с беспризорными и безнадзорными детьми была возложена на органы НКВД, о чем свидетельствует постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 659 от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер по борьбе с детской

беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». После начала освобождения территории республики СНК БССР и ЦК КП(б)Б 12 октября 1943 г. приняли постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [10, с. 51]. Целью государственной политики в отношении беспризорных и безнадзорных детей был учет и выявление таких детей, определение их в соответствующие учреждения, усыновление, с течением времени полная ликвидация этого явления в советском обществе.

Учитывая, что положение воспитанников детских домов в БССР в целом было похожим, в марте 1945 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «О мероприятиях по улучшению материально-бытового положения детских домов БССР». В нем отмечалось, что в некоторых детских домах (среди которых были Ушачский и Ветринский Витебской области) «дети крайне истощены. Органы торговли безответственно относятся к бесперебойному и полному снабжению детских домов продуктами питания, а Наркомторг БССР и отделы народного образования не принимают должных мер по улучшению снабжения продуктами питания» [11, л. 206]. Отметим, что обеспечить 100 % снабжение детских домов продуктами питания в 1944–1945 гг. было объективно невыполнимо, поскольку экономика БССР работала на потребности Красной Армии, снабжение гражданского населения продуктами носило нормированный характер. Конечно, имел место и человеческий фактор: факты воровства продуктов питания сотрудниками детских домов, которые усугубляли положение воспитанников.

Вместе с тем, кардинально изменить ситуацию на протяжении 1945 г. не удалось. В октябре 1945 г. в постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по подготовке детских домов к зиме» отмечалось, что «большинство детских домов республики плохо обеспечено одеждой, обувью и особенно постельными принадлежностями и нательным бельем. ... Не изжиты факты разбазаривания продуктовых фондов детских домов» [12, л. 87].

Главной причиной детской беспризорности в 1944–1945 гг. стала Великая Отечественная война и ее последствия: смертность среди взрослого гражданского населения, вывоз на принудительные работы в Германию и т. д. Это отражено в документах по истории Витебского детского приемника-распределителя, функционировавшего в 1943–1955 гг.: «мать расстреляна/угнана/умерла во время войны», «отец в партизанском отряде/умер/убит немцами» и т. д. Начиная с 1946 г., к перечисленным обстоятельствам добавилась еще одно: «брошен матерью/подброшен к воротам ДПР/сдан в ДПР из-за материальных условий» [13].

Выявленная тенденция отражает особенности послевоенного развития БССР в целом. После окончания Великой Отечественной войны без жилья осталось почти 3 млн граждан, которые обустроились временно в землянках, подвалах, полуразрушенных домах, жили на подселении [14, с. 99]. Была введена карточная система распределения продуктов питания, промышленных товаров. В 1946–1947 гг. ситуация усугубилась засухой и, как следствие, голодом, который привел к сокращению количества граждан БССР, что находились на нормированном обеспечении хлебом [15, с. 107]. Не имея возможности прокормить своих детей, родители, чаще всего матери, отдавали их в детские учреждения, обеспечившиеся централизованно. Проблема выживания детей в детских домах, их смертность в первое послевоенное десятилетие, возвращение в семью, требует отдельного рассмотрения и анализа.

В 1947–1949 гг. происходят изменения в составе детей, поступавших в Витебский ДПР. Если в 1943–1947 гг. основная масса детей – это сироты, чьи родители погибли в годы Великой Отечественной войны, то начиная с 1948 г. основной контингент несовершеннолетних, зафиксированных в журналах учета движения

детей, – это дети, у которых был один или оба родителя, или «родительские» дети, как их называли в отчетных документах ДПР. Например, в 1951 г. в приемник-распределитель поступило 214 беспризорных ребенка, 293 безнадзорных; в 1952 г. – 151 беспризорный, 372 безнадзорных; в 1953 г. – 135 сирот, 360 безнадзорных; в 1954 г. – 72 беспризорных, 337 безнадзорных [15]. Подобная картина наблюдалась и в других регионах республики, например, в Брестской области [10, с. 51].

В 50-е гг. наметилась тенденция сокращения количества детей в детских домах. В СССР и в БССР получила распространение практика патронирования, опеки наряду с устройством детей в государственные учреждения, сказывались, конечно, последствия преодоления послевоенной разрухи. В 1956 г. на XX съезде КПСС Н. Хрущев заявил о создании школ-интернатов, которые станут показательными учреждениями гармоничного развития и воспитания детей, организованные по принципу постоянного нахождения в них детей, как имеющих, так и не имеющих семью, что также стало фактором сокращения количества детских домов. Так, в докладной заведующего сектором детских домов Витебского обкома 1956 г. отмечалось, что в области работает 29 детских домов, и многие из них малочисленны.

Повседневную жизнь воспитанников детских учреждений в 50-е гг. нельзя назвать беззаботной. Постоянные проверки детских домов всех областей БССР на протяжении указанного периода, к сожалению, констатировали сложности в обеспечении их питанием, одеждой, мебелью, дровами, недостаток врачей и нерегулярный медицинский осмотр, низкую успеваемость и, как следствие, проблемы с трудоустройством подростков. Недостаток финансирования, централизованное распределение товаров и продуктов стали причинами, по сути, хронических проблем детских домов, что ускорило их закрытие [16, л. 65].

В 1959 г. ЦК КПБ и Совет министров БССР приняли постановление «О мерах по улучшению обеспечения детских учреждений промышленными товарами и обмундированием» № 774, в котором очередной раз отмечались серьезные недостатки с материальным снабжением воспитанников. Поскольку решить проблемы путем нормированного распределения не получалось, руководителям детских учреждений было разрешено по своему усмотрению приобретать необходимые товары в торговой сети по безналичному расчету [17, л. 2]. В целом, комплекс мер, предусмотренный постановлением, не изменил ситуацию.

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Именно войны стали причиной массовой детской беспризорности на территории Беларуси как в 20-е, так и в 40-е гг. XX в.
2. Политика государства в отношении этой социальной группы в рассматриваемые хронологические периоды определялась общими партийными установками: приоритетом государственного воспитания над семейным.
3. Констатируем, что эффективность социальных мер государства в 1940-е гг. была выше, что подтверждается тенденцией к уменьшению количества детских домов на территории БССР. Это стало результатом функционирования жесткой советской командно-административной системы. В то время, как в 1920-е гг. государственный механизм еще не был сформирован.

Список используемых источников

1. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.

2. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 349 с.; Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии : Реф. сб. / [Редкол.: Бессмертный Ю. Л. и др.]. – М. : ИНИОН, 1980. – 300 с.
3. Ромашова, М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события / М. В. Ромашова // Вестник Пермского университета. Серия: история. – 2013. – Вып. 2 (22). – С. 108–116.
4. Сальникова, А. А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования / А. А. Сальникова. – Казань : Казанский гос. ун-т, 2007. – 255 с.
5. Ашенова, К. К. Советское детство: повседневная жизнь детей Омска (1961–1980 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. К. Ашенова ; Омский гос. техн. университет. – Тюмень, 2018. – 27 с.
6. Смирнова, Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. / Т. М. Смирнова; Институт российской истории Российской академии наук. – М. ; СПб. : Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 384 с.
7. Соловьянов, А. П. Повседневная жизнь беспризорных детей Советской России в 1920-е гг. / А. П. Соловьянов // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность; Материалы международной научной конференции: в 2 томах / ответственный редактор В. А. Веремко. – СПб. : Издательство: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2018. – С. 190–194.
8. Соловьянов, А. П. Проблема беспризорности на Витебщине в 1920-е гг. / А. П. Соловьянов // Віцебскі край : матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай 80-годдзю ўтварэння Віцебскай вобласці, 22 лістапада 2018 г., Віцебск / Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна», Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», Кафедра гісторыі Беларусі ; рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2019. – Т. 4. – С. 107–112.
9. Соловьянов, А. П. Социально-экономическое положение населения в БССР в 1920-е гг. / А. П. Соловьянов // Советский этап в истории Беларуси : сборник научных статей участников Республиканской научно-теоретической конференции, Минск, 5 декабря 2019 г. / Белорусский национальный технический университет ; редкол. : В. А. Бобков [и др.]. – Минск : БНТУ, 2019. – С. 178–186.
10. Занько, Е. Ю. Решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Брестской области (1944 – первая половина 1950-х годов) / Е. Ю. Занько // Вестник Полоцкого государственного университета. – серия А. – 2015. – № 9. – С. 50–57.
11. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 1966. – Оп. 5. – Д. 15.
12. ГАВО. – Ф. 1966. – Оп. 5. – Д. 17.
13. ГАВО. – Ф. 2425. – Оп. 1. Д. 3; Д. 6; Д. 10; Д. 11; Д. 17.
14. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946 – 2009 гг. / Л. Лыч [і інш.] ; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Современная школа, Экоперспектива, 2011. – 728 с.
15. ГАВО. – Ф. 2425. – Оп. 5. – Д. 28; Д. 13; Д. 10; Д. 21.
16. ГАВО. – Ф. 2797. – Оп. 2. – Д. 130.
17. ГАВО. – Ф. 2797. – Оп. 3. – Д. 9.

СИСТЕМА ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ЗА ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕЙ В ПЕРИОД «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ» (1921–1930 гг.).

Буюевич Т.В., заместитель директора
учреждение «Государственный архив Витебской области»
г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова: торговые предприятия, кооперативно-торговые комиссии, НЭП, Управление регулирования торговли.

Реферат. В статье рассматривается система органов управления и контроля за внутренней торговлей в 20-е гг. XX в.

Политика «военного коммунизма» установила централизованное государственное управление и обусловила госконтроль над всеми сферами жизнедеятельности общества. В результате единственным органом, ведавшим делом торговли, к 1921 году остался Наркомат внешней торговли (Наркомвнешторг) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), распространявший свои полномочия и на Социалистическую Советскую Республику Белоруссия (ССРБ). Витебская и Гомельская губернии на момент введения «новой экономической политики» (НЭП) являлись частью РСФСР, а ССРБ (которая с течением времени была переименована в Белорусскую Советскую Социалистическую республику, или БССР) была представлена шестью уездами Минской губернии.

Введение НЭПа не сразу повлияло на систему снабжения внутреннего рынка товарами.

Для снабжения потребителей товарами в пределах РСФСР продолжила функционировать сеть соответствующих продовольственных органов, действовали ведомственные снабженческие структуры, сеть кооперативных организаций. Существовали они на основе планового снабжения. 17.03.1921 вышло постановление Совета Народных комиссаров (СНК) РСФСР об организации единого хозяйственного центра. Для общегосударственной организации планирования материальных ресурсов работали Центральное управление снабжения Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) (Положение о нем было утверждено 11.07.1921) и Комиссия использования материальных ресурсов при Совете по Труд и Обороне (СТО) (Положение утверждено СНК 31.07.1921) [1, л. 84].

В ССРБ 1 апреля 1921 года был организован Отдел снабжения и распределения при СНХ БССР (Белснаб) [2]. На местах были образованы отделы снабжения и распределения (губснабы) [3, л. 1], в задачи которых входило планирование, учет и распределение сырья, материалов, оборудования, а также – произведённой в губернии промышленной продукции. На основе продукции формировались запасы продуктов питания и промышленных товаров. Их именовали «местный фонд» [1, л. 6]. Фонд делился на «основной» (служил для удовлетворения потребностей согласно утвержденным сметам) и «резервный» (для удовлетворения непредвиденных потребностей). Распоряжались «местным фондом» губернские органы без согласования с центральными органами управления. Если какие-то товары и необходимое для производства сырье не производились в губернии, то «местный фонд» мог пополняться за счет закупок продукции на предприятиях, действовавших за пределами губернии. Закупка материалов для производственных предприятий и распределение продукции промышленного производства осуществлялись губснабами, согласно программам,

утверждавшимся центральными органами власти и управления. Еще имелся «общегосударственный фонд», из состава которого продукция могла запрашиваться лишь в особых случаях. В 1921 году в «местные фонды» стали также передавать продукцию производства, выработанную сверх плана на предприятиях – источниках формирования общегосударственного фонда. В конце зимы 1921 года для планового снабжения губсовнархозов со складов главков продуктами и товарами был образован экспедиционный отдел при Совете снабжения и распределения ВСНХ [1, л. 5].

С созданием Союза Советских Социалистических Республик (СССР), отменой карточной системы, возрождением товарно-денежных отношений понятие внутренний рынок страны было пересмотрено, он перестал ограничиваться территорией губернии и стал определяться границами Советского Союза. Его подразделяли на систему региональных рынков, границы которых привязывались к действующим административно-территориальным единицам – республикам, краям, областям, а в их пределах – губерниям и округам. После 1930 г. на отдельных территориях, в частности в БССР, минимальной единицей региональных рынков стала территория района.

Когда после объявления НЭПа начали массово возникать постоянно действующие точки розничной торговли, местные органы власти сами определяли порядок контроля за их открытием и соблюдение порядка торговли. При этом органами, контролировавшими деятельность торговцев, являлись исполкомы, их финансовые отделы, региональные органы санитарного надзора и милиция [4, л. 11–11об]. Так в «Обязательном постановлении № 148» исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполкома) от 27 июня 1921 года и в «Обязательном постановлении о порядке производства торговли и обмена» исполнительного комитета Оршанского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (уисполкома) от 9 июля 1921 года указывалось, что торговля могла производиться только с разрешения промысловых комиссий, которые необходимо создать при финансовых отделах уисполкомов [5, л. 4]. Сведения о создании подобных комиссий в шести уездах Минской губернии имеются в «Проекте временного положения о регулировании частной торговли», обнаруженном в фонде Центрального исполнительного комитета (ЦИК) БССР [6, л. 158–159]. Точная дата составления Проекта не известна, но по общему тону документа можно предположить, что он был подготовлен в 1921 году. В Проекте устанавливалось, что торговые комиссии создаются при исполкомах и разрабатывают обязательные постановления о порядке производства торговли, а также привлекают к ответственности за его нарушение. Позднее в обязанности торговых комиссий исполкомов вменили рассмотрение заявлений-ходатайств об открытии розничной торговли.

Декретом СНК «О взимании за товары, отпускаемые государством для частного капитала», опубликованном в «Известиях» Всероссийского Центрального исполнительного Комитета (ВЦИК) от 22 августа 1921 года № 171 (1320), на местные исполкомы был возложен контроль за соблюдением порядка формирования цен на государственных складах и отпуском из них товаров частным лицам и предприятия [7, л. 9]. В 1922 году целый ряд постановлений ВЦИК и СНК РСФСР возложил на местные органы власти обязательную регистрацию всех юридических лиц, «преследующих цели извлечения прибыли» [8, л. 6].

В сельской местности контроль над торговыми заведениями был поручен сначала волостным, а с 1924 года – сельским исполкомам. Они обязывались вести специальный журнал, который после завершения проверок направлялся в соответствующий губернский (окружной) финансовый отдел [9, л. 57].

4 мая 1922 года в соответствии с приказом ВСНХ было образовано Управление регулирования торговли при ВСНХ. Его задача определялась как координирование

государственной, кооперативной и частной торговли в соответствии с политикой НЭП, развитие торговых институтов, взаимодействие торговли с другими направлениями развития страны [10, л. 48].

Первым послереволюционным органом управления внутренней торговлей в ССРБ явилась созданная 23 ноября 1923 года Комиссия по внутренней торговле (Комвнуторг) при Экономическом Совещании (ЭКОСО) при Совете Народных Комиссаров (СНК) ССРБ [11, с. 185]. На территории РСФСР, в составе которой продолжали находиться Витебская и Гомельская губернии, подобная комиссия при Совете Труда и Оборона (СТО) была образована гораздо раньше, в мае 1922 года [12, с. 550–565]. Но в задачи Комвнуторгов входило лишь регулирование движения цен на рынке, поддержание покупательской способности рубля, согласование и объединение торговой политики различных ведомств и Государственного банка СССР (Госбанка). С 1923 года при губернских ЭКОСО стали образовываться местные комиссии Комвнуторга. И лишь только 9 мая 1924 года был создан Наркомат внутренней торговли СССР (Наркомвнуторг), чуть позднее – Народный комиссариат по внутренней торговле РСФСР. В Беларуси подобный орган был образован 25 июля 1924 года. Постепенно на всей территории республики возникли отделы торговли при окружных исполкомах и Гомельском губисполкоме; позднее на их базе создали торговые инспекториаты. Центральные, республиканские и местные органы управления торговлей были вновь реорганизованы в 1925 году и стали отвечать не только за организацию внутренней, но и внешней торговли. С такими функциями они просуществовали до 1930 года. После ликвидации в 1930 году округов, отделы торговли в качестве самостоятельных структурных подразделений были созданы при райисполкомах. Таким образом, торговля в СССР в целом, и в БССР в частности, была выделена в отдельную отрасль только с 1924 года. С этого момента стало разрабатываться специальное торговое законодательство. В БССР нормативные правовые акты, регулировавшие торговлю, не обладали ярко выраженной национальной спецификой и являлись отражением общесоюзной политики.

Помимо руководства учреждениями и предприятиями торговли в обязанности органов управления торговлей был вменен контроль над деятельностью на внутреннем рынке торговых предприятий различных форм собственности, а также всех учреждений, имевших целью оказанием помощи развитию внутреннего торгового оборота – биржами, торговыми палатами, ярмарками и т. п. Постановлением СНК СССР от 20 октября 1925 года было утверждено специальное Положение о торговой регистрации, в котором указывалось, что она вводится с целью сосредоточения в органах управления торговлей сведений об организационном, правовом и имущественном положении юридических и физических лиц, занимающихся торговой и промышленной деятельностью, в том числе и крупных розничных торговцев. В этот же период узаконили ведение общесоюзного Торгового реестра. Ввели правило, по которому и сам реестр, и любые другие торговые документы были открыты для всеобщего ознакомления. Выписки из Торгового реестра могли получать все желающие.

Помимо государственных и ведомственных органов управления торговлей в стране по мере развертывания НЭПа возникла и укрепилась система специализированных общегосударственных и ведомственных торговых организаций, которые осуществляли оперативную работу внутри страны по важнейшим направлениям торговли: Текстильтрест, Резинотрест, Швейтрест, Чаеуправление и т. п. Они занимались изучением спроса на сырье и товары, осуществляли целевые поставки продукции в пределах территории всего СССР. На местах создавались их отделы и отделения, действовали конторы, которые в основном осуществляли оптовую торговлю и в редких случаях организовывали розничную продажу товара населению. Но

устанавливать какие-либо нормативные требования для работы торговой сети и осуществлять контрольно-надзорную деятельность в этой сфере они не могли.

Контроль над функционированием торговых организаций также осуществляли кооперативно-торговые комиссии, создававшиеся со второй половины 1920-х гг. при фабрично-заводских и местных комитетах профсоюзов крупных предприятий и учреждений. В их функции входило выявление спроса на товары и продукты у работников своей организации, а также обоснование необходимости открытия кооперативных торговых точек для улучшения их обслуживания. Комиссии имели право контролировать в торговых заведениях всех форм собственности, действовавших в пределах подконтрольного им района, ассортимент товара, цены, доброкачественность продукции, правильность мер и весов [13, л. 45–47].

Правом ревизии финансово-хозяйственной деятельности торговых предприятий не зависимо от формы их собственности обладали финансовые органы.

С внедрением политики активного снижения розничных цен во второй половине 1920-х гг. проверки розничной торговой сети стали осуществлять торгово-кооперативные секции и комиссии по снижению розничных цен местных исполкомов. Они же контролировали качество товаров и соблюдение этикетных цен, наличие прейскурантов в розничной сети. Особенно активно они работали в точках розничной торговли, снабжаемых товарами от госпредприятий [14, л. 7].

Контроль за соблюдением торговыми заведениями требований нормативных законодательных документов по соблюдению режима рабочего времени было возложена на милицию. В этой связи все торговые предприятия регистрировались в отделениях милиции по месту своего нахождения. Торговавшие в разное время дополнительно регистрировались в коммунальных отделах, которые определяли непосредственное место торговли и следили за тем, чтобы торговля не осуществлялась в неустановленных местах [15, л. 176 об]. С середины 1920-х гг. на милицию было дополнительно возложены обязанности по контролю за соблюдением в торговых точках требований об обязательном размещении для общего доступа прейскурантов цен и наклеивании этикеток на товары.

С 1923 года государство начинает поиск путей для контроля за прибылью и оборотами частных капиталов. В сентябре 1923 года все торговые заведения, начиная с III разряда, обязаны были вести торговые книги, а мелкие розничные точки организовать кассовый учет. В этой связи контрольно-надзорными правами в сфере торговли наделили органы народного контроля – рабоче-крестьянские инспекции, действовавшие при местных исполкомах [16, с. 76].

Как некую форму контроля за деятельностью торговых предприятий можно рассматривать систематический сбор статистических данных по основным показателям их деятельности. При этом следует помнить, что процесс становления органов советской статистики, комплектование их профессиональными кадрами, определение способов и путей сбора информации, создание сети добровольных помощников продлился до середины 1920-х гг.

Учет деятельности частных торговых предприятий, как и остального частного предпринимательства, на протяжении 1920-х годов велся не системно. В основном брались сведения от финансовых органов, которые имели своей основной целью исчисление налогов, поэтому необходимые данные предоставлялись плательщиками путем заполнения специальных форм. Правильно их заполнения специально не проверяли. Системность в контроле за частными торговцами и их доходами была установлена с выходом 31 декабря 1926 года постановления СНК СССР «Об учете деятельности частного капитала» [17, л. 140]. 15 октября 1927 года в него был внесен ряд изменений и дополнений и определены ответственные за предоставление сведений о работе частной торговой сети в финансовые и статистические органы.

Таким образом, торговые предприятия, в целом, и точки розничной торговли, в частности, не зависимо от формы собственности входили в общегосударственную торговую сеть, регулировались едиными нормативными актами и контролировались органами нескольких ведомств. В их задачи входило контроль за выполнением торговыми заведениями нормативных законодательных актов, фиксирование доходов торговых предприятий. Сеть руководяще-контрольных органов изменялась в течение всего периода НЭПа, поскольку изменялся взгляд государства на торговлю, ее цели и задачи.

Список используемых источников

1. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (далее – ГАВО). – Ф.240 «Витебское государственное торговое на паях товарищество (Витторг)». Оп.3. Д.1.
2. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь». Карточка фонда № 67 «Отдел снабжения и распределения при Совете Народного Хозяйства (СНХ) БССР (Белснаб), г. Минск» [Электронный ресурс] // Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://fk.archives.gov.by/fond/113481/>. – Дата доступа: 01.04.2021.
3. ГАВО. – Ф. 2210 «Отдел снабжения Витебского губернского совета народного хозяйства (Витгубснаб)». Оп.1. Д.4.
4. Учреждение «Зональный государственный архив в г. Орша» (ЗГА в г. Орша). – Ф. 1410 «Мошковский волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет». Оп.1. Д.15.
5. ГАВО. – Ф. 123 «Финансовый отдел исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витгубфинотдел)» (далее – ф.123). Оп.1. Д. 325.
6. НАРБ. – Ф. 6 «Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) БССР». Оп.1. Д.10.
7. ГАВО. – Ф. 123. Оп.1. Д.307.
8. ГАВО. – Ф. 1914 «Витебский союз потребительских обществ (Витпотребсоюз)». Оп.1. Д. 169.
9. ГАВО. – Ф. 123. Оп.1. Д.322.
10. ГАВО. – Ф.240. Оп.1. Д.6.
11. Органы государственного управления Белорусской ССР (1919–1967 гг.) / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. – Минск: Наука и техника, 1968. – 327 с.
12. История государственных учреждений СССР : (Учеб. пособие) в 2 ч. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Моск. гос. ист.-архивный ин-т. – Москва : [б. и.], 1962–1966. – Ч. 1: 1917–1936 гг. / Ред. д-р ист. наук проф. А. В. Чернов. – 1962. – 748 с.
13. ГАВО. – Ф. 127 «Витебский центральный рабочий кооператив (Витебский ЦРК) Народного комиссариата торговли БССР». Оп.1. Д. 4.
14. ГАВО. – Ф. 322-ОАФ «Витебский городской Совет депутатов. Витебский городской исполнительный комитет». Оп.1. Д.134.
15. ГАВО. – Ф. 56-ОАФ «Витебский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (Витгубисполком) и его структурные подразделения». Оп.1. Д.262.
16. Архипов, В. А. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е – начало 30-х годов / В. А. Архипов. – Москва: Мысль, 1978. – 263 с.

17. ГАВО. – Ф. 485 «Витебское окружное статистическое бюро (Витебское окрстатбюро) Центрального статистического управления БССР». Оп. 1. Д. 41.

УДК 339.37:94(476)"19/..."

**ДЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА НА ГРУППЫ ПОКУПАТЕЛЕЙ
РОЗНИЧНОЙ СЕТИ В ПЕРИОД «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»
(НЭП) (1923–1927 гг.)**

Буевич Т.В., заместитель директора
учреждение «Государственный архив Витебской области»
г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова: покупательская способность, группы населения, розничная торговля, НЭП.

Реферат. В статье рассматривается деление белорусского общества на группы покупателей розничной сети в 1923–1927 гг.

Если оценивать советское общество периода НЭПа с точки зрения покупательской способности, то в его составе можно выделить несколько групп. Прежде всего, их следует разделить по месту основного проживания: город и сельская местность.

Не имевшее подсобного хозяйства, городское население являлось в 1920-е гг. основным потребителем товаров розничной торговой сети. В его составе по степени платежеспособности можно выделить лиц с высоким уровнем доходов, средний класс и низкооплачиваемую группу. Группа наиболее платежеспособных граждан была немногочисленна и, в сравнении с другими группами населения, имела стабильно-высокий заработок или доход от предпринимательской деятельности. В сферу ее интересов постепенно стало входить активное приобретение через розничную торговую сеть не только продуктов питания и товаров повседневного спроса, но и товаров роскоши. В данной группе можно выделить несколько подгрупп. К первой из них можно отнести элиту – высокопоставленных ответственных партийных, советских и хозяйственных работников и высокопоставленных представителей интеллигенции, а также членов их семей. Ко второй – частных предпринимателей (производственников и торговцев), сумевших достичь высокого дохода.

Например, в рамках административно-территориального деления периода 1924 – 1930 гг. к первой подгруппе можно отнести руководителей окружного уровня. Ежемесячный доход председателя Витебского окрисполкома в конце 1925 года составляла 130 руб. 50 копеек, а машинистка того же окрисполкома в этот же период получала 28 руб. [1, л. 4, 80]. В конце 1926 года – председатель получал 159 руб. 20 копеек, машинистка – 37 руб., а курьер – 27 руб. Председатель Витебского окрплана в этот период получал 200 руб. [2, л. 51–52].

Вторая подгруппа наиболее платежеспособных граждан сформировалась по мере развития НЭПа (но не позднее, чем до 1926–1927 годы). Предприимчивость и снятие ограничений на владение частной собственностью привели к возникновению в советском обществе обладателей огромных денежных накоплений. В современной белорусской исторической науке пока не появилось исследование по истории их жизнедеятельности, поэтому сложно сказать, насколько они были распространены в БССР и какой процент от них составляли НЭПманы-триллионеры. С другой стороны,

сразу опровергать такой вариант не следует. Наличие крупных НЭПманов в оптовой торговле, подтверждается архивными источниками. До 1926 года было учтено 17 оптовых и 112 оптово-розничных частных белорусских предприятий. В 1926–1927 гг. после второго укрупнения территории БССР их имелось, соответственно, 8 и немногим более 200. При чем все восемь крупных оптовиков относились к Витебску, а одно из витебских оптовых предприятий, кожевенное акционерное общество, в 1926–1927 гг. имело годовой оборот до 1,3 млн руб. [3, с.45]. Как особенность для данной подгруппы, следует отметить, что крупные предприниматели являлись не только покупателями в розничной торговой сети, но и поставщиками для нее товара.

Помимо групп с высоким доходом, как и в любом обществе, существовал некий «средний класс» – группа населения со стабильным, но не высоким доходом (служащие учреждений, частные предприниматели с небольшим доходом, в том числе продавцы и кустари). Данная группа в основной своей массе активно приобретала через розничную торговую сеть продукты питания и промышленные товары. Степень участия их в процессе приобретения предметов роскоши, скорее всего, была незначительной. К среднему классу следует отнести и частных предпринимателей, имевших постоянный невысокий доход. Например, служащий цензовой промышленности в 1924–1925 гг. (в червонных рублях) получал в среднем в месяц 72 руб. 65 коп. В среде государственных служащих г. Минска среднегодовой заработок составлял от 49 руб. 50 коп. до 68 руб. 50 коп. [4, с. 239, 240].

Следующая группа населения, также имевшая достаточно высокую платежеспособность, но ниже, чем в первой группе, включает в себя высококвалифицированных рабочих, занимавшихся специализированным производством, требовавшим обладание знаниями особых технологий (металлисты, кожевенники, деревообделочники, торфоразработки, кожевенники, вышивальщицы и т. п.). Высококвалифицированные рабочие были более востребованы на рынке труда и обладали достаточно высоким заработком, следовательно, и покупательской способностью. Среднегодовая зарплата рабочих в цензовой промышленности по БССР в 1924–1925 гг. составляла 43 руб. 73 коп. (в червонных рублях), при этом заработок в частном секторе был чуть выше, чем в государственном, и составлял 47 руб. 92 коп. [4, с. 234, 236].

Статистические данные свидетельствуют, что, например, в марте 1925 года основная часть бюджета семьи рабочих и служащих уходила на питание, на одежду, белье, обувь, их ремонт и на топливо (в среднем почти 85 %) [4, с. 262]. Данные, опубликованные ЦСУ БССР в 1924–1926 гг. показывал, что в среднем обычные семьи рабочих и служащих государственных, частных и кооперативных и других учреждений, организаций и предприятий после уплаты всех первоочередных расходов, связанных с поддержанием жизненного уровня (с учетом коммунальных, налогов и обязательных платежей) на расходы не первостепенной важности (желательные расходы) имели от четырех копеек до пяти рублей в месяц (в червонных рублях). У некоторых семей расходы полностью соответствовали доходам. Таким образом, большинство из них для розничной торговой сети являлось в основном покупателями продуктов питания и промышленных товаров повседневной необходимости.

Изучение бюджетов семей предпринимателей органам ЦСУ БССР в 1920-е гг. не проводилось.

И, наконец, следует сказать о степени участия в розничной торговле крестьянства. Его, безусловно, необходимо выделить в особую группу покупателей. Полноценных научных исследований об истории розничной торговли в сельской местности в период НЭПа пока не проводилось. Но следует отметить, что в период НЭПа белорусский крестьянин в целом еще не являлся активным покупателями в розничной торговой сети. Основная масса отоваривалась на сельских ярмарках,

проходивших в местечках и городах, которые по официальным данным к 1924 году были окончательно восстановлены. Поэтому оценивая роль крестьянства в процессе розничной торговли, следует учитывать, что продукты питания производились ими в личном хозяйстве, поэтому основное внимание уделялось покупке промышленных товаров и сельскохозяйственных орудий.

Понятно, что участниками торгового процесса были все группы крестьянства, но с разной покупательской способностью. Общее количество облагаемых единым сельскохозяйственным налогом крестьянских индивидуальных хозяйств на 1 октября 1923 года, т. е. до первого разукрупнения республики, составило 240 369 с числом едок равным 1 328 318 человек. Из этих статистических данных видно, что основная масса крестьян вела индивидуальные хозяйства, и, следовательно, продавала свою продукцию по своему усмотрению [5, с. 196].

В среде крестьян выделяли крупные зажиточные хозяйства, в которых использовался наемный труд («кулаки»). В докладной записке «О создании образцовой Белорусской Советской Республики» отмечалось, что в республике имеется 75,6 % малоземельных и 14,6 % – безземельных крестьянских хозяйств [6]. Например, в шести уездах Минской губернии в начале 1920-х гг. насчитывалось 60 тыс. человек безземельных батраков [7]. Согласно опубликованным статистическим данным в 1925 году в среднем от 70 до 94 % сельскохозяйственных нанятых работников работали за одежду и еду. Значит, розничная торговая сеть для них не представляла особого интереса.

Работники совхозов основную часть зарплаты получали деньгами. Средняя зарплата работников в конце лета 1926 года составляла 22 руб. 40 копеек, служащих – 26 руб. 30 коп. [8, с. 207]. При таких доходах по покупательской способности их можно приравнять к группе неквалифицированных рабочих, следовательно, они не являлись активными покупателями товаров.

Зажиточные крестьяне и крестьяне среднего достатка активно участвовали в процессе розничной торговли. Но их активность проявлялась не с покупательской стороны: они являлись основными поставщиками сельскохозяйственной продукции не только на сельские ярмарки, но и на городские рынки. Причем торговали сами, поскольку для продажи сельскохозяйственной продукции собственного производства не требовалось никаких специальных разрешительных документов, а лишь уплата базарного сбора. В то же время имела место и оптовая скупка у крестьян их продукции для последующей ее реализации через розничную торговую сеть. Этим занимались и представители государственных заготовительных органов, и кооперативные организации, и частные лица. Правда, к 1926 году государство стало всячески препятствовать деятельности на селе частных оптовых скупщиков, а ряд сельхозпродукции частным оптовикам и вовсе было запрещено закупать.

Довершить представление об уровне доходов белорусского городского населения и сельского, имевшего дополнительные источники доходов, расположенные в городах, поможет статистика об объемах уплаты подоходно-поимущественного налога юридическими и физическими лицами (без учета представителей иностранных государств, государственных и кооперативных предприятий). Данный налог в 1922–1927 гг. взимался с доходов, полученных как в денежной, так и в натуральной форме, от участия в различных торговых, промышленных и кредитных предприятиях, от аренды помещений и владении недвижимым имуществом, получения любых дивидендов от денежных капиталов и ценных бумаг; занятий свободными профессиями и с ежемесячной зарплаты, превышавшей установленный государством размер. Налог уплачивался раз в полгода и рассчитывался без учета издержек производства, т. е. с суммы чистого дохода, который мог быть использован на удовлетворение личных потребностей или для расширения производства, или использован на любые

приобретения. Не платили налог рабочие и служащие, получавшие менее 75 рублей в червонном исчислении; плательщики единого сельскохозяйственного налога; военнослужащие, милиционеры, учащиеся, официально зарегистрированные безработные и инвалиды; женщины с детьми в возрасте до 14 лет или содержащие других нетрудоспособных членов семьи; лица, проживавшие на чьем-либо иждивении.

Иными словами, население, которое уплачивало подоходно-поимущественный налог, могло себе позволить активное участие в купле-продаже не только продуктов питания и товаров повседневной необходимости, делать крупные дорогостоящие материальные приобретения, тем самым активно влиять на расширение ассортимента и цену товара.

Принципы исчисления подоходного налога в период НЭПа несколько раз изменялись, а суммы подлежащие обложению пересматривались.

Таблица 1 – Данные о плательщиках подоходно-поимущественного налога (с учетом Витебской губернии) по совокупности всех полученных доходов за первое полугодие 1923/1924 хоз. года

Разряд обложения	Сумма, облагаемая налогом (в руб.)	Количество плательщиков
1	до 500	2 605
2	свыше 500 до 600	2 004
3	свыше 600 до 800	1 432
4	свыше 800 до 1000	1 008
5	свыше 1000 до 1200	571
6	свыше 1200 до 1600	295
7	свыше 1600 до 2000	137
8	свыше 2000 до 2500	49
9	свыше 2500 до 3000	26
10	свыше 3000 до 3500	12
11	свыше 3500 до 4000	5
12	свыше 4000 до 4500	1
13	свыше 4500 до 5000	3
14	свыше 5000 до 6000	1
15	свыше 6000 до 7000	—
16	свыше 7000 до 8000	—
17	свыше 8000	—
Всего		8 149

Источник: Статистический ежегодник Народного комиссариата финансов СССР за 1923–1924 гг. – Москва: Финансовое изд-во Народного комиссариата финансов СССР, 1926. – XII, 270 с. : табл. – С. 256–259.

Численность населения БССР на 1 января 1925 года стала немногим более 4 млн 300 тыс. чел., а с учетом присоединения в 1926 г. Гомельской губернии вообще составила почти 5 млн [9, с. 18].

О постепенном накоплении населением капиталов, и, следовательно, увеличении его покупательской способности говорит факт восстановления системы накопительных вкладов. В конце 1924 года число государственных трудовых сберегательных касс увеличилось до 214 с общим объемом вкладов 2 304 тыс. руб. Но в УССР, к примеру, этот показатель составлял 13 458 тыс. руб. [5, с. 140–141]. Всего по БССР общее количество вкладчиков составило 6 399 (61 тыс. руб.). В то же время в УССР подобный показатель равнялся соответственно 58 794 вкладчиков (198 тыс. руб.) [5, с. 143].

Таблица 2 – Данные о плательщиках подоходно-поимущественного налога в БССР, в соответствии с «Положением о государственном подоходном налоге», утвержденным ЦИК СССР и ВЦИК от 24 сентября 1926 года

Разряд обложения	Сумма, облагаемая налогом (в руб.)	Количество плательщиков
1	до 1000	15 568
2	свыше 1000 до 1200	7025
3	свыше 1200 до 1800	10 955
4	свыше 1800 до 2400	4264
5	свыше 2400 до 3000	2077
6	свыше 3000 до 4000	1579
7	свыше 4000 до 5000	720
8	свыше 5000 до 6000	355
9	свыше 6000 до 7000	155
10	свыше 7000 до 8000	94
11	свыше 8000 до 10000	72
12	свыше 10000 до 12000	25
13	свыше 12000 до 14000	14
14	свыше 14000 до 16000	16
15	свыше 16000 до 20000	9
16	свыше 20000 до 24000	1
17	свыше 24000	2
Всего		42 931

Источник: Статистический ежегодник Народного комиссариата финансов СССР за 1926–1927 гг. – Москва: Финансовое изд-во Народного комиссариата финансов СССР, 1929. – VIII, 227 с. : табл. – С. 115.

Таким образом, в Беларуси в период НЭПа в зависимости от покупательской способности можно выделить несколько групп населения: первая группа включает лиц с высоким доходом (в городе (ответственных партийных, советских и хозяйственных работников и высокопоставленных представителей интеллигенции, военнотружущих; частные предприниматели со стабильно высоким доходом, в основном зарабатывавших крупными оптовыми продажами) и на селе (кулаки)); вторая группа – со средним доходом (высококвалифицированные рабочие, советские служащие, прислуга, крестьяне-середняки и частные предприниматели со стабильно средним доходом); третья группа со стабильно низким или не постоянным доходом (неквалифицированные рабочие, служащие с невысокими тарифными окладами, выполнявшими работы, не требовавшими специальных знаний; официально зарегистрированные безработные, обучавшиеся в учебных заведениях с получением стипендии, проходившие срочную службу в армии, официально зарегистрированные пенсионеры, инвалиды и т. п.).

Первая группа наиболее активно включалась в процесс купли-продажи товаров, в том числе и предметов роскоши. Вторая могла себе позволить помимо продуктов питания и предметов повседневного спроса приобретать дорогостоящие товары. Третья принимала участие в основном в торговых сделках, обеспечивая себе прожиточный минимум или вовсе их не совершала. Следует также учитывать, что основную массу регулярных покупателей в розничной сети составляли горожане; крестьяне же обладали меньшей активностью, во-первых, в силу того, что являлись производителями продукции собственного потребления, во-вторых, ввиду отсутствия на селе широкой сети розничной торговли.

Статистические данные об объемах уплаты подоходно-поимущественного налога юридическими и физическими лицами за 1923–1927 гг. говорят о том, что белорусское население имело в целом весьма скромные доходы, и, следовательно, являлось массовым участником купли-продажи в первую очередь товаров повседневного спроса и, вне значительной степени, предметов роскоши.

Список используемых источников

1. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (далее – ГАВО). – Ф. 118-ОАФ «Витебский окружной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (Витебский окрисполком) и его структурные подразделения» (далее – Ф.118-ОАФ). Оп.1. Д.893.
2. ГАВО. – Ф. 118-ОАФ. Оп.1. Д.902.
3. Торговое предпринимательство в Беларуси в годы новой экономической политики (1921–1929) / Н. И. Полетаева // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта : навукова-практычны часопіс. – 2014. – № 3. – С. 43–50
4. Статистический ежегодник. 1924–1925 гг. Выпуск I. – Минск: Издание ЦСУ БССР, 1926. – 352 с.
5. Статистический ежегодник Народного комиссариата финансов СССР за 1923–1924 гг. – Москва: Финансовое изд-во Народного комиссариата финансов СССР, 1926. – XII, 270 с. : табл.
6. Государственные границы Беларуси: Сборник документов и материалов. В 2 т. Том 1 (март 1917 – ноябрь 1926) [Электронный ресурс] / Составители: В. Е. Снапковский, А. Ф. Великий, В. К. Ракашевич, А. В. Шарапо. – Минск : БГУ, 2012. – Документ № 102 // Сайт «Западная Русь». – Режим доступа: <https://zapadrus.su/bibli/arhbib/1492-sbornik-dokumentov-gosudarstvennye-granitsy-belarusi-tom-1.html>. – Дата доступа: 02.03.2021.
7. Грузицкий, Ю. НЭП в Беларуси [Электронный ресурс] / Ю. Грузицкий // Журнал «Финансы, учет, аудит» / М-во финансов РБ, Бел. гос. экон. ун-т, БГУ, Бел. гос. страховая орг. – 2015. – № 2. – С. 39–41. Режим доступа: <http://www.bseu.by:8080/handle/edoc/69990>. – Дата доступа: 02.04.2021.
8. Статистический ежегодник БССР. 1925–1926 гг. – Минск : издание ЦСУ БССР, 1928. – XII, 527 с. : табл.
9. СССР по районам: Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР) / составил М. В. Довнар-Запольский. – Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1928. – 107, [1] с., [1] л. карт.: табл.

УДК 35.08

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Вечер Л.С., доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

Ключевые слова: НЭП, аппарат управления, эффективность деятельности, профессиональная компетентность.

Реферат. В материалах рассматривается конкурентоспособность государственных служащих как фактор эффективного развития страны через призму НЭПа.

Большинство современных исследователей НЭПа приходят к выводу, что его свертывание в конце 20 х гг. закономерное следствие обострения противоречий НЭПа. Отказ от этой политики был подготовлен сложным взаимодействием экономических, политико-идеологических и социально-психологических причин и в частности НЭП получил в наследство от военного коммунизма некомпетентность аппарата управления. Так, на 1 января 1928 ода в правлениях трестов и синдикатов лиц с начальным образованием насчитывалось соответственно 45, 6 и 50 % [1, 212].

Компетентность аппарата управления и на сегодняшний день имеет решающее значение в перспективах развития страны.

Профессионально-должностное развитие государственных служащих должно быть направлено на повышение их конкурентоспособности в современном мире.

Эффективность деятельности государственных служащих невозможна без непрерывного общего и специального образования, способствующего формированию профессиональной пригодности в новых условиях. Применительно к государственной службе, как к профессии, признаки профессиональной пригодности имеют свою специфику.

Современные исследования ученых и специалистов позволяют сделать вывод, что профессионализм государственных служащих требует, как минимум следующих качеств, это: во-первых, компетентность, знания и опыт работы; во-вторых, организаторские способности; в-третьих, постоянное занятие только государственной службой без отвлечения на что-либо (политическую деятельность, предпринимательство и т. д.), в-четвертых, четкость и дисциплинированность в работе.

Профессия государственного служащего не только одна из наиболее социально значимых, но и одна из самых сложных. Она требует на подготовку больших затрат времени и средств, а от человека служебно-профессиональных, высоконравственных качеств, большой культуры, творчества.

Профессиональное развитие государственных служащих представляет сложный механизм отбора, комплектования, воспроизводства кадрового корпуса органов власти, способного осуществлять политику государства.

В механизме профессионального развития государственных служащих и повышении их конкурентоспособности ведущее место принадлежит системе профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров.

В Академии управления при Президенте Республики Беларусь в системе профессиональной подготовки, переподготовки, стажировки и повышения квалификации государственных служащих большое внимание уделяется компетентностному подходу, учитывая, что компетентность есть способность к эффективной реализации профессиональных знаний в практической деятельности. На профессиональную компетентность государственного служащего накладывает отпечаток специфики государственной службы. Так, государственная служба призвана гарантировать стабильность и порядок в государстве, согласовывая интересы людей, носит властных характер, носит публичных характер, строится в строгой иерархии, носит признаки сословности и корпоративности, отличается политическим характером деятельности.

Профессиональная компетентность должностного лица государственной службы немыслима без организационной, экономической, производственной, личной культуры, культуры управления и общения, политической культуры [2].

Успешный инновационный процесс предполагает наличие созидательной инициативы со стороны его участников. Такой инициативы трудно ожидать от людей, отчужденно относящихся к своему труду, своей организации. Поэтому главным в обучении государственных служащих должно быть обучение, базирующиеся на компетентностном подходе по индивидуальным планам, учитывающим особенности каждого слушателя, его базовое образование, характер работы, уровень подготовки, формирующий инновационную восприимчивость личности.

На этой основе есть реальная возможность подготовить конкурентоспособного государственного служащего, который будет проводить в жизнь инновационную политику государства. Все обучение должно быть нацелено на то, что конкурентоспособный государственный служащий – это лидер, у которого хорошо развиты профессионально-ориентированные и адаптационно-технологические способности.

Таким образом, конкурентоспособность государственной службы зависит от системы мероприятий, обеспечивающих формирование такого состава государственных служащих, количественные и качественные характеристики которых отвечали бы целям и задачам государства. Исторический опыт учит, что некомпетентность государственного аппарата не только тормозит развитие государства в целом, но и способствует его разрушению.

Список используемых источников

1. Экономическая история Беларуси : учеб. пособие / В. И. Голубович [и др.]; под ред. проф. В. И. Голубовича. – Минск : «Экоперспектива», 2001. – 400 с.
2. Усольцева, О. А. Современные особенности обучения чиновников в системе дополнительного образования / О. А. Усольцева // Социология власти. – 2009. – С. 198–201.

УДК 338.2:94"19/..."

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД НЭПА

Грузицкий Ю.Л., старший научный сотрудник
ИИ НАНБ г. Минск, Республика Беларусь

Ключевые слова: НЭП, народный комиссариат финансов, госбюджет, налоги.

Реферат. Статья посвящена процессу формирования налоговой системы в условиях перехода к новой экономической политике. Выделяются особенности налогообложения в БССР.

С переходом к НЭПу необходимость укрепления финансов, сбалансированности бюджета требовали создания эффективной налоговой системы, восстановления денежных платежей. Требовалось переходить от практики взыскания чрезвычайных и единовременных налогов к постоянным налоговым поступлениям в бюджеты. В резолюции III Всебелорусского съезда Советов (10–16 декабря 1921 г.) по докладу Народного комиссариата финансов ССРБ в области налоговой политики была поставлена задача осуществлять «неотложное проведение как прямого, так и косвенного обложения, беспощадного как для предметов роскоши и предприятий, обслуживающих буржуазные слои населения, умеренного для предметов потребления широких слоев пролетариата, для чего изыскивать возможные источники и

разрабатывать правила обложения...» [1, с. 52]. Как видно, «классовый» принцип налогообложения сохраняется.

Одним из первых 14 сентября 1921 г. был введен промысловый налог, которым облагались торговля и промыслы в зависимости от объема оборотов и применения наемного труда. Он состоял из патентного и уравнительного сбора. Это фактически начало возрождения налоговой системы Беларуси. Вначале промысловый налог распространялся на частных предпринимателей и личные промыслы с применением наемного труда. С февраля 1922 г. – на государственные, кооперативные, общественные предприятия и хозяйственные организации, а также личные промыслы, не применяющие наемный труд. Резко повышалось обложение производства предметов роскоши, табачных изделий и торговля ими. Торговые предприятия делились на 5 разрядов в зависимости от характера (с рук, лотков, количества продавцов, розничная, оптовая) [2, с. 50; 3, с. 239].

В 1922/1923 хозяйственном году 84 % общей суммы поступившего на территории республики налога уплатили частные предприниматели и торговцы, тогда как предприятия государственного (социалистического) сектора – лишь 13 %. В последующие годы доля госсектора выросла и составила в общей сумме налога в 1926/1927 г. почти половину (48,4 %) [3, с. 239].

Однако промысловый налог обладал недостатками, так как он имел выраженную социальную направленность. «Классовый принцип», проявлялся в том, что, отсутствовала прямая зависимость величины обложения от размера дохода плательщика. Лица, получавшие доходы от частной торговли и промышленности и других «нетрудовых источников», выделялись в отдельную группу и платили налог по более высоким ставкам.

В середине 20-х гг. шла реорганизация налоговой службы БССР. Так, были ликвидированы организационные промежуточные инспекции отделов, создана групповая система управления из 23 человек. Руководителям групп «предоставлялось право самостоятельно и окончательно решать вопросы операционной работы». В Наркомфине было создано девять таких групп, в том числе по промысловому, подоходному, сельскохозяйственному, местному и другим видам налогов. Налоговым управлением разработан проект реорганизации финансовых участков. Создано 25 городских и 30 сельских участков со штатом 142 человека [4, с. 6].

В 1926 г. в СССР был введен налог на сверхприбыль с целью «изъять доходы частнокапиталистических элементов, полученные в результате применения спекулятивных цен». Плательщиками выступали владельцы торговых и промышленных предприятий, а также торговые посредники. Объект обложения – прибыль за данный год, превышавшая норму, исчислявшуюся исходя из установленных цен. Норма прибыли определялась губернскими финансовыми отделами совместно с органами торговли. Размер налога не должен был превышать 50 % оклада подоходного налога. В 1926/1927 г. в Беларуси этим налогом было обложено 1849 торговых предприятий – 15,5 % от всех действовавших в республике. А в 1927/1928 г. – уже 2560 торговых организаций, т. е. более чем на 711 торговых учреждений или на 38,5 % [5, л. 21 об.]. Так через налоговый пресс шло вытеснение частника из торговли.

16 ноября 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли «Положение о государственном подоходно-поимущественном налоге». Обложению подлежали граждане, проживавшие в городах и извлекающие доходы из следующих источников:

- от участия в торговых, промышленных и кредитных предприятиях в качестве собственников, владельцев, совладельцев, арендаторов, пайщиков, вкладчиков и вообще от всяких занятий ремеслами;

- от владельцев зданиями и др. имущества в городах;

- от денежных капиталов, процентных и дивидендных бумаг;
- от занятий свободными профессиями;
- от вознаграждения за работу и службу в учреждениях и предприятиях, превышаемый размер, устанавливаемый особыми постановлениями [2, с. 89].

Очевидно, что этот налог предназначался для регулирования накоплений частного сектора экономики. Наряду с ним взималось несколько налогов: с грузов, перевозимых железнодорожным и водным путем, со строений, рента с городских земель, гербовый сбор со сделок, документов, счетов, векселей и других государственных бумаг, плата за пользование государственными угодьями и др.

В 1923 г. был введен подоходный налог с первоначальной ставкой 10, затем – 20 % прибыли предприятий. Кроме этого налога предприятия после утверждения годового отчета перечисляли в бюджет дифференцированную процентную долю отчислений от прибыли.

Радикально меняется система обложения сельхозпроизводителей. Введенный в 1921 г. натуральный продовольственный налог вместо продразверстки при возрождении товарно-денежных отношений становится анахронизмом. В 1923 г. он заменяется на единый сельскохозяйственный налог, который мог вноситься как натурой, так и деньгами. Налог взимался с учетом размеров дохода крестьянского хозяйства, количества земли, скота, состава семьи и получаемого урожая. По шести уездам тогдашней Беларуси были установлены пропорции между денежной и натуральной частью налога. Так, в Минском уезде она составляла 50:50, Бобруйском, Борисовском и Мозырском – 40:60; Игуменском – 35:60, Слуцком – 20:80 [3, с. 105].

Большая часть денежных налогов приходилась на те уезды, которые были расположены вдали от приемных пунктов и транспортных коммуникаций. Многие бедняцкие и середняцкие хозяйства частично, а семьи красноармейцев полностью освобождались от сельскохозяйственного налога.

Вопрос о налогообложении сельского населения, составлявшего в Беларуси свыше 85 % всех жителей, являлся в первые годы НЭПа сложным и дискуссионным. Нарком финансов БССР С. Талунтис отмечал неравномерность размеров налогообложения в республике, поскольку в БССР экономическая мощь крестьянских хозяйств в отличие от России определялась не столько количеством земли, сколько наличием скота и инвентаря. По расчетам наркома в 1923 г. на налоги приходилось до четверти условно чистого дохода крестьянских хозяйств республики, что говорило об опасности подрыва основ развития аграрного сектора [6, с. 79].

В результате изменений в налоговом законодательстве общая сумма сельскохозяйственного налога на 1925/1926 г. была уменьшена в среднем по СССР на 25 %, а в БССР на 35 %. Если в 1924/1925 г. этот налог в республике был исчислен в сумме 10 690,6 тыс. руб., то в 1925/1926 г. он составил 7 495,4 тыс. руб. [7, с. 267].

В 1925 г. был введен военный налог, который уплачивали не призванные в армию мужчины в возрасте от 21 до 40 лет. В течение первых двух лет налог взимался в повышенном размере – 25 % от уплачиваемых этими лицами окладов подоходного и сельскохозяйственного налогов. Поступления от военного налога расходовались исключительно на оказание помощи инвалидам Гражданской войны.

С формированием системы прямого налогообложения государство вводит также косвенные налоги в виде акцизов на отдельные товары. Косвенные налоги были объективной необходимостью в условиях многоукладной экономики и слабой подготовленности финансового аппарата для проведения обоснованного и четкого обложения. Техника их взимания была менее сложной, и, кроме того, отвечала принципу массовости налогообложения. При отсутствии квалифицированного налогового аппарата косвенные налоги превратились в важный источник доходов бюджета. Здесь задача финансовых органов также заключалась в перенесении основной

тяжести налогового бремени на имущие слои населения. С этой целью акцизы дифференцировались в зависимости от качества изделий, продажной цены, круга потребителей.

Первый косвенный налог (акциз на виноградные, плодово-ягодные и изюмные вина) был введен в ноябре 1921 г., а немного позднее – на спички, табачные и гильзовые изделия. Решением Экономического совещания БССР в ноябре 1921 г. было введено обложение импортных товаров. Вскоре налоговое управление республики ввело ставки акцизов на 1 декабря 1922 г., из которых наиболее высоким было обложение игристых, импортных вин, сигар и др. [2, с. 95]. В начале 1922/1923 г. таких налогов было 15, а в 1923 г. ввели еще 6 акцизов на настойки крепостью 20 градусов, на восковые и озокеритовые свечи и на резиновые галоши и др. [10, л.14 об.]. В поиске источников формирования бюджета финансовые органы обращались к различным товарам, которые не представляли собой каких-то предметов роскоши.

В течение 1924 г. были введены акцизы на пиво, мед, квас, фруктовые минеральные воды, на спирт (для технических целей), на соль; на нефтяные продукты (керосин, нефтяные масла, бензин); на сахар, сахарин и другие сладкие вещества; на восковые, и озокеритовые свечи; на чай, кофе, цикорий, дрожжи; на коньяк и водочные изделия. Такой широкий круг акцизов был обусловлен бюджетными интересами. Дифференциация ставок акцизов была направлена на регулирование уровня потребления различных групп населения.

Восстановление товарно-денежных отношений и возрождение рынка ценных бумаг потребовали введения государственных пошлин: гербового сбора, канцелярского сбора, нотариального сбора, судебных пошлин, портовых сборов, консульских сборов. Наибольшее финансовое значение имел гербовый сбор, которым оплачивались документы, связанные с торговыми и биржевыми сделками, заключением договоров, оформлением завещаний, обращением векселей, акций, облигаций.

Налоговая политика НЭПа с выраженной фискальной направленностью была призвана содействовать реализации поставленных советским руководством задач – индустриализации, коллективизации. В 1926 г. повысилась степень обложения промысловым налогом частных предпринимателей, что свидетельствовало об усилении наступления на «капиталистические элементы». Не выдержав налогового бремени, многие частные предприятия стали ликвидироваться.

К 1 апреля 1928 г. прекратили деятельность 4900 предприятий – 29,8 % всех предприятий негосударственного сектора. В результате наступления на «частнокапиталистический» сектор в 1932 г. их в республики практически не стало. При обложении налогом было учтено лишь 367 торговых и 4 промышленных предприятия [9, с. 67].

Такая же политика проводилась и в деревне. Размеры сельхозналога дифференцировались в зависимости от того, является ли крестьянин колхозником или продолжает вести единоличное хозяйство. Зажиточные крестьяне, использовавшие наемный труд, подвергались индивидуальному обложению. В 1928/1929 хозяйственном году тяжесть обложения для беднейших хозяйств уменьшилась на 42 %, а зажиточных – увеличилась на 90–120 % [9, с. 66].

Однако в середине 20-х гг. ресурсы налоговых доходов были почти исчерпаны. Поступления от государственного сектора экономики хотя и несколько выросли, но играли второстепенную роль. Это объясняется недостаточным уровнем развития социалистического сектора в условиях восстановительного периода, поэтому накопления использовались преимущественно государственными предприятиями на собственные нужды.

Доходная часть бюджета БССР предполагала в первую очередь поступления от прямых налогов (единый сельхозналог, промысловый налог). Косвенные налоги

(таможенные доходы, гербовый сбор) зачислялись в бюджет СССР. В итоге главную массу неналоговых доходов в республиканский бюджет давал государственный лес, тогда как промышленность внесла лишь 14,3 %. Это объясняется слабым развитием республиканской экономики в период послевоенного восстановления [3, с. 252].

К завершению НЭПа большое внимание республиканская налоговая служба уделяла базарной торговле, как наиболее распространенной. В больших городах, где такая торговля шла постоянно, к каждому базару были прикреплены помощник инспектора или финансист для постоянного наблюдения за торговлей. В малых городах и местечках, где базары открывались обычно раз-два в неделю, наблюдение за торговлей проводилась районными инспекторами [10, л. 18].

В целом налоговая кампания 1927/1928 г. характеризуется наиболее полным выявление подлежащих налогообложению лиц, и облагаемых доходов ко всем категориям плательщиков, в частности с крупными нетрудовыми доходами при одновременном расширении льгот для трудящихся, а, следовательно, усилением классового принципа в обложении.

К началу первой советской пятилетки (1929–1933) основными доходными источниками бюджета государства были поступления от общественного хозяйства и привлеченные средства населения, которые поступали через систему налогообложения, а также и государственных займов. Этого не хватало для бездефицитного сбалансирования республиканского и местных бюджетов. В итоге налоговиками был нанесен удар как по частному капиталу, так и по реальному сектору экономики, среднему товаропроизводителю. В конечном счете, это тормозило развитие предпринимательства, ослабляло налогооблагаемую базу.

Список используемых источников

1. III Всебелорусский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (10–16 декабря 1921 г.). Резолюции и постановления. – Минск. – Государственное издательство Белоруссии. – 1921. – 172 с.
2. Новая финансовая политика. Народный комиссариат финансов Социалистической Советской Республики Белоруссии. Краткий сборник действующих узаконений и распоряжений по финансам. – Минск, 1922. – 152 с.
3. Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг. / под ред. Ф. С. Мартинкевича, В. И. Дрица. – Минск : Наука и техника, 1973. – 332 с.
4. Бацкалевич, В. Время и судьбы / В. Бацкалевич // Финансы. Учет. Аудит. – 2008. – № 8. – С. 4–7.
5. НАРБ. Ф.93.Оп.1. Д.6381.
6. Бусько, В. Первопроходцы. К 120-летию со дня рождения С. Я. Талунтиса / В. Бусько // Финансы. Учет. Аудит. – 2000. – № 10. – С.78–79.
7. Маргунский, С. П. Государственное строительство БССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925) / С. П. Маргунский. – Минск, 1966. – 280 с.
8. НАРБ. Ф.93.Оп.1. Д.6381.
9. Очерки финансов и кредита Белоруссии / под ред. Л. А. Рубанова, З. И. Георгидзе. – Минск : Вышэйшая школа, 1970. – 226 с.
10. НАРБ. Ф.93.Оп.1. Д.6381.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ – ВЫСШИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОРГАН СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД НЭПА

Грузицкий Ю.Л., старший научный сотрудник
ИИ НАНБ г. Минск, Республика Беларусь

Ключевые слова: НЭП, экономические совещания, Госплан, хозрасчет, Совнарком.

Реферат. Статья посвящена процессу формирования системы управления экономикой Беларуси в условиях перехода к новой экономической политике. Выделяются этапы и особенности деятельности Экономического совещания БССР – высшего хозяйственного органа республики.

С момента рождения советского государства проблема централизованного хозяйственного управления становится одной из важнейших. В 1920 г. сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета приняла решение о разработке Государственного плана развития народного хозяйства государства. Таким документом стала программа ГОЭЛРО, положившая начало системе государственного планирования, а вместе с ней – созданию общегосударственного органа планирования и соответствующих органов на местах. VIII Всероссийский съезд Советов 1920 г. в своем постановлении указал на необходимость создания в губерниях и областях высших хозяйственных органов – Экономических совещаний (ЭКОСО) [1, с. 273]. Так было положено начало формированию планово-экономических органов.

В январе 1921 г. в обстановке восстановления разрушенного войнами и интервенцией хозяйства ЦИК Советской Беларуси образовал при Совете Народных Комиссаров в качестве его постоянной комиссии Экономическое совещание – высший хозяйственный орган республики. В его состав входили председатели СНК ССРБ, Совета народного хозяйства (СНХ), Совета профсоюзов республики, народные комиссары (труда, земледелия, продовольствия, финансов, рабоче-крестьянской инспекции). С правом совещательного голоса в состав ЭКОСО были включены председатель Центробелсоюза, заведующие коммунальным отделом НКВД ССРБ, Центральным статистическим бюро и Управлением местного транспорта республики [2, с. 191]. Председателем Экономического совещания первоначально был председатель, а в дальнейшем – заместитель председателя СНК ССРБ. Очевидно, что Экономическое совещание было авторитетным органом уже по самому своему составу.

Задачи ЭКОСО заключались в направлении, согласовании и контроле экономической деятельности наркоматов. Оно рассматривало отчеты хозяйственных наркоматов и крупнейших организаций, разногласия по хозяйственным вопросам между наркоматами, осуществляло надзор за работой арбитражной комиссии, разрешающей имущественные споры между государственными организациями. ЭКОСО утверждало уставы трестов, акционерных обществ, осуществляло законодательные функции по хозяйственным вопросам, поступавшие к нему вопросы решало окончательно или передавало на утверждение СНК республики. Экономическое совещание принимало от имени правительства постановления по вопросам обороны, труда, промышленности, транспорта, кредита и другим, обязательные к исполнению на всей территории республики.

В июле 1921 г. при Экономическом совещании ССРБ была создана Плановая комиссия, в задачи которой входило изучение состояния промышленности и сельского хозяйства и введение плановых начал во все отрасли народного хозяйства республики.

30 июня 1921 г. ЭКОСО разработало и утвердило Положение о Плановой комиссии (Госплане) республики [3, л. 69]. Однако из-за невозможности укомплектовать этот важный орган квалифицированными экономистами, руководство экономикой республики осуществляло ЭКОСО при посредстве секретариата и плановых отделов хозяйственных наркоматов. В первые годы НЭПа ведущую роль в управлении экономикой республики играло Экономическое совещание.

На протяжении 1921 г. в состав республиканского ЭКОСО были еще введены уполномоченный Народного комиссариата ССРБ внешней торговли, председатель плановой комиссии, представители железных дорог, Центробелсельхоза республики.

Первое заседание Экономического совещания республики состоялось 26 апреля 1921 г. Начало работы ЭКОСО совпало с изменением экономической политики советского государства – НЭПом. Осуществлялся переход от продразверстки к продналогу, возрождались товарно-денежные отношения, принципы коммерческого расчета. Экономика Беларуси находилась в состоянии кризиса, разрухи и планового регулирования хозяйства республики в это время фактически еще не было, да и быть не могло. Хозяйственное положение республики «не давало возможности строить какого-либо плана на более или менее продолжительный период» [4, с. 59; 5, с. 164]. На повестке дня стояла масса текущих проблем, требовавших скорейшего разрешения.

III Всебелорусский Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, проходивший 10–16 декабря 1921 г., оценивая деятельность республиканского ЭКОСО, отмечал, что «Экономсовещание Белоруссии со своей задачей органа, вносящего единство, руководство и продуманность в работу хозяйственных органов Белоруссии, справилось удовлетворительно и сделалось центром хозяйственного творчества Республики» [6, с. 14].

В том же 1921 г. ЭКОСО организует ряд уездных экономических совещаний: Бобруйское, Борисовское, Игуменское, Минское, Мозырское. При Слуцком уездном исполнительном комитете вместо экономического совещания проводились экономические заседания [7, с. 28–30]. Напомним, что в это время территория советской Беларуси состояла из этих шести уездов с населением всего 1,5 млн чел. Экономические заседания организовывались также в волостях при местных исполкомах.

Низовым звеном ЭКОСО были создаваемые на некоторых наиболее крупных предприятиях фабричные и заводские экономические совещания. Совместно с заводоуправлениями они выясняли причины, тормозящие выполнение производственных заданий, разрабатывали мероприятия по снабжению сырьем, топливом, рабочей силой и др.

В поле зрения уездных экономических совещаний и заседаний оказались вопросы налогообложения, коммунального хозяйства, сдачи в аренду местных предприятий, рабочего снабжения, организации работы в совхозах и народных имениях, заготовки топлива и др. В связи с проведением НЭПа встало много вопросов хозяйственной жизни, требующих немедленного разрешения и проведения в жизнь.

С согласия Президиума ВСНХ и по постановлению республиканского ЭКОСО с декабря 1921 г. были сняты с государственного снабжения и переведены на хозрасчет 48 предприятий с количеством рабочих 3185. К концу 1922 г. почти вся государственная промышленность была переведена на хозрасчет [8, с. 28–33]. Переведенные на хозрасчет объединения и предприятия, представлявшие собой самостоятельные в оперативно-хозяйственном отношении единицы, наделялись основными фондами и оборотными средствами, в то время как основные фонды находились в ведении совнархозов и ЭКОСО.

Важным вопросом, стоявшим перед ЭКОСО в начале его работы, было определение экономического состояния республики. Развертывая свою деятельность,

Экономическое совещание Беларуси поручило республиканскому Совету Народного Хозяйства и хозяйственным наркоматам провести обследование промышленных предприятий республики, чтобы определить основу, на которой должны строиться все будущие хозяйственные расчеты в области фабрично-заводской промышленности, транспорта, продналогов, гужевой повинности и т.п. В марте 1921 г. такое обследование было осуществлено. Оно проходило с учетом перспектив развития государственной промышленности и организационных форм управления ею [4, с. 15]. Однако перепись прошла лишь в городах, в сельской же местности по различным причинам учесть все предприятия не удалось.

В первые месяцы своего существования работа ЭКОСО по регулированию экономики существенно осложнялась разрухой, разрывом хозяйственных связей, распылением рабочего класса, малой территорией. Экономическому совещанию приходилось уделять много времени различным текущим вопросам, связанным с ликвидацией последствий войн, налаживать учетную работу.

О планировании экономики в период 1921–1922 гг. говорить не приходится, так как почти вся работа ЭКОСО пока сводилась к обсуждению и решению многих отдельных хозяйственных вопросов. В это время по заданию и под контролем экономических совещаний в республике проводилась реорганизация управления промышленностью в условиях перехода к новой экономической политике.

Принятые Экономическим совещанием постановления по вопросам народного хозяйства были обязательными для исполнения на всей территории республики. Руководство промышленностью республики ЭКОСО осуществляло через Совнархоз республики, пользовавшийся широкими полномочиями. СНХ Беларуси принадлежало общее руководство промышленным сектором и непосредственное управление предприятиями, переданными в его подчинение. Совнархозу предоставлялось право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли, проведения других мероприятий в области производства и распределения промышленной продукции, а также государственных финансов.

После образования в декабре 1922 г. СССР Совнархоз республики представлял на утверждение ЭКОСО БССР и ВСНХ СССР производственный план и бюджет промышленности, находившейся в его ведении, проекты законодательства республики в области промышленности, руководящие инструкции.

Большое значение республиканское Экономическое совещание придавало вопросу кредитования национальной экономики. В апреле 1923 г. ЭКОСО высказалось за необходимость открытия Всебелорусской конторы Промбанка в Минске и филиалов в Витебске, Гомеле и Смоленске. Мнение ЭКОСО поддержал ЦИК республики. Спустя два года, в апреле 1925 г. для согласования деятельности кредитных учреждений, действовавших на территории БССР, постановлением ЭКОСО при Всебелорусской конторе Госбанка было создано Совещание по делам банков БССР и утверждено положение о нем [8, с. 276].

2 июня 1924 г. на заседании ЭКОСО БССР было принято решение об образовании «фонда на восстановление хозяйства Белоруссии», который «должен находиться в распоряжении Экономического совещания Белоруссии и расходоваться на основании правил, обеспечивающих максимальную гибкость и подвижность в распоряжении этим фондом» [9, с. 163–164].

В ведении Экономического совещания республики находились комиссии: строительная, по внутренней торговли, по учету и реализации государственных фондов, межведомственная метрическая, центральная арендная, центральная по районированию, комитета по стандартизации и топливу и экспертное совещание. В середине 1920-х гг. при ЭКОСО функционировали комиссии для разработки мер

развития местной промышленности, улучшения качества продукции. В 1926 г. начало работать Организационное бюро по кооперированию кустарей и ремесленников.

27 ноября 1924 ЭКОСО БССР утвердило типовой устав треста республиканского, а 15 декабря – устав треста местного значения [2, с. 199]. Трестам предоставлялась широкая хозяйственная автономия, они являлись основным звеном управления государственной промышленности.

В 1925 г., когда в Беларуси развернулось наступление на частника, ЭКОСО принимало меры для замедления его вытеснения с рынка. В постановлении ЭКОСО от 21 января 1925 г. указывалось: «Для создания устойчивых условий работы частного торгового капитала необходим более осторожный подход фискальных органов к вопросам налогового обложения». В решении ЭКОСО по докладу народного комиссариата торговли БССР от 19 января 1927 г. отмечалось, что частник играет значительную роль в обороте республики и его аппарат необходимо использовать и в дальнейшем, так как кооперативная и государственная торговля не в состоянии охватить весь рынок ввиду отсутствия необходимых материальных и людских ресурсов, а также дороговизны торгового аппарата [8, с. 190–192].

11 апреля 1927 г. утверждена новая Конституция БССР, в которой для ЭКОСО был определен статус постоянной комиссии Совнаркома. Однако по своему назначению, целям и задачам совещание являлось высшим экономическим органом республики, призванным вносить «единство, руководство и продуманность в работу хозяйственных органов Белоруссии» [10]. В пределах своей компетенции ЭКОСО имело право отменять, изменять и приостанавливать распоряжения наркоматов БССР. Для рассмотрения наиболее важных вопросов с мая 1927 г. проводились объединенные заседания СНК и ЭКОСО.

18 мая 1927 г. ЦИК БССР утвердил «Положение об Экономическом совещании при Совете Народных Комиссариатов БССР», на которое возлагалось: рассмотрение и утверждение решений различных отраслей народного хозяйства БССР (финансов, промышленности, торговли, транспорта и т. п.) и принятии необходимых мер для их развития.

С июня 1927 г. Экономическое совещание обслуживалось единым с СНК аппаратом и Управлением делами. ЭКОСО осуществляло планомерное регулирование народного хозяйства республики, обеспечивало согласование экономических и хозяйственных мероприятий, проводившимися наркоматами. На него возлагалось утверждение народнохозяйственных планов БССР, общее руководство и контроль за работой наркоматов в области народного хозяйства, рассмотрение их отчетов, разрешение разногласий по хозяйственным вопросам. Состав ЭКОСО утверждался СНК БССР. В пределах своей компетенции Экономическое совещание издавало постановления, распоряжения и инструкции.

7 мая 1931 г. Экономическое совещание было переименовано в Экономический совет с оставлением всех функций, утвержденных положением от 18 мая 1927 г. К этому времени широко развернул свою деятельность Госплан республики и все основные вопросы прежде, чем поступить в ЭКОСО, основательно прорабатывались Госпланом БССР.

В конце 1920-х гг. проходило поэтапное свертывание НЭПа. Ликвидировались синдикаты в промышленности, из которой административно вытеснялся частный капитал, создавалась жёсткая централизованная система управления экономикой. Деятельность СНК БССР по управлению экономикой и социально-культурным строительством республики все больше направлялась партийными органами.

Список используемых источников

1. Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет, (22–29 декабря 1920 года). – М.: Гос. изд-во, 1921. – IV, 299 с.
2. История государства и права Белорусской ССР / Академия наук Белорусской ССР, Институт философии и права. Т. 1: 1917–1936 гг. / С. П. Маргунский [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1970. – 420 с.
3. НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 353.
4. 1-й Отчет Экономического совещания при Совете Народных Комиссаров Белоруссии. – Минск: Государственное издательство Белоруссии, 1922. – 189 с.
5. Чарнявский, Г. К пятилетию Экономсовещания БССР (Краткий обзор его деятельности) / Г. Чарнявский // Советское строительство. – 1924. – № 4. – С. 160–168.
6. III Всебелорусский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (10–16 декабря 1921 г.). Резолюции и постановления. – Минск. – Государственное издательство Белоруссии. – 1921. – 172 с.
7. 2-й Отчет Экономического совещания при Совете Народных Комиссаров Белоруссии. – Минск: Государственное издательство Белоруссии, 1922. – 54 с.
8. Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг. / под ред. Ф. С. Мартинкевича и В. И. Дрица. – Минск: Наука и техника, 1973. – 332 с.
9. Восстановление народного хозяйства БССР (1921–1925 гг.): сборник документов и материалов / кол. авт. Главное архивное управление при Совете Министров БССР, Академия наук БССР, Институт истории, Академия наук БССР, Институт экономики, Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР; отв. сост. Э.Л. Козловская. – Минск : Беларусь, 1981. – 270 с. : табл.
10. Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. – Менск: Выданьне Цэнтральнага Выканаўчага Камітэту Б. С. С. Р. – 1927. Конституция (Основной закон) Белорусской Социалистической Советской Республики в редакции от 11 апреля 1927 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pravo.by.

УДК 343.2/.7

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, В ТОМ ЧИСЛЕ В ПЕРИОД НЭПА

Гуминский М. Н., аспирант
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, РСФСР, СНК, противодействие, советское законодательство, уголовная ответственность, административная ответственность.

Реферат. В статье проводится историко-правовой анализ становления и развития законодательства в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, начиная с 1917 года.

Вопросами историко-правового исследования борьбы с незаконным оборотом наркотических средств занимается ряд ученых. Так, в трудах Н.А. Артеменко прослеживается попытка систематизации факторов, оказавших немалое влияние на распространение наркопреступности [1]. Имеется и ряд иных научных трудов, предметом исследования которых являются нормы законодательства советского периода, а также социальные, медицинские и культурные факторы, способствующие распространению данного явления, к примеру, таких авторов, как И.Е. Милова [6], П.А. Васильев [2], А.А. Майоров и В.Б. Малинин [5], Н.А. Мирошниченко [7] и др.

Развитие антинаркотического законодательства в 1917–1920 гг. шло своеобразным путем, что называется «борьба по мере возникновения проблемы», что обусловлено отсутствием сформированного блока законодательства в этой сфере. Важным историческим документом является Декрет «О суде» 1917 года. Согласно положениям данного Декрета, Советом народных комиссаров были упразднены судебные органы, институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры [4]. При этом в Декрете нет упоминания о порядке рассмотрения дел в сфере борьбы с наркопреступностью, а лишь есть упоминание о том, что по особым категориям дел будет издан особый декрет.

Такого рода «особые декреты» были направлены на установление контроля над оборотом наркотических средств. К примеру, 8 апреля 1918 года был принят Декрет Совета Народных Комиссаров «О передаче запасов опия». Декретом было постановлено передать запасы опия Московского алкалоидного завода в ведение Комиссариата финансов по главному управлению неокладных сборов, а также предложить Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией имеющиеся у нее запасы опия передать в ведение Комиссариата финансов по Главному управлению неокладных сборов [4]. Анализ данного документа свидетельствует о передаче контроля оборота наркотических средств в финансовую сферу и о снятии такого круга компетенции с ВЧК.

Только пришедшая советская власть слишком «жестко» принимала решения в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. Так, 28 февраля 1918 г. (без номера) было принято Постановление Совета Народных Комиссаров «О борьбе со спекуляцией» [17]. В отношении тех субъектов, кто был уличен в спекуляции наркотических средств уполномоченным советским органам было предоставлено право их расстрела на месте. При этом спекуляция наркотиками признавалась самой страшной и отвратительной среди ее разновидностей. Круг уполномоченных органов, осуществляющих борьбу со спекуляцией наркотиков, был достаточно широк: ВЧК, управления городской милиции, уголовного розыска, Народный комиссариат Юстиции, Народный комиссариат здравоохранения.

11 декабря 1918 года было принято Постановление Совета Обороны о порядке ареста Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности сотрудников советских учреждений и предприятий [17, с. 208]. В данном документе не конкретизируются действия спекулятивного либо контрреволюционного характера, а лишь идет речь о порядке уведомления советских учреждений об аресте лиц, причастных к совершению данных преступлений. При этом акцент в данном Постановлении сделан на арест сотрудников советских учреждений и предприятий и абсолютно не затрагивал порядок ареста иных категорий лиц.

Однако 20 января 1919 года Постановлением ВЦИК «Об упразднении уездных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности» в целях более правильной организации и рациональной борьбы с данной категорией преступлений немедленно упразднялись все уездные чрезвычайные

комиссии [17, с. 301]. Дальнейшее правопреемство получали губернские чрезвычайные комиссии, находящиеся в подчинении у Всероссийской чрезвычайной комиссии.

Местные подразделения Всероссийской чрезвычайной комиссии были наделены широким кругом полномочий в области борьбы с наркоманией. К примеру, согласно положениям Декрета Всероссийской Центральной Исполнительной Комиссии (далее – ВЦИК) от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» такие подразделения были уполномочены на расстрел торговцев кокаином без проведения судебного процесса [2, с. 86].

В 1922 году происходит систематизация уголовного законодательства и вступает в силу Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР). Несмотря на первую попытку максимально полного отражения советских правоохранительных норм, в данном Кодексе не было предусмотрено специальных составов преступлений в области незаконного оборота наркотических средств. Однако уголовно-правовые нормы содержали в себе «составы общего характера», позволяющие привлекать к уголовной ответственности за данную деятельность виновных лиц. Невключение специальных «наркотических составов» в нормы УК РСФСР, на наш взгляд, явились следствием того, что разработка и принятие данного документа происходило достаточно «произвольным» путем, на основании изданных ранее актов СНК, ВЧК и др., а также по материалам сложившейся «революционной практики» трибуналов и подразделений ВЧК. Несмотря на прогрессивный характер внесенных изменений в области противодействия незаконному обороту наркотических средств норма ст. 140-д устанавливала ответственность с обязательным соблюдением такого признака субъективной стороны преступления, как цель. Вместе с этим, действия такого же характера, однако не преследующих цели сбыта, уголовную ответственность за собой не влекли, что представляло большой пробел в правовом регулировании в рамках УК РСФСР 1922 года.

Считаем, что отсутствие систематического подхода к установлению уголовной ответственности за незаконное распространение наркотиков в УК РСФСР 1922 года привело к появлению определенного количества актов, занимающих позицию по юридической силе ниже закона, к примеру, декретов и постановлений СНК и др. Так, в 1924 году вся деятельность, связанная с распространением наркотических средств в лечебных целях, была взята на контроль на государственном уровне. Так, был принят Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 6 ноября 1924 года «О мерах регулирования торговли наркотическими средствами», положения которого были направлены на установление запрета свободного обращения всех сильнодействующих средств, служащих или могущих служить для различных видов опьянения, разрушительным образом действующих на народное здоровье [8]. При этом ответственным за ведение списка наркотических веществ, необходимых для обращения на территории РСФСР в лечебных целях был признан Народный Комиссариат Здравоохранения РСФСР. Также данным Декретом были установлены меры строгой отчетности над производством и использованием данных веществ в лечебных целях [8]. На наш взгляд, принятие такого Декрета свидетельствует об «обращении внимания» на значимость проблемы незаконного оборота наркотических средств, а также ее признании на государственном уровне. Обратим внимание, что такой установленный порядок действовал на территории РСФСР до 1962 года, до того, как данный Декрет был отменен Постановлением Совета Министров РСФСР от 03.10.1962 г. № 1327 [14].

Непризнание опасности незаконного распространения наркотических средств в научной литературе связывается с неправовыми факторами. К примеру, И.Е. Милова отмечает, что «по идеологическим причинам проблема наркомании стала замалчиваться, поскольку в социалистическом обществе просто не могло быть такого явления» [6, с. 3]. Отметим полную приверженность такой научной позиции, что в

результате явилось следствием дальнейшего распространения незаконного оборота наркотиков на территории РСФСР, а также к не в полной мере эффективной борьбе с данным негативным явлением уполномоченных на это органов.

Список использованных источников

1. Васильев, П. А. Обзор источников по проблеме наркотизма в Петрограде-Ленинграде в 1917-1929 гг. / П. А. Васильев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 3. – С. 85–92.

2. Свод законов СССР. – 1928. – № 33 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/728487>. – Дата доступа: 08.01.2021.

3. Голяков, И. Т. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1953 / И. Т. Голяков. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. – 464 с.

4. Селиванов, М. П. Антинаркотическое законодательство Украины / М. П. Селиванов, М. С. Хруппа. – Киев : Трокус. – 1997. – 290 с.

5. Майоров, А. А., Малинин, В. Б. Наркотики: преступность и преступления / А. А. Майоров, В. Б. Малинин. – СПб. : Издательство «Юридический центр «Пресс», 2002. – 290 с.

6. Мирошниченко, Н. А. Уголовно-правовая борьба с наркоманией / Н. А. Мирошниченко, А. А. Музыка. – Киев, Одесса : Вицашк., 1988. – 207 с.

7. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – 620 с.

8. Озерский, Н. И. Трудновоспитуемые дети. Имущественные правонарушения у детей и подростков / Н. И. Озерский. – М. : Наука, 1932. – 310 с.

9. Шашков, В. Н. В сетях нарколоббизма / В. Н. Шашков. – М. : Советская Россия, 1999. – 158 с.

10. О неотложных мерах по борьбе с преступностью и стабилизации обстановки в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 27 декабря 1994 г. № 274: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23 апреля 1999 г. № 231 (документ утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

11. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и психотропными веществами и их незаконному обороту на 1997–2000 года [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 15 октября 1996 года № 660 (документ утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

12. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействия злоупотреблению наркотическими веществами и их незаконному обороту на 2001–2005 годы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 10 января 2001 года № 25 (документ утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействия наркомании, незаконному обороту наркотиков и связанным с ними правонарушениям в Республике Беларусь на 2009–2013 годы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 октября 2008 г. № 1634

(документ утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

14. Об утверждении Информационной стратегии по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь на 2020–2025 годы [Электронный ресурс]: утверждена Министерством информации Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Республики Беларусь от 27 ноября 2019 года // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

15. Декреты и декларации 2-го Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных комиссаров. – Петроград : Отд. Мест. Упр. Комиссариата вн. дел, 1917. – 140 с.

16. Артеменко, Н. А. Наркомания в 1920-е годы: медицинские, правовые и социокультурные аспекты проблемы / Н. А. Артеменко, Т. Л. Петрище // Вестник ВГМУ. – 2015. – Том 14, № 6. – С. 93–103.

УДК 330. 856

ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ И ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД НЭП: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И/ЛИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Егорова В.К., доцент

Витебский государственный технологический университет
г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова: новая экономическая политика (НЭП), частная собственность, рынок, коммерческий расчет, государственное регулирование.

Реферат. Раскрывается противоречивая природа новой экономической политики, проводимой в РСФСР и СССР в 1921–1929 годах. НЭП проводилась в условиях социально-экономического, политического и внутрипартийного кризисов. Концептуально она предусматривала изменения во всей системе хозяйственных отношений и заключалась в возвращении в жизнь страны в условиях мирного времени элементов рыночной экономики, но при обязательном государственном регулировании.

Реализуя идею создания в России общества без частной собственности на средства производства, большевики в 1918 – начале 1921 годов в условиях Гражданской войны национализировали всю промышленность, ликвидировали частную торговлю, а в сельском хозяйстве ограничили мелких частных собственников (крестьян и казаков) в праве распоряжаться своей собственностью. Практика безвозмездного изъятия части урожая в пользу государства получила название продразверстки. Результаты такой политики не заставили себя долго ждать. Производство чугуна в 1920 году оказалось в 30 с лишним раз ниже, чем в 1912 году. «Пахотных орудий» производилось в 24 раза меньше, муки – почти в 3 раза, тканей – в 15 раз меньше, чем в 1912 году. Число предприятий и рабочих сократилось в 3–5 раз [1]. В 1920 году промышленное производство составляло всего лишь 17 % от уровня 1913 года [2]. Колоссальны материальные, финансовые и трудовые потери, которые понесла и без того далеко не самая развитая страна Европы за четыре года Первой мировой и три года гражданской войн. В денежном выражении потери страны составили 40 млрд золотых рублей в ходе Первой мировой войны и 50 млрд – за годы гражданской. Страна потеряла более четверти своего национального богатства. Тяжелыми и безвозвратными были потери населения. Если осенью 1917 г. его

численность (в границах 1921–1939 гг.) составляла более 147,6 млн человек, то в 1922 г. – менее 135 млн [3]. В стране резко возросло число калек, больных, беспризорных детей и сирот.

Ситуация максимально накалилась в начале марта 1921 г., когда восстали войска кронштадтского гарнизона и находившиеся в Кронштадте экипажи кораблей Балтийского флота. Сопротивление крестьянства и казачества (Антоновское и Тамбовское восстания), моряков и солдат, плачевные результаты политики «военного коммунизма» – голод в городах, а кое-где и в деревне, деградация промышленности – вынудили приостановить ускоренное построение социализма по этой модели и даже демонтировать многое из построенного. И, в конце концов, «военный коммунизм» естественно исчерпал себя с окончанием Гражданской войны.

В марте 1921 г. на X съезде партии большевиков была провозглашена новая экономическая политика (НЭП). Новая экономическая политика как целостная концепция хозяйственного развития страны, разработанная В. И. Лениным в 1921–1923 годах, не равнозначна не только замене продразверстки продналогом, но и изменению экономической политики по отношению к деревне в целом. Ленинская концепция НЭПа предусматривала, как известно, кардинальные изменения во всей системе хозяйственных отношений, охватывающих и сельскохозяйственное, и промышленное производство, и сферу обращения. Сущность её заключалась в возвращении в жизнь страны в условиях мирного времени элементов рыночной экономики, но при обязательном государственном регулировании. Подготавливая доклад на IV конгресс Коминтерна, В. И. Ленин писал: «В чем план или идея или суть НЭПа?

- а) сохранение земли в руках государства;
- б) тоже все командные высоты в области средств производства (транспорт и т. д.);
- γ) свобода торговли в области мелкого производства;
- δ) государственный капитализм в смысле привлечения частного капитала (и концессии и смешанные общества)» [4].

Необычайно быстро под новую экономическую политику подводится юридическое основание. Декрет от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом», Декрет от 28 марта 1921 г. «О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку», Декрет от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации»; Декрет от 24 мая 1921 г. «О порядке использования и распределения сельскохозяйственных машин и орудий», разрешающий частную торговлю; Декрет от 17 мая 1921 г. «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации», в соответствии с которым была проведена частичная денационализация мелких предприятий; Декрет от 5 июля 1921 г. «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему Совету Народного Хозяйства», разрешающий частным лицам, кооперативам, артелям брать в аренду госпредприятия; Декрет от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности», дающий право открывать мелкие частные предприятия, и др. – практически за полгода под НЭП был подведен прочный правовой фундамент [5].

Была разрешена частная торговля, резко расширена сфера отношений частной собственности. Её вновь разрешили в промышленности (преимущественно в лёгкой) и торговле (до 83 % розничного товарооборота контролировалось частниками). Легализация рыночных отношений влекла за собой перестройку всего хозяйственного механизма. Расширена хозяйственная самостоятельность государственных предприятий – они стали юридическими лицами, субъектами рыночных отношений. Мелким землевладельцам был облегчен найм рабочей силы, разрешена аренда земли.

В короткие сроки проведена денационализация мелкой и средней промышленности (передача предприятий из государственной собственности в частную аренду). Допускалась ограниченная свобода частного капитала в промышленности, торговле. Разрешалось использовать наемный труд, появилась возможность создания частных предприятий. Наиболее крупные и технически развитые фабрики и заводы объединились в государственные тресты, работавшие на хозрасчете и самоокупаемости («Химуголь», «Государственный трест машиностроительных заводов» и др.). На государственном снабжении первоначально остались металлургия, топливно-энергетический комплекс, частично транспорт. Развивалась кооперация: потребительская, сельскохозяйственная, культурно-промысловая.

Уравнительная оплата труда, характерная для времен Гражданской войны, заменялась новой поощрительной тарифной политикой, учитывающей квалификацию рабочих, качество и количество производимых продуктов. Была отменена карточная система распределения продовольствия и товаров. «Пайковая» система заменена денежной формой зарплаты. Отменена всеобщая трудовая повинность и трудовые мобилизации. Восстановились крупные ярмарки: Нижегородская, Бакинская, Ирбитская, Киевская и др. Открывались торговые биржи. С 1923 г. расширена практика выдачи концессий иностранным гражданам и фирмам, что позволяло привлекать капитал в отдельные отрасли и регионы. К 1927 г. действовало уже 117 концессионных соглашений [6].

Один из важнейших уроков НЭПа заключается в том, что рынок оживает не столько с утверждением разных форм собственности и арендных отношений, сколько с созданием соответствующей ему экономической среды обитания хозяйствующих субъектов. Главным элементом этой среды, ее кровеносной системой является здоровое денежное обращение, регулируемое двухуровневой банковской системой.

В 1921–1924 годах была проведена финансовая реформа. Создана банковская система: Государственный банк, сеть кооперативных банков, Торгово-промышленный банк, Банк для внешней торговли, сеть местных коммунальных банков и др. Введены прямые и косвенные налоги – промысловый, подоходный, сельскохозяйственный, акцизы на товары массового потребления, местные налоги, а также плата за услуги транспорта, связи, коммунального хозяйства и др. В 1921 году началась денежная реформа. В конце 1922 года в обращение была выпущена устойчивая валюта – советский червонец, применявшийся для краткосрочного кредитования в промышленности и торговле. Червонец обеспечивался золотом и другими легко реализуемыми ценностями и товарами. Один червонец приравнивался к 10 дореволюционным золотым рублям, а на мировом рынке он стоил около 6 долларов [6]. В ходе реформы удалось ликвидировать бюджетный дефицит.

Однако уже на раннем этапе НЭПа признание роли рынка сочеталось с мерами по его сдерживанию. Большинство руководителей коммунистической партии отнеслось к НЭПу как к «неизбежному злу», опасаясь, что он приведет к реставрации капитализма. Охваченные боязнью НЭПа, партийно-государственные верхи принимали меры по его дискредитации. Официальная пропаганда всячески третировала частного, в общественном сознании формировался образ «НЭПмана» как эксплуататора, классового врага. В течение всего 1920 года, даже в начале 1921 г., т. е. незадолго до перехода к НЭПу, принципы «военного коммунизма» получили свое наибольшее развитие. В частности, продолжалась национализация промышленности, которая распространялась уже не только на средние, но и на мелкие предприятия. Постановлением ВСНХ от 29 ноября 1920 г. была начата национализация предприятий с числом рабочих свыше 5 человек при наличии механического двигателя и свыше 10 человек без него [7]. К началу 1921 г. большее развитие, чем когда-либо прежде, получила практика трудовых мобилизаций рабочих и служащих, возросло значение

всеобщей трудовой повинности, вплоть до создания трудовых армий, значительно расширился круг продуктов сельского хозяйства, подлежащих разверстке.

Решающим обстоятельством, ограничивавшим развитие капитализма, являлось сохранение в руках государства ключевых экономических позиций. «Командные высоты» в экономике оставались у новой власти – 4500 крупных предприятий с 80 % промышленных рабочих [8].

Реформы НЭПа дали стране серьезный экономический эффект. Промышленность росла быстрыми темпами. В 1921 году темпы промышленного роста составили 42 %, в 1925 – уже 66 % [9]. В 1926–1927 годах в промышленном производстве догнали 1913 год. Успехи нового курса позволили восстановить экономику после потрясений, нанесённых Первой мировой и Гражданской войнами.

НЭП вызвал также изменение социальной структуры общества. По данным Всесоюзной переписи населения в 1926 году, численность несельскохозяйственной буржуазии (НЭПманов) вместе с членами семей достигла 2,34 млн чел. (1,6 % всего населения). В деревне ускорилось размывание общинных устоев, что привело к формированию зажиточного слоя крестьянства («кулаков» в терминологии того времени) и выделению хуторян. По данным комиссии СНК СССР, число крупнотоварных хозяйств в 1925–1927 годах выросло с 728 тыс. до 896 тыс., а их доля в общей численности крестьянских хозяйств поднялась с 3,3 до 3,9 %. Однако особенно заметным стал рост удельного веса середняцких хозяйств (свыше 60 % всех хозяйств в 1927 г.). Число служащих в госучреждениях в 1920-е годы увеличилось более чем в 3 раза, численность фабрично-заводских рабочих в 1921–1928 годах – с 1,3 до 2,7 млн чел. [10].

С середины 1920-х годов меры по сдерживанию развития НЭПа сменились курсом на его свёртывание, а к 1927 и 1928 годам НЭП стали свёртывать в директивном порядке. Страна пошла по пути плано-директивного развития индустриализации и коллективизации. Таким образом, последовательно и повсеместно НЭП в жизнь проведен не был ни в первой, ни во второй половине 20-х годов. Теоретическая мысль 20-х годов не смогла, в частности, разработать концепцию индустриализации на основе принципов НЭПа. Господствующими оставались прежние теоретические представления о социализме как об обществе с нетоварным хозяйством, монополией общенародной собственности на средства производства, отмирающим государством и исключительной ролью в обществе индустриального пролетариата при очевидной недооценке роли крестьянства. Торговля, рынок, хозрасчет, кооперация, принцип материальной заинтересованности и экономические интересы производителя субъективно воспринимались партийным и хозяйственным руководством страны как явления временные и в корне противоречащие природе социализма. Отсюда непоследовательность и неполнота их использования.

Опыт новой экономической политики в целом оказался противоречивым. Сохранив контроль за крупной промышленностью, советская власть временно, из тактических соображений изменила первоначальный план строительства социализма по Марксу и Ленину. Когда же необходимость в уступках частным собственникам, по мнению Сталина и его сторонников, отпала, НЭП был решительно свёрнут. И все же Россия тогда первой в мире создала относительно устойчивую систему государственного регулирования индустриального хозяйства мирного времени. Только десятилетие спустя подобную систему стали внедрять развитые страны Запада. Опыт советского планирования 1920-х годов учитывали и члены команды Рузвельта, и европейские социал-демократы, в том числе и архитекторы «шведского пути», и организаторы хозяйственного регулирования фашистских государств. В послевоенной Западной Европе регулирование и планирование стало типичным явлением. Оно не подавляло рыночные отношения, хотя и ставило буржуазию под государственный

контроль. Это позволяло заметно увеличивать благосостояние населения. Так что тенденция, заложенная НЭПом, во многом определила развитие XX столетия.

История НЭПа до сих пор интересна своими масштабными быстрыми преобразованиями, и этот интерес периодически вспыхивает в обществе. Так было в период «горбачевской перестройки» в СССР, в Венгрии с ее малым и средним бизнесом при сохранении государственного контроля над промышленностью, в крестьянском Китае в начале экономических реформ. Существует мнение, что уроки НЭП «актуальны и сегодня»: «Иногда надо заглянуть на 100 лет назад, чтобы понять происходящее за окном» [11].

Список использованных источников

1. Исторические материалы. Статистический ежегодник 1918–20 г. (Первый выпуск). – Москва: Труды ЦСУ. Том VIII. Выпуск 1. С. 68, 69, 81 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/9338>. – Дата доступа: 30.03.2021.
2. Исторические материалы. Статистический ежегодник 1921 г. (Первый выпуск). – Москва: Труды ЦСУ. Том VIII. Выпуск 3. С. 91 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/29739>. – Дата доступа: 30.03.2021.
3. Всемирная история экономической мысли: в 6 т. Т. 4 / МГУ им. М. В. Ломоносова; гл. ред.: В. Н. Черковец. – М.: Мысль, 1990. – 590 с. – С. 68.
4. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 431.
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. – М., 1957. – Т. 1 // Портал История. РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/nep>. – Дата доступа: 31.03.2021.
6. Портал История. РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/nep>. – Дата доступа: 2.04.2021.
7. Всемирная история экономической мысли: в 6 т. Т. 4 / МГУ им. М. В. Ломоносова; гл. ред.: В. Н. Черковец. – М.: Мысль, 1990. – 590 с. – С. 74.
8. Левин, А.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. – Москва: Экономика, 1967. – 182 с. – С. 54–55.
9. НЭП, который мы потеряли. 100 лет «новому курсу» Ленина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/nep-kotoryiy-my-poteryali-100-let-novomu-kursu-lenina-20210316-151527/>. – Дата доступа: 4.04.2021.
10. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2666304. – Дата доступа: 2.04.2021.
11. Миркин, Я. НЭП. Тоска по-новому. Почему и спустя столетие так актуальны уроки новой экономической политики большевиков // Родина, 2020, № 1 (120). – С. 22–28.

СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫЯ ВЫСТАВЫ Ё 1920-Я ГГ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ВІЦЕБШЧЫНЫ)

Карпекін К.Р., галоўны захавальнік фондаў
установа “Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці”
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь

Ключавыя словы: Віцебшчына, сельскагаспадарчая выстава, экспанат.

Рэфэрат. У артыкуле прааналізаваны асаблівасці правядзення сельскагаспадарчых выстаў – адной з форм абмену вопытам і стымулявання развіцця сельскай гаспадаркі, якая прымянялася ё 1920-я гг.

Пошукі новых форм развіцця сельскай гаспадаркі ё гады НЭПу паспрыялі разгортванню ё савецкіх рэспубліках шэрагу мерапрыемстваў, якія ясна адрозніваліся ад захадаў перыяду “ваеннага камунізму”. У БССР праводзіліся хутарызацыя, пераразмеркаванне зямельнага фонду паміж гаспадаркамі, механізацыя агранамічных і жывёлагадоўчых працэсаў, былі створаны ўмовы для развіцця кааперацыі. У рэчышчы праводзімых мерапрыемстваў у 1920-я гг. распрацоўваліся і новыя формы агітацыі і стымулявання сялян, адной з якіх сталі сельскагаспадарчыя выставы. У дадзеным даследаванні асаблівасці іх правядзення разгледжаны на прыкладзе Віцебскага рэгіёна.

Першапачаткова пасля абвяшчэння НЭПу сельскагаспадарчыя выставы былі адзінкавымі з’явамі і не ахоплівалі вялікай колькасці сялянскіх гаспадарак. Напрыклад, 25–30 верасня 1921 г. у Аршанскім павеце была праведзена 1-я Аршанская сельскагаспадарчая выстава, яна мела вузкаспецыялізаваную скіраванасць і была прысвечана дасягненням жывёлагадоўлі. З улікам таго, што мерапрыемства мела павятовы ўзровень, яго нельга назваць маштабным: у якасці экспанатаў былі прадстаўлены 8 коней, 4 быкі, 3 каровы, 1 авечка і 4 свінні [2, арк. 3].

18 лютага 1922 г. бюро аргапрапаганды Народнага камісарыята земляробства РСФСР прапанавала ўсім губернскім зямельным упраўленням правесці восенню сельскагаспадарчыя выставы. У кастрычніку 1922 г. планавалася Віцебская губернская сельскагаспадарчая выстава, а павятовыя выставы прапаноўвалася праводзіць не пазней за верасень. Тым не менш, амаль ва ўсіх паветах выставы праведзены не былі, бо на гэта не мелася матэрыяльных сродкаў. У Дрысенскім павеце правялі неабходную падрыхтоўку і выстава планавалася на кастрычнік, але праз аб’якавае стаўленне насельніцтва і адсутнасць экспанатаў ад сялян мерапрыемства не адбылося. Такім чынам, першы вопыт правядзення сельскагаспадарчых выстаў у Віцебскай губерні аказаўся цалкам няўдалым [1, арк. 1–2, 4–6, 8–9, 12, 15, 29, 32, 35, 37, 39–41].

У верасні 1922 г. Народны камісарыят земляробства РСФСР прапанаваў праводзіць губернскія, павятовыя і дробнараённые выставы коней – дзеля “збліжэння конеўладальнікаў і выклікаючы ё іх спаборніцтва і абмен карыснымі звесткамі”. У некаторых паветах Віцебскай губерні дадзеная прапанова была ўспрынята станоўча: у прыватнасці, 2 выставы па жывёлагадоўлі адбыліся ё Гарадоцкай і Лёзненскай валасцях Віцебскага павета ё ліпені 1923 г., у Аршанскім павеце выстава коней прайшла ё другой палове верасня 1923 г. У шэрагу павеатаў (Веліжскім, Полацкім і інш.) такія выставы не праводзіліся. Галоўнымі прычынамі гэтага з’яўляліся недахоп сродкаў, кароткі перыяд, адведзены на падрыхтоўку, а таксама неабходнасць удзелу ва Усерасійскай сельскагаспадарчай выставе [2, арк. 11, 16–19]. Апошняя мусіла адбыцца ё жніўні 1923 г. у Маскве.

З мэтай падрыхтоўкі да Усерасійскай сельскагаспадарчай выставы 11 студзеня 1923 г. быў створаны Віцебскі губернскі выставачны сельскагаспадарчы і саматужна-прамысловы камітэт. Змест экспанатаў абмяркоўваўся вельмі актыўна і неаднаразова змяняўся. У выніку да канца чэрвеня было вырашана, што аснову экспазіцыйнага матэрыялу ад рэгіёна павінны складаць географічная карта Віцебскай губерні, дыяграмы па розных сферах развіцця сельскай гаспадаркі, фотаздымкі сядзіб, узоры насення (у спецыяльных скрынях, па 2 фунты кожнага гатунку), снапы збожжавых культур, гербарыі травяністых раслін, узоры глебы і дзёрну (у драўляных скрынях, накрытых шклом), карняплоды і гародніна, узоры гатунках яблыкаў і груш, макет двара плямгаса “Дзядзілава” Аршанскага павета (у маштабе 1:30), узоры сыроў галандскага і тыльзіцкага гатункаў, узоры масла, прадукты перапрацоўкі поўсці, фотаздымкі раслін, жывёл і інш. [3, арк. 1, 12 адв., 18 адв., 60].

Падрыхтоўку да Усерасійскай выставы ажыццяўлялі і некаторыя павятовыя зямельныя аддзелы. Ад Себежскага павета было вырашана камандыраваць двух аграномаў, адправіць палепшаныя гатункі сельскагаспадарчых культур і апрацаваныя скуры. У Лепельскім павеце зямельнае ўпраўленне пачало выяўленне экспанатаў шляхам перапіскі, якая амаль цалкам была праігнаравана валвыканкамамі. У сувязі з гэтым для абследавання павета былі накіраваны спецыяльныя агенты [1, арк. 23–27]. Дзеля кантроля за падрыхтоўкай да выставы ў паветы і воласці Віцебскай губерні да сярэдзіны красавіка 1923 г. было накіравана 33 студэнты Віцебскага сельскагаспадарчага інстытута.

Да жніўня 1923 г. губернскім выставачным камітэтам было абследавана 38 гаспадарак, уладальнікі якіх маглі б прадставіць годныя экспанаты: 15 – у Віцебскім павеце, 8 – у Аршанскім, 7 – у Веліжскім, па 4 – у Невельскім і Полацкім [5, арк. 83]. Як бачна, абследаванне было здзейснена не асабліва раўнамерна.

У выніку для Усерасійскай сельскагаспадарчай выставы Віцебская губерня прадаставіла 210 экспанатаў для ляснога аддзела, 79 – для аддзела меліярацыі, 72 – для ветэрынарнага аддзела, 30 – для статыстыка-эканамічнага, 8 – для аддзела землеўладкавання, 20 – для аддзела жывёлагадоўлі, 65 – па паляводству, 45 – па агародніцтву, 100 – па садаводству, 58 – па лугаводству, 17 – для аддзела перапрацоўкі прадуктаў земляробства і жывёлагадоўлі, 45 – для агрыкультурнага аддзела, 16 – ад Віцгубсельсаюза, 22 наймення – ад гаспадаркі “Фатынь”, 80 найменняў – ад спажывецкай кааперацыі, 74 экспанаты – ад сельскагаспадарчых навучальных устаноў губерні, 23 наймення – для аддзела “Аградапамога”, 11 найменняў – для рыбага аддзела [4, арк. 80–93].

Акрамя таго ад Віцебскай губерні ва Усерасійскай сельскагаспадарчай выставе прыняла ўдзел 31 індывідуальная гаспадарка – яны прадставілі сваіх хатніх жывёл. На такія экспанаты афармляліся спецыяльныя індывідуальныя карткі. Па выніках выставы прэміі атрымалі 9 сялян з Віцебскага павета: 2 – з м. Янавічы, 3 – з в. Буі Лёзненскай воласці, а таксама з с. Міснікі, с. Прыстаўшыкава Высачанскай воласці, с. Шніці Храпавіцкай воласці, с. Уна Лёзненскай воласці. Імі былі прадстаўлены 2 авечкі, 3 каровы, 2 жарабцы і 2 кабылы. У якасці прызоў сяляне атрымалі ад арганізатараў выставы галёшы, запалкі, соль, тытунь, чайныя прыборы, тканіну, плугі [5, арк. 86, 101–102].

Варта адзначыць, што ўсе сяляне, якія ўдзельнічалі ў выставе, патрацілі на паездку ў Маскву каля 1,5 месяца, бо ім увесь час неабходна было даглядаць за жывёламі, адвезенымі ў якасці экспанатаў (іншымі словамі, яны не маглі займацца сваёй гаспадаркай працяглы час). Губернскі выставачны камітэт выплаціў ім грашовыя кампенсаты ў памеры 150 рублёў кожнаму, таксама ўсім сялянам сельскагаспадарчы падатак быў зменшаны на 25 %. У дадатак кожную з 9 гаспадарак-пераможцаў па вяртанні з Масквы ўзнагародзілі 25 пудамі жыта [5, арк. 100].

У цэлым удзел Віцебскай губерні ва Усерасійскай сельскагаспадарчай выставе аказаўся ўдалым. Віцебскі губерньскі выставачны камітэт атрымаў ганаровы дыплом другой ступені – “за паўнату асвятлення сельскай гаспадаркі, падрабязную распрацоўку раёнаў і губерні, нагляднасць выявы і арыгінальнасць тэхнікі выканання” [5, арк. 104]. У сваю чаргу найбольш актыўныя службоўцы і сяляне за ўдзел у падрыхтоўцы выставы і прадастаўленне экспанатаў атрымалі пасведчанні [6, арк. 4].

З сярэдзіны 1920-х гг. у БССР выкарыстоўвалася практыка правядзення Дзён ураджаю, у рамках якіх арганізаваліся сельскагаспадарчыя выставы. Тэрмінам правядзення такіх святаў было вызначана 14 кастрычніка (Дзень ураджаю мусіў стаць савецкай заменай праваслаўнаму святу Пакрова Багародзіцы).

У Віцебскай акрузе першы вопыт правядзення Дня ўраджаю меў месца 14 кастрычніка 1924 г., калі ў некаторых населеных пунктах прайшлі аднадзённыя сельскагаспадарчыя выставы [7, арк. 3].

З улікам мінулагадняга вопыту, у 1925 г. было вырашана па магчымасці праводзіць выставы у розныя дні і павялічыць іх працягласць, каб сяляне мелі магчымасць наведаць некалькі мерапрыемстваў. Першапачаткова дзеля эканоміі сродкаў некаторыя раёны планавалі сумесныя выставы. Так, месцам яе правядзення для сялян Лёзненскага раёна было абрана м. Янавічы Суражскага раёна, але паколькі яно было вельмі аддаленым ад патэнцыяльных удзельнікаў, было вырашана арганізаваць асобны Дзень ураджаю ў саўгасе “Адаменкі”, якія размяшчаўся ў цэнтры Лёзненскага раёна. Гарадоцкі і Мяжанскі раёны таксама спачатку планавалі сумесную выставу, але яе правядзенне ў Гарадку было нязручна для жыхароў Мяжанскага раёна, таму ў канцы верасня 1925 г. Мяжанскаму райвыканкаму было дазволена правесці асобную выставу [7, арк. 32, 38–39]. Дзеля масавага апавяшчэння насельніцтва былі выпушчаны спецыяльныя аб’явы.

У выніку ў 1925 г. сельскагаспадарчыя выставы ў Віцебскай акрузе прайшлі вельмі актыўна – яны адбыліся ва ўсіх 12 раёнах (гл. табл. 1). Свае экспанаты прадставілі як асобныя гаспадары, так і ўстановы. У якасці ўзнагарод пераможцы атрымалі плугі, акучнікі, бароны, садовыя інструменты, насенне траў, тканіну, што можна лічыць каштоўнымі падарункамі, бо ў сярэдзіне 1920-х гг. набыць прамысловыя тавары было досыць складана.

У 1926 г., як і ў мінулыя гады, у БССР планавалася арганізацыя “Свята ураджаю”, пачатак якога неабходна было прымеркаваць да 14 кастрычніка. Пры ўмове арганізацыі сельскагаспадарчых выстаў у раёнах мерапрыемствы павінны былі доўжыцца не менш за 2 дні [10, арк. 5].

Табліца 1 – Сельскагаспадарчыя выставы ў Віцебскай акрузе, 1925 г.

Назва раёна	Месца правядзення	Час правядзення	Колькасць		
			удзельнікаў	экспанатаў	узнагарод
Бешанковіцкі	м. Бешанковічы, тэатр “Селянін”, былы маёнтак Стары Мар’яніфельд	14 кастрычніка	23	больш за 530	58
Віцебскі	г. Віцебск	25–27 кастрычніка	196	1399	124
Высачанскі	с. Высачаны	14–15 кастрычніка	199	537	71
Гарадоцкі	г. Гарадок, гарадскі сад	14–15 кастрычніка	154	479	55

Заканчэнне табліцы 1

Езярышчанскі	м. Рудня, спецыяльна пабудаваныя павільёны	14 кастрычніка	196	449	76
Кузняцоўскі	в. Старае Сяло	18 кастрычніка	22	113	16
Лёзненскі	саўгас “Адаменкі”	24–25 кастрычніка	424	609	131
Мяжанскі	былы маёнтak Мяжа	14–15 кастрычніка	205	380	76
Сенненскі	г. Сянно, двор і сад “Дома селяніна”	14–15 кастрычніка	318	1793	103
Сіроцінскі	м. Шуміліна	14–15 кастрычніка	389	772	82
Суражскі	м. Сураж	14–15 кастрычніка	264	278	74
Чашніцкі	поле ў ваколіцах м. Чашнікі	14 кастрычніка	167	436	57

Заўвага. Табліца складзена аўтарам паводле [7, арк. 128–131, 133–134, 139–140, 142–144, 146–147, 154 адв., 155 адв., 156, 161–162, 164, 166, 179].

Нягледзячы на заяву зямельнага аддзела Віцебскага акрвыканкама пра адсутнасць сродкаў, у некаторых раёнах выставы ўсё ж прайшлі. Так, на тэрыторыі Сіроцінскага раёна яна была арганізавана 14–15 кастрычніка ў м. Шуміліна. Сяляне прадставілі 120 экспанатаў, саўгас “Лескавічы” – 48, узнагароды атрымалі 24 чалавекі, на выставе пабывала каля 2500 наведвальнікаў. У г. Сянно 14 кастрычніка ў агранамічным кабінце была адкрыта сельскагаспадарчая выстава прыкладна на 250 экспанатаў, яе наведала 500 вучняў з раённага цэнтра і 450 сялян, выстава дзейнічала 3 дні. У Мяжанскім раёне абмежаваліся стварэннем у Нардоме кутка з сельскагаспадарчымі экспанатамі, адкрыццё якога адбылося 15 кастрычніка. У Гарадоцкім раёне 17 кастрычніка была праведзена невялікая выстава, у якой удзельнічалі сяляне і некаторыя арцелі, праходзіла яна ў Доме селяніна. Тут было прадстаўлена 52 экспанаты і 11 дыяграм пра развіццё сельскай гаспадаркі ў раёне [10, арк. 13, 24–27, 30–31, 33, 35].

У 1927 г. святкаванне Дня ўраджаю было перанесена з традыцыйнай даты 14 кастрычніка на пачатак лістапада – у сувязі з 10-годдзем Кастрычніцкай рэвалюцыі [12, арк. 18]. Менавіта з гэтай нагоды 7–14 лістапада 1927 г. у г. Віцебску была праведзена II Усебеларуская рэспубліканская выстава малочнай прамысловасці. Яна складалася з шэрагу павільёнаў: акруговых сельскіх саюзаў, яўрэйскіх гаспадарак, Белсельтрэсту, машын і прылад для апрацоўкі малака, кніжнага, малочнай крамы, паказальнага масларобча-сыраварнага завода, навукова-гігіенічнага, паказальнага жывёльнага двара. Агульным лікам тут было 155 экспанатаў (22 – ад Віцебскай аркуці, 25 – ад Бабруйскай, 15 – ад Аршанскай, 28 – ад Мінскай, 6 – ад Мазырскай, 16 – ад Гомельскай, 30 – ад Магілёўскай, 13 – ад Полацкай). Усяго выставу наведала 12465 асоб, у тым ліку для 207 сялян была наладжана цэнтралізаваная экскурсія, сюды ж прыехала 432 навучэнцы (са школ г. Віцебска, з Валагодскага інстытута і Горацкай сельгасакадэміі). Апошні дзень быў адведзены спецыяльна для наведвання выставы чырвонаармейцамі (пабывала 1862 чалавекі) [8, арк. 1–4].

Акрамя таго восенню 1927 г. адбыліся раённыя сельскагаспадарчыя выставы, але ў параўнанні з 1925 г. яны ахапілі меншую колькасць раёнаў (гл. табл. 2).

Табліца 2 – Раённыя сельскагаспадарчыя выставы ў Віцебскай акрузе, 1927 г.

Назва раёна	Колькасць		
	экспанатаў	узнагарод	наведвальнікаў
Гарадоцкі	811	20	6000
Езьярышчанскі	343	20	1500
Лёзненскі	358	18	1000
Мяжанскі	122	20	975
Сенненскі	315	25	2500
Сіроцінскі	172	17	2000
Суражскі	666	46	1400
Чашніцкі	350	21	800

Заўвага. Табліца складзена аўтарам паводле [9, арк. 93–103].

У 1928 г., паводле ўжо існуючай традыцыі, зямельны аддзел Віцебскага акрвыканкама прапаноўваў на Дзень ураджаю праводзіць у раёнах сельскагаспадарчыя выставы. Прэміраванне пераможцаў прадугледжвалася па намінацыях “Паляводства”, “Жывёлагадоўля”, “Конягадоўля”, “Культуртэхніка, гідратэхніка, торфараспрацоўкі” [11, арк. 3–4].

У Гарадоцкім раёне выставу было вырашана правесці не 14 кастрычніка, а на гадавіну Кастрычніцкай рэвалюцыі – па прычыне таго, што насельніцтва не было своечасова праінфармавана пра плануюмую выставу, таму было прапанавана мала экспанатаў. Сярод прычын чамусьці была названа і малая колькасць калгасаў у раёне, хаця раней у выставах актыўна адзельнічалі і аднаасобныя сяляне. Таксама восенню выставы былі арганізаваны ў Лёзненскім, Мяжанскім і Чашніцкім раёнах [13, арк. 13, 18, 20–21]. Іншымі словамі, актыўнага правядзення выстаў у 1928 г. не адбылося.

З 1929 г. значная увага ў сельскагаспадарчай агітацыі стала надавацца калектывізацыі, а цікавасць да правядзення выстаў паступова зменшылася. 28 жніўня 1929 г. у Віцебскай акрузе было абвешчана Днём калектывізацыі, які прадугледжваў мітынгі, сходы беднаты і жанчын (у сваю чаргу правядзенне сельскагаспадарчых выстаў не планавалася) [13, арк. 22, 27].

Такім чынам, у 1920-я гг. практыкавалася такая форма абмена вопытам і стымулявання, як сельскагаспадарчыя выставы. Усведамленне станоўчых бакоў падобных мерапрыемстваў прыйшло да сялян і саматужнікаў не адразу, але затым яны пачалі прымаць у іх актыўны ўдзел (асабліва паспяховымі ў гэтым плане былі 1923 г. і 1925 г.). Удзел у выставах даваў сялянам магчымасць не толькі пашырыць свае веды, але і атрымаць матэрыяльнае заахвочванне. Разам з тым, пэўнымі стрымліваючымі фактарамі з’яўляліся патрэба ў значных сродках для арганізацыі падобных мерапрыемстваў і адрыў сялян ад палявых работ на час падрыхтоўкі і правядзення выставы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 14. – Воп. 1. – Спр. 944.
2. ДАВВ. – Ф. 14. – Воп. 1. – Спр. 1341.
3. ДАВВ. – Ф. 14. – Воп. 1. – Спр. 1376.
4. ДАВВ. – Ф. 14. – Воп. 1. – Спр. 1379.
5. ДАВВ. – Ф. 14. – Воп. 1. – Спр. 1380.
6. ДАВВ. – Ф. 14. – Воп. 1. – Спр. 1532.

7. ДАВВ. – Ф. 71. – Воп. 1. – Спр. 114.
8. ДАВВ. – Ф. 71. – Воп. 1. – Спр. 442.
9. ДАВВ. – Ф. 71. – Воп. 1. – Спр. 444.
10. ДАВВ. – Ф. 71. – Воп. 1. – Спр. 454.
11. ДАВВ. – Ф. 71. – Воп. 1. – Спр. 457.
12. ДАВВ. – Ф. 71. – Воп. 1. – Спр. 807.
13. ДАВВ. – Ф. 71. – Воп. 1. – Спр. 827.

УДК 337.7(476)

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД НЭПА

Лученкова Е. С., доцент

Витебский государственный технологический университет
г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова: историография, потребительская кооперация, новая экономическая политика (НЭП), период исследования, литература, научный труд.

Реферат. В статье предпринята попытка сделать обзор белорусской историографии по проблеме деятельности потребительской кооперации Республики Беларусь в период НЭПа. Дается обзор литературы и научных исследований по определенным временным периодам.

Современные экономические и социальные процессы дают толчок к изучению и анализу опыта периода новой экономической политики. Этот период характеризуется важнейшими изменениями в экономической и политической жизни республики. В этой связи представляется необходимым не только всестороннее изучение, но и критической осмысление опыта прошлого, в том числе, и в развитии потребительской кооперации республики. Анализ её работы свидетельствует о том, что она в условиях переходного периода может превратиться в один из экономических институтов, способных сочетать общегосударственные и частные интересы многих слоев населения.

В связи с этим приобретает особый интерес историографический обзор деятельности потребительской кооперации в период НЭПа.

Первый период исследования относится к 1920–1930 гг. В эти годы, после опубликования известных работ В. И. Ленина «О продналоге» и «О кооперации» вышло значительное количество исследований, анализирующих и пропагандирующих вышеназванные работы, например, работы А. Андреева «Кооперация в социалистическом строительстве» (Москва, 1924 г.), И. Берхин «Основные этапы формирования кооперативного плана В. И. Ленина» (Москва, 1930 г.) и др.

Главная задача литературы состояла в изучении и пропаганде взглядов В. И. Ленина на кооперацию, в разъяснении решений партии и правительства о кооперативном строительстве, в стремлении творчески применять ленинское учение к практическим задачам кооперативного движения.

Вышедшая литература по истории кооперации характеризуется тесной связью с жизнью кооперативного движения. В книгах и брошюрах этого периода большое внимание уделялось выявлению недостатков в кооперативном строительстве и путях к их устранению.

Так, например, в книге Н. Попова «Торговля и кооперация» (Москва, 1925 г.) показаны недостатки в кооперативной торговле в 1923–1924 гг. А в работе И. Е. Любимова показаны успехи потребительской кооперации в снабжении и сбыте в 1924–1926 гг., а также недостатки и задачи в торговле. Он критикует Госплан за недостатки в планировании кооперативной торговли. В работе показана прочность линии троцкистско-зиновьевской оппозиции в кооперативном строительстве [1].

Вопросы потребительской кооперации в период НЭПа рассматривались и в работе Б. Дьячкова «Сельскохозяйственный кредит и сельскохозяйственная кооперация в СССР» (Москва, 1928 г.). В работе излагается история кооперации, в том числе и потребительской в СССР в 1923–1927 гг.

Автор показывает, что основным фактором, определяющим социальный состав и социальное содержание работы кооперации, является социально-экономический строй страны, в условиях которого работает кооперация [2].

Второй период в историографии проблем потребительской кооперации приходится на начало 30-х гг. XX в. В этот период прекращаются серьёзные публикации о деятельности кооперации вообще, и потребительской в том числе. Это объясняется тем, что потребительская кооперация в 30-е годы прошлого века переживала интенсивный процесс огосударствления. В силу этого писать об экономической, а тем более о политической деятельности потребительской кооперации, означало ставить под сомнение курс партии по укреплению государственной собственности на средства производства.

Однако этот период характеризуется тем, что потребительская кооперация стала изучаться с точки зрения её роли в подготовке сплошной коллективизации. Интерес к этому вопросу усиливался в связи с изучением истории коллективизации крестьянских хозяйств. Поэтому принимались меры по усилению развития простейших видов кооперации. В связи с этим возникла потребность в обобщении опыта кооперативного строительства.

Изучение истории потребительской кооперации этого периода тормозилось культа личности Сталина. Культ личности затруднял объективный подход к изучению вопросов о роли народных масс, в кооперативном движении [3, С. 21]. Все это привело к тому, что в этот период вышло мало работ о потребительской кооперации.

Что касается литературы по потребительской кооперации в Беларуси, напечатанной в 20–30-е годы прошлого века, то её практически нет. Отрывочные сведения о деятельности потребительской кооперации можно взять из статьи Р. А. Бонч-Осмоловского «Эволюция сельского хозяйства БССР с 80-х гг. прошлого столетия до настоящего времени» (1924). Она была напечатана в журнале «Савецкае будаўніцтва» в 1924 в первом и втором номерах. В данной статье исследуется становление и развитие сельской кооперации и в связи с этим имеется некоторая информация о деятельности потребительских обществ сельской местности.

Третий период приходится на 40–60-е гг. XX. Только с конца 40-х начала 50-х годов XX века кооперативная тема начала развиваться более активно. В трудах ученых этого периода господствовало субъективное мнение, что потребительская кооперация 1920–1930 гг. успешно выполнила предписанную ей роль в подготовке «всемирно-исторической победы социализма». Во всех опубликованных работах, посвященных этому вопросу, большое внимание уделено анализу торговой деятельности потребительской кооперации как основной торгующей организации на селе в 20-е годы. Наиболее полно она исследуется в работах Дурманова Г. И. «Роль потребительской кооперации в развитии торгового обмена между городом и деревней» (Москва, 1959 г.), Лехова З. Н. «Развитие заготовительной деятельности в потребительской кооперации СССР» (Москва, 1961 г.) и др. Однако названные авторы не только чрезмерно завышают роль потребительской кооперации в организации

торговли, но и необоснованно отождествляют кооперативную торговлю с государственной её формой.

Особый интерес представляет работа Я. Кистанова, вышедшая в 1951 году «Потребительская кооперация СССР». В книге дан исторический очерк потребительской кооперации с начала её возникновения до 1950 г. В соответствии с поставленной задачей он дал сжатое освещение вопроса о развитии кооперации в 1921–1929 гг. В ней показаны два этапа в развитии потребительской кооперации, сжато показаны рост низовой её сети, развитие кооперативной торговли, успехи в области снижения расходов, материальной заинтересованности пайщиков в кооперативной торговле. В работе нет анализа политики 1921–1929 гг. в области кооперативных кадров, кооперативной демократии. Крайне сжато изложен вопрос о заготовительной и производственной деятельности потребительской кооперации [4].

В работе Б. Абрамова, вышедшей в 1956 г. освещается деятельность партии по укреплению кооперативных кадров, организации тракторных колонн МТС. Рассматривается вопрос о работе партийных организаций среди бедноты, среди женщин. При этом не показана роль бедноты и делегатских собраний в кооперативном движении [5].

В 60-е годы XX века возрастает интерес к проблемам кооперации вообще и потребительской в том числе. Он был вызван изменениями в политической жизни страны, произошедшими после XX съезда КПСС. Были предприняты попытки переосмысления базовых исторических процессов и явлений. Был сделан вывод о том, что кооперация есть составная часть социалистического способа производства, которая осуществляет свою деятельность под руководством государства. Примером могут служить работы: Морозова Л. Ф. «От кооперации буржуйской к кооперации социалистической» (Москва, 1969 г.), Сергеева И. И. «Разработка В. И. Лениным кооперативного плана 1917–1923 гг.» (Саратов, 1966 г.) и др.

В 1961 г. вышла работа И. Г. Булатова «Борьба коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР (1921–1925 гг.)». В работе проанализирована работа партии и правительства в кооперативном строительстве, а также деятельность всех видов кооперации (потребительской, сельскохозяйственной, кредитной). В основу работы положены различные исторические источники: резолюции, решения съездов, конференций и Пленумов ЦК, отчеты центров различных видов кооперации о её работе и отчеты местных кооперативных организаций, статистико-экономические материалы, цифровые данные сборников ЦСУ, архивные источники [6].

В 60–70-е годы происходит расширение тематики исследований и углубления анализа проблем новых экономических отношений в промышленности и сельском хозяйстве Беларуси в 1920–1930 гг. XX века. Заметным вкладом в изучение этих вопросов явились кандидатские диссертации А. Р. Горбачева, М. Г. Максимовой, В. Н. Михнюка, В. В. Шашко: Горбачёв А. Р. «Переход Советской Белоруссии к новой экономической политике (1921–1929 гг.)» – Дисс... кан. ист. наук. – Минск, 1960; Шашко В. В. «Хозяйственная политика Коммунистической партии в деревне в 1926–1929 гг. (По материалам Белоруссии)» – Дисс... кан. ист. наук. – Минск, 1967; Михнюк В. Н. «Историография социально-экономического развития белорусской деревни в 1917–1929 гг.» – Дисс... кан. ист. наук. – Минск, 1975 г. и др.).

В научных трудах выполняемых после 1985 года стали наблюдаться новые подходы в оценках НЭПа, кооперации в целом и потребительской в частности. Среди научных публикаций наибольший интерес представляют две диссертации по проблемам кооперативного строительства 1920–1930 гг.: Котаў І. С. «Кааперацыя ў грамадска-палітычным жыцці БССР (20-я пач. 30-х гг.)» – Дыс... канд. гіст. навук. – Мінск, 1995; Микула Е. И. «Влияние новой экономической политики на колхозно-

кооперативное строительство в белорусской деревне (20-е нач. 30-х гг.)» – Дис... кан. ист. наук. – Минск, 1991.

В диссертации Е. И. Микулы показан процесс влияния новой экономической политики на деятельность кооперации. Достоверно рассмотрены процессы насильственной коллективизации, подавления простейших форм кооперации и процесс огосударствления потребительской и её формы.

Несомненно, удачной можно назвать и диссертацию И. С. Котова. В ней впервые проанализирована роль всей системы кооперации и потребительской, в том числе, в общественно-политической жизни республики в 20-е годы (период НЭПа).

В 1996 г. была защищена диссертация Лученковой Е.С. «Деятельность потребительской кооперации Беларуси (1920–1930 гг.)». В диссертации на основании архивных документов, статистических отчетов, справочников и докладов Центрсоюза и Центроблсоюза о хозяйственной деятельности потребительской кооперации в экономике республики в период НЭПа, были освещены вопросы торговли потребительской кооперации в Республике Беларусь, производственная деятельность потребительской кооперации республики, подготовка квалифицированных кадров для системы потребительской кооперации Беларуси.

Кроме перечисленных трудов в 90-е годы XX в. вышла монография «Потребительская кооперация Белорусской ССР», но она полностью посвящена анализу работы потребительской кооперации республики в 80-е годы XX в.

Познавательный интерес имеет изданная в 1993 году книга «Ветераны потребительской кооперации Республики Беларусь». В ней собран большой биографический материал наиболее активных работников потребительской кооперации республики.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в белорусской историографии деятельность потребительской кооперации в период НЭПа не получила должного освещения и требует её современного прочтения.

Список используемых источников

1. Любимов, И. Е. Потребительская кооперация в социалистическом строительстве СССР / И. Е. Любимов. – Москва, 1928.
2. Дьячков, Б. Сельскохозяйственный кредит и сельскохозяйственная кооперация в СССР / Б. Дьячков. – Москва, 1928.
3. Резолюция XX съезда КПСС. – Москва, 1956. – С. 21.
4. Кисталов, Я. Потребительская кооперация СССР. Исторический очерк / Я. Кисталов. – Москва, 1951.
5. Абрамов, Б. Организаторская работа партии по осуществлению ленинского кооперативного плана / Б. Абрамов. – Москва, 1956.
6. Булатов, И. Г. Борьба Коммунистической партии за развитие кооперативного движения в СССР (1921–1925 гг.) / И. Г. Булатов. – Пенза, 1961.

ИДЕОЛОГИЯ «СМЕНЫ ВЕХ» В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Мядель А.П., доцент

Витебский государственный технологический университет
г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова: НЭП, эмиграция, «сменовеховство», интеллигенция, власть, государство, большевизм.

Реферат: Анализируется содержание «сменовеховской» идеологии и причины ее возникновения на фоне осуществления новой экономической политики.

Проблема взаимоотношений власти и интеллигенции на переломных этапах общественного развития является одной из «вечных» тем социально-политической мысли. Вынужденный переход большевистского руководства от практики «военного коммунизма» к новой экономической политике (НЭП) представляет собой именно такой переломный момент советской истории. Замена продразверстки твердым продналогом, ограниченный допуск в экономическую жизнь частного капитала путем денационализации части государственных предприятий, привлечение иностранных концессионеров, финансовая реформа и введение твердой валюты отвечали коренным интересам основной части населения страны и, прежде всего, крестьянства. Н.И. Бухарин, выступая в апреле 1925 года перед активом московской организации РКП(б), выдвинул знаменитый лозунг «Обогащайтесь!» [1, с. 5]. Практической реализацией его стали отмена законодательных ограничений на аренду земли и наем рабочей силы, установление льгот для ремесленного и кустарного производства, ослабление административного нажима на предпринимателей и зажиточных крестьян.

Мероприятия большевистской власти по проведению НЭПа существенно изменили не только внутреннюю социально-экономическую атмосферу в Советской России, но и вызвали глубинные сдвиги в мировоззрении российской эмиграции. В июле 1921 года в Праге группой русских эмигрантов был издан сборник «Смена вех», который представлял собой своеобразную альтернативу сборнику «Вехи» (1909), осудившего русскую революционную интеллигенцию. Авторами статей нового сборника выступили Н. В. Устрялов, Ю. В. Ключников, С. С. Чахотин, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин, Ю. Н. Потехин. Сборник «Смена вех» был издан небольшим тиражом в 2500 экземпляров, но его издание стимулировало появление периодических изданий аналогичной направленности в Софии («Новая Россия»), Гельсингфорсе («Путь»), Риге («Новый путь»), Харбине («Новости жизни») [2, с. 14]. Идеологи «сменовеховства», будучи в прошлом активными участниками Белого движения, оставались убежденными антикоммунистами. В то же время они полагали, что отказ от «военного коммунизма» и переход к новой экономической политике, инициированный верхушкой РКП(б), означает перерождение большевистского режима и поворот к рыночной экономике и либеральной политической системе.

Авторы сборника «Смена вех» признали большевистскую революцию исторически необходимой для России. Потеряв власть над революцией, интеллигенция ушла в вооруженную борьбу с ней, но представители Белого движения изначально были неспособны решить проблемы России, порожденные войной и разрухой. Большевизм же, считали лидеры «сменовеховства», имел качества, которые помогали ему воссоздать и сохранить Россию в ее границах, справиться с анархией. Признавая, что Советская власть долго оставалась «кучкой фанатиков, окруженных кучей

мерзавцев», «сменовеховцы» видели в этом вину самой интеллигенции. Она, по их убеждениям, не смогла принять столь долгожданной революции, отстранилась от нее, саботировала внутри страны новую власть и ее усилия по воссозданию России. «Разве таково было бы положение Советского правительства, если бы мозг страны – ее интеллигенция – сознавала свою кровную связь с ним, если бы она несла ему свои силы...?» [3, с. 151], – задавался вопросом С.С. Чахотин, призывая интеллигенцию: «В Каноссу!» Лозунг, отразивший всю сущность российской интеллигенции на протяжении всей истории ее существования, звучал в последней статье сборника: «Домой! В Россию! С сознанием, что перестроить ее посветлей и попросторней можно, только считаясь с главным строительным материалом – народом» [3, с. 167–180]. В статье «Смена вех» Ю. В. Ключников подчеркивал, что «веховцы» были правы, выводя образ русского интеллигента, похожего на большевика. Он утверждал, что вся российская интеллигенция большевистская по своей психологии. «Во время революции обнаружилась... не борьба психологических антитез и антиподов, а борьба различных типов... в лоне одного и того же интеллигентского большевизма... Вся... русская интеллигенция распалась на два громадных лагеря и вступила в братоубийственную борьбу... Борьба эта прекратится, и лагеря сольются, когда случится одно из двух: или когда угадавшие веление революции получат с ее помощью столько силы, что принудят подчиниться себе даже наиболее упорных врагов; или же – второй случай – когда побежденные революцией русские интеллигенты поймут неправильность своего пути» [3, с. 31]. В статье содержался призыв, близкий «Вехам», который был уже не предостережением интеллигенции, а попыткой подтолкнуть ее к исправлению собственных ошибок. Ю.В. Ключников предлагал интеллигенции изжить в себе извечный радикализм. В этом он видел единственный путь преодоления большевизма как внутри психологии интеллигенции, так и внутри России вообще.

«Сменовеховцы» продолжили не только традиционные для «Вех» критику и анализ «родовых» черт русской интеллигенции, но и вслед за «веховцем» П. Б. Струве тесно связали между собой две категории – «интеллигенция» и «государство», но уже на новом историческом этапе развития России. Среди «сменовеховцев» взаимоотношение этих двух категорий более всего интересовало Н. В. Устрялова, признававшего себя учеником П. Б. Струве. Ю. В. Ключников также не остался в стороне от рассмотрения этой темы. «Сменовеховцы», прежде всего в лице Н. В. Устрялова, готовы были простить большевикам все, лишь бы те воссоздали Россию как великое государство. Практически была выдвинута мысль о государственности, обладающей монополией на осуществление извечной мечты российской интеллигенции – реализации мессианского призвания России и русского народа в мировом масштабе. «Лишь физически сильное государство может обладать великой культурой» [3, с. 57], – писал Н. В. Устрялов. Новый духовный подъем России, в результате которого она еще раз переживет «правду Тютчева, Достоевского, Соловьева», возможен, «но для этого Россия должна стать великой державой» [3, с. 57]. Этатизм в «Смене вех» обнаруживается еще и в том, что авторы сборника были убеждены – никто не может сломить, побороть присущей России великодержавной сущности. Даже большевики, попытавшиеся уничтожить страну, отказавшись от идей патриотизма и территориального единства, подписав Брестский мир, провозгласив самоопределение народов, не смогли отказаться от идеи великой державы. «Сменовеховцы» соединили интеллигентский максимализм, критикуемый «Вехами», с национальным мессианством, идеи которого были свойственны многим направлениям интеллигентской мысли (славянофилы, народники). Этот синтез дал им возможность оправдать все жертвы революции, оправдать террор, а в дальнейшем и репрессии сталинского периода. Практически они провозгласили большевизм формой реализации «русской идеи». По их мнению, ее позитивным результатом стали переход власти к

народу, рост национального, государственного социального сознания народных масс. Красный террор и репрессии Гражданской войны исторически оправданы высшей целью – сохранением России. Одновременно с этим в оценке перспектив дальнейшей эволюции советского строя «сменовеховцы» существенно расходились во взглядах. Н.В. Устрялов предполагал, что советская система трансформируется в капиталистическую экономику и буржуазную демократию. А.В. Бобрищев-Пушкин, Ю.В. Ключников, С.С. Лукьянов, С.С. Чахотин говорили об эволюции диктатуры пролетариата в сторону государства трудовой демократии. В представлениях «сменовеховцев» о перспективах развития страны большую роль играли национальные, патриотические мотивы. В отношении взглядов Н. В. Устрялова можно говорить о национализме и приверженности великодержавной идеологии. По его мнению, одна из главных причин победы большевиков в Гражданской войне заключалась в том, что они проявили себя как национальная сила, которая сумела сплотить Россию, а в будущем большевики вполне способны восстановить Российскую империю в границах, существовавших до 1917 года. В то же время Белое движение было слишком тесно связано со странами Антанты. Таким образом, при всех различиях в оценках социально-экономического и политического развития Советской России в начале 1920-х годов, ведущих идеологов «сменовеховцев» объединял общий вывод о необходимости для российской интеллигенции сотрудничества с большевистским режимом в интересах восстановления страны.

Возникновение «сменовеховского» движения вызвало глубокий раскол в российской эмиграции. Противостояние между сторонниками сотрудничества с большевиками и их оппонентами, настаивавшими на продолжении бескомпромиссной борьбы с большевистским режимом, становилось на протяжении 1920-х годов все более ожесточенным и непримиримым. Для многих видных деятелей эмиграции вопросы и разногласия, возникшие в результате публикации сборника «Смена вех», не только имели политическое или идеологическое значение, но и затрагивали проблему нравственного выбора. Зачастую это приводило к разрыву личных отношений между людьми, придерживавшихся в этом споре противоположных точек зрения. Екатеринбургский исследователь В. Н. Азаров весьма удачно проиллюстрировал это противостояние на примере переписки Н.В. Устрялова с видным эмигрантским публицистом кадетского направления Н. А. Цуриковым, с которым он был знаком со студенческих времен. В ответ на предложение Н. В. Устрялова возобновить отношения, прерванные Гражданской войной и эмиграцией, Н. А. Цуриков ответил, что между ними больше не может быть ничего общего, назвал позицию Устрялова безнравственной и недостойной и отослал обратно посланные ему письмо и основные литературные произведения Устрялова [4, с. 121].

Большое значение для понимания степени реальности возможных альтернатив развития советского общества в годы НЭПа, а следовательно, и для оценки идеологии «сменовеховства», имеет характер и содержание внутрипартийной борьбы в большевистской партии, развернувшейся в рассматриваемый период. Некоторые аспекты данного противостояния, которые привели к дискредитации и отстранении от власти в 1926–1927 годах внутрипартийной оппозиции, возглавляемой Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, выступавшей за ужесточение политики в отношении частного капитала, негосударственных форм хозяйствования, свидетельствовали, на первый взгляд, в поддержку основных аргументов «сменовеховцев». Однако такое впечатление оказалось иллюзорным. Во-первых, большинство современных исследователей довольно скептически оценивают экономические реформы 1920-х годов, указывая на то, что рыночные отношения существовали в рамках государственно-бюрократической системы власти и управления, а представления немногочисленных сторонников последовательного

осуществления НЭПа в высшем руководстве РКП(б) не выходили за пределы идеологической доктрины большевизма. Характерны в этом отношении исследования М. М. Горинова, который, проанализировав предложения о расширении НЭПа, выдвигавшиеся в ходе внутрипартийных дискуссий 1920-х годов Л. Б. Красиным, Л. Д. Троцким, Н. И. Бухариным, Г. Я. Сокольниковым, сделал вывод о том, что эти предложения в силу указанных причин не могли стать основой для разработки «альтернативной модели экономического развития, в рамках которой могла бы окрепнуть, а впоследствии и победить, предпринимательно-рыночная тенденция в развитии НЭПа» [5, с.125]. Вопрос о возможных альтернативах развития советского общества в годы НЭПа является преимущественно теоретическим. В ходе внутрипартийной борьбы 1923–1929 годов ни одна из оппозиционных групп в большевистской партии не имела реальных шансов на отстранение от власти сталинской фракции, объединившей наиболее реакционных представителей партийной и государственной бюрократии. И. В. Сталин и его сторонники поддержали некоторые предложения по расширению НЭПа в середине 1920-х годов исключительно из фракционных соображений борьбы за власть, считая более опасной для себя в данный момент т.н. «левую» оппозицию, возглавляемую Л. Д. Троцким. Впоследствии группа Н. И. Бухарина не смогла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления сталинистам, отказавшимся от НЭПа сразу после окончательной победы над «левой» оппозицией. Кроме того, сам Н. И. Бухарин, призывая к «обогащению», заявлял о необходимости жесткой налоговой политике в отношении зажиточных крестьян и перераспределению доходов в пользу деревенской бедноты и городского пролетариата [1, с. 5–6].

Вопрос о том, могли или нет ведущие идеологи «сменовеховцев» правильно оценить характер и нюансы политической борьбы в руководстве большевистской партии, является чисто риторическим. Хотя, конечно, у стороннего наблюдателя в 1925–1927-х годах могло сложиться впечатление, что в Советской России происходит борьба между сторонниками и противниками продолжения НЭПа, закончившаяся поражением приверженцев твердых коммунистических взглядов. В любом случае реальное развитие советского общества и государства в 1920-е годы оказалось противоположным представлениям «сменовеховцев». Вместо эволюции советской системы в либеральном или демократическом направлении произошло окончательное утверждение тоталитарного режима, предопределившее трагическую судьбу российской интеллигенции, в том числе и той ее части, которая разделяла «сменовеховскую» идеологию.

Список используемых источников

1. Бухарин, Н. И. О новой экономической политике и наших задачах / Н. И. Бухарин // Большевик. – 1925. – № 9–10. – С. 3–15.
2. Антропов, О. К. Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг. : монография / О. К. Антропов. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 625 с.
3. Смена вех. Сборник статей Е. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Июль 1921 г. Второе издание 1922 г. – Прага: Типография Отто Эльснера в Берлине, 1922. – 180 с.
4. Азаров, В. Н. «Сменовеховское» движение и реалии советского общества 1920-х годов / В. Н. Азаров // Научный диалог. – 2018. – № 6. – С. 114–123.
5. Горинов, М. М. Альтернатива Г. Я. Сокольникова / М. М. Горинов // НЭП : приобретения и потери. – Москва : Наука, 1994. – С. 120–126.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА В СССР ПЕРИОДА НЭП

Рудко Е. А., доцент
Витебский государственный технологический университет
Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова: культурный плюрализм, НЭП, авангард, конструктивизм, модернизм, символизм, акмеизм, массовая культура.

Реферат. Общество в любой исторический период является системным образованием, в котором все подсистемы взаимосвязаны и взаимообусловлены. В данной статье предпринята попытка анализа культурного многообразия в СССР периода НЭП в тесной связи с принимаемыми политическими решениями и с учетом специфики социально-экономической структуры.

С первых дней своего существования советская власть взяла курс на ликвидацию частной собственности. Политика военного коммунизма, характерными чертами которой являлись национализация средств производства, централизованное управление, уравнильное распределение продуктов, диктатура партии большевиков, во многом была вынужденной мерой, целью которой являлось удержание власти и спасение страны от голода и хаоса. Однако, вопреки ожиданиям, политика военного коммунизма не только не помогла преодолеть экономический кризис, но еще больше усугубила его. Летом 1920 года в Саратовской и Воронежской губерниях вспыхнули мощные крестьянские восстания. Волнения также происходили на Кубани и Дону, в Сибири и Поволжье. Безработица и голод обрушились на рабочих городов. Инфляция росла с каждым днем. Ужасающих размеров достигла детская беспризорность. В стране свирепствовали эпидемии тифа, холеры, оспы. Точку в политике военного коммунизма поставило восстание в Кронштадте, которое в последующем было подавлено, но перед советским правительством встала острая необходимость изменения политического курса. На X съезде РКП(б), проходившем 16 марта 1921 года, Ленин выступил с речью о необходимости введения новой экономической политики [5].

В результате введения НЭП продразверстка была заменена продналогом, который был в два раза меньше. Таким образом, у крестьян появились излишки продукции, которой они могли торговать. Разрешение свободной торговли вело к разрушению государственной монополии. Отдельные предприятия переводились на хозрасчет, некоторые отдавались в аренду. Отмена декрета о национализации мелкой и кустарной промышленности позволяла открывать частные производства [9].

В связи с новым политическим курсом в стране произошли серьезные социально-экономические и культурные изменения. Культура 1920-х годов была временем относительной творческой свободы. Как в области экономики, так и в области культуры в годы НЭПа большевики проводили компромиссную политику. Как следствие, молодое советское искусство смело экспериментировало, и эти эксперименты в последующем оказали большое влияние, как на советскую культуру, так и на мировую. 1920-е годы в культуре, как бы в параллель с компромиссами в экономике, были временем относительно мирного сосуществования старого и нового [3]. Исключение составляли, пожалуй, только религия и Церковь, которые были объявлены отжившими явлениями, и против них велась непримиримая борьба. В целях освобождения трудящихся от религиозных предрассудков в стране была развернута

широкая антирелигиозная пропаганда. С 1919 года издается журнал «Революция и церковь», а с 1922 года – популярная газета «Безбожник», в 1925 году создается «Союз безбожников» [5]. Следует также отметить, что новое пролетарское государство относилось к представителям старой интеллигенции подозрительно, видя в них явных или скрытых контрреволюционеров. Результатом такого отношения стала массовая эмиграция русской интеллигенции. За пределами России оказались такие выдающиеся художники, как Ф. Шаляпин, С. Рахманинов, И. Бунин, К. Коровин. Многие русские интеллигенты покидали родину не по своей воле. Ярким примером тому стал печально известный «философский пароход», на котором была выслана большая группа русских философов, писателей и мыслителей. Однако подавляющая часть творческой интеллигенции с готовностью приняла идею культурной революции, в соответствии с которой новому искусству были необходимы новые выразительные средства и новый творческий язык, соответствующие преобразованиям в стране. В этой ситуации в сложном положении оказались не только классицизм, реализм и другие традиционные направления, но и те деятели искусства, чье творчество основывалось на них, а значит, не отвечало революционному характеру эпохи. Старую интеллигенцию называли «попутчиками», подчеркивая их неискреннее желание участвовать в революционном эксперименте. Осип Мандельштам и Борис Пастернак углубились в переводы. Известный литературный критик и журналист Корней Чуковский занялся детской литературой. Его детские произведения «Мойдодыр», «Тараканище» и «Бармалей» критиковались за безыдейность, хотя и вошли в канон советской детской литературы. Схожий путь избрал и Самуил Маршак. Следует отметить, что глава наркомата просвещения Анатолий Луначарский не только поощрял творческие эксперименты, но и покровительствовал представителям старой интеллигенции. В России 20-х годов существовало множество самых разных литературно-художественных течений, школ и группировок (в одной только Москве их насчитывалось более 30), которые находились в сложных отношениях, а в роли координатора и примирителя опять же выступал А.В. Луначарский [6].

В целом художественная жизнь отличалась динамизмом, открытостью и насыщенностью. Многие течения взаимодействовали между собой, переплетались и переходили друг в друга, объединялись и вновь расходились. Весьма частыми в 20-е годы становятся творческие дискуссии. В частности, одна из них, состоявшаяся в 1922 году, была посвящена 47-й выставке художников-передвижников. В 1924 г. довольно долго продолжалась дискуссия о формальном методе в искусстве. Успешному проведению дискуссий способствовало появление большого числа новых журналов: «Новый мир», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Звезда» и др. [6].

Крайние классовые позиции в культуре и искусстве отстаивал Пролеткульт – культурно-просветительная и литературно-художественная добровольная организация, возникшая в 1917 г. Ее теоретики (А Богданов, В. Плетнев, Ф. Калинин) выступили с отрицанием культурного наследия, утверждая, что новая, пролетарская культура может быть создана только самими представителями рабочего класса. Их позиции В. И. Ленин оценил «как теоретически неверные и практически вредные».

Более умеренные, но столь же классовые позиции в искусстве выражали участники объединения РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), куда входили Ф. Гладков, Ф. Панферов, А. Серафимович.

Революционную агонизированность искусства отстаивали многочисленные течения русского авангарда, среди которых наиболее влиятельными были кубофутуризм, супрематизм, конструктивизм, ЛЕФ (Левый фронт искусств).

Художники 1920-х годов считали, что их искусство должно непосредственно служить новому обществу, поэтому многие из них отказывались от традиционной станковой живописи и переключались на создание рекламы, «революционного»

фарфора, плакатов, агитации, подготовку массовых праздников, разработку одежды для рабочих. Аналогично, поэты, вроде Владимира Маяковского, писали агитационные поэмы, стихи и даже рекламные слоганы. Многие художники сотрудничают в 1920-е годы с театрами, разрабатывая для них костюмы и декорации [4].

Одной из центральных фигур советского авангарда был театральный режиссер Всеволод Мейерхольд. Мейерхольд считал театр не банальным зеркалом жизни, а стилизованной и даже абстрактной формой искусства. Он много экспериментировал с мимикой и жестами, старался ликвидировать дистанцию между сценой и зрительным залом, и в 1920-х годах получил возможность реализовать свои идеи. Однако важнейшим театром эпохи НЭПа стал Театр Вахтангова, основанный в 1921 году [7].

Многие представители культуры считали, что революционным должно было быть не только искусство, но и быт. Новый строй должен был выработать нового человека, лишённого индивидуалистских, буржуазных наклонностей, а организовать пространство для новой жизни должна была, прежде всего, архитектура. Таким образом, именно конструктивизм определял облик многих жилых и общественных зданий: здание центрального телеграфа (1925–1927) и здание газеты «Известия» (1925–1927). Особенно популярными были дома культуры для рабочих, которые служили досуговыми площадками и центрами просвещения, организованными по инициативе Наркомпроса. Для конструктивизма характерен утилитаризм, отрицание декора как бесцельного буржуазного пережитка, простые объёмы – куб, параллелепипед, цилиндр – и большие окна, применение современных технологий из стали, стекла и бетона. Конструктивисты видели свое направление связанным с русской революцией и грядущим промышленным преобразованием России и мира.

В целом русский авангард безоговорочно принял современную науку, революционные достижения которой стали для него вдохновляющим примером в его собственных творческих исканиях. Он в наибольшей степени вышел за рамки художественного стиля и стал настоящей философией нового мира, путь к которому усматривал в радикальном разрыве с прошлым. Представители авангарда верили в безграничную способность человека переделать не только искусство, но и общество. И ради этого русский авангард был готов пожертвовать собой, раствориться в будущем мировом единстве. В итоге русский авангард исчерпал концепцию искусства как абсолютного творения [8].

Идеи «чистого», неангажированного искусства выражали течения русского модернизма – символизм и акмеизм. Модернизм поставил перед собой задачу возродить самоценность и самодостаточность искусства. По мнению представителей модернизма, искусство должно быть «чистым», т.е. «искусством для искусства». Его назначение – в решении своих внутренних проблем, в поиске новых форм и средств выражения, а его компетенция – внутренний духовный мир человека [2]. Представители символизма (Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов и др.) считали, что подлинное искусство должно включать в себя сложные символы, мистическое содержание, новые средства художественного воздействия. Напротив сторонники акмеизма (Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, А. А. Ахматова и др.) отвергали неясность и намеки, многозначность, отвлеченность и абстрактность символа. Они реабилитировали простое и ясное восприятие жизни, восстановили в поэзии ценность гармонии и композиции. В то же время они сохранили высокую духовность поэзии, стремление к подлинной художественности, глубокому смыслу и эстетическому совершенству [8].

Свою аполитичность стремились также подчеркивать представители литературной группы «Серапионовы братья», куда входили М. Зощенко, В. Каверин, К. Федин, Н. Тихонов и др. Были, наконец, художники и писатели, которые сторонились объединений и групп либо примыкали к ним лишь формально. Таковыми

были С. Есенин, М. Цветаева, М. Булгаков, Т. Замятин, Б. Пастернак, А. Платонов и др. [8].

Большое внимание, как идеологическому инструменту, партия большевиков уделяла кинематографу. До революции кино было чисто коммерческим предприятием, но сразу после революции большевики национализировали все киностудии, а в 1922 году было создано Госкино, которое стало управлять всей отраслью. Особенно мощное воздействие кинематограф оказывал на подрастающее поколение. Почти половина зрителей кинотеатров в 1920-е годы была младше 15 лет, взгляды и идеалы которых формировались, прежде всего, через голубой экран. Их представления о жизни и революции черпались из кино. Особенно популярными были фильмы «Октябрь» и «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна [6].

Процесс зарождения массовой культуры, начавшийся еще до революции продолжился очень быстрыми темпами в относительно либеральной обстановке НЭПа. Авангардисты и представители модернизма пытались «завоевать массы», но их искусство было непонятным простому обывателю, предпочитавшему более простой досуг. В связи с проводимыми экономическими реформами стал формироваться новый социальный слой – частные торговцы, лавочники и ремесленники, которые не были озабочены романтическим духом революции, но имели материальный достаток. Их мало интересовало классическое искусство, поскольку для его понимания у них не хватало образования. Главным развлечением стали кабаре и рестораны. В кабаре выступали артисты-куплетисты с нехитрыми песенными сюжетами и незамысловатыми рифмами и ритмами, исполнители весёлых фельетонов и антреприз, художественная ценность в которых была представлена в исчезающе малой величине. Но, тем не менее, простые и непритязательные тексты и лёгкие музыкальные мотивы некоторых песенок вошли в историю культуры страны. Именно тогда были написаны такие популярные песни, как «Бублички», «Лимончики», «Мурка», «Фонарики», «Крутится-вертится шар голубой» и др. [6].

Лёгкие жанры царствовали и в драматических театрах. Кинотеатры делали кассу не на фильмах Эйзенштейна, а на зарубежных мелодрамах, музыкальных комедиях и остросюжетных фильмах. Процветали танго, фокстрот и чарльстон, считавшиеся неприличными танцами. В 1920-х годах в Москве начинается настоящий журнальный бум. В 1922 году начинают издаваться сразу несколько сатирических юмористических журналов: «Крокодил», «Сатирикон», «Смехач», «Заноза» и др. В этих журналах, помимо новостей из рабочей жизни, постоянно публикуются юморески, весёлые неприхотливые истории, пародийные стихи, карикатуры. Но с окончанием периода НЭПа заканчивается их издание. С 1930 года «Крокодил» остался единственным общесоюзным сатирическим журналом [6].

Следует отметить, что в 20-е годы к существующему многообразию литературно-художественных течений Советская власть относилась вполне терпимо, придерживаясь принципа нейтральности. В 1925 г. по этому поводу была принята специальная резолюция ЦК РКП(б), в которой говорилось о том, что ни одно направление – ни реализм, ни футуризм, ни конструктивизм – не признавалось главным или «официальным». Однако к концу 20-х гг., особенно в связи с началом коллективизации, ситуация постепенно меняется. Число художественных течений начинает неуклонно сокращаться. Некоторые из них уходят с исторической сцены естественным путем, другие же делают это не без давления со стороны официальных органов. В начале 30-х гг. этот процесс ускоряется. Наконец, в 1932 г. выходит партийное постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», в соответствии с которым все независимые течения, объединения и группы распускаются. От прежнего культурного плюрализма и художественного многообразия

практически ничего не остается. Поиски новой культуры прекращаются: она оказывается найденной [8].

Список используемых источников

1. Быстрова, И. В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идеи и реальности // Отечественная история. – 1993. – № 3.
2. Кричевская, Ю. Р. Модернизм в русской литературы: эпоха «серебряного века» / Ю. Р. Кричевская. – М., 1994.
3. Мунчаев Ш. М. История России: учебник для вузов / Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов. – М. : Издательская группа ИНФА-М-НОРМА, 2005.
4. Наков, А. Русский авангард / А. Наков. – М. : Искусство, 1991. – 192 с.
5. Новейшая история Отечества. XX век: учебник для студ. вузов в 2 т. / под ред. А. Т. Киселева. – М., 2002.
6. Полевой, В. М. Малая история искусства. Искусство XX века / В. М. Полевой. – М., 1991.
7. Турчин, В. С. По лабиринтам авангарда / В. С. Турчин. – М., 1993.
8. Силичев, Д. А. Культурология : учеб. пособие для вузов / Д. А. Силичев. – М.: Издательство «ПРИОР», 1998. – 352 с.
9. Шишкин, В. А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928) / В. А. Шишкин. – СПб., 1997.

УДК 94(47)

Г. Я. СОКОЛЬНИКОВ – ТЕОРЕТИК ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1922–1924 ГГ. В СССР

Субботин А.А., проректор по воспитательной работе
Витебский государственный технологический университет
г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова: новая экономическая политика, денежная реформа, червонец, финансовая политика.

Реферат. В статье рассматривается роль Г. Я. Сокольникова в организации проведения денежной реформы 1922–1924 гг. в СССР, указываются основные идеи этого советского государственного деятеля в сфере финансовой политики.

Одной из ключевых фигур периода новой экономической политики был нарком финансов Г. Я. Сокольников. Личность и деятельность Григория Яковлевича Сокольникова (1888–1939) воспринимается сегодня по-разному. Для одних он талантливый революционер, большевик из ближайшего ленинского окружения, участник Октябрьской революции, крупный партийный и государственный деятель Советской России. Для других – выдающийся реформатор, создатель червонца, крепкого советского рубля, «красный Витте», как его иногда называли в эмигрантской прессе. Для третьих – принципиальный социалист, активный участник внутрипартийной оппозиции, борец со сталинизмом, что и послужило причиной его трагической гибели в 1939 г.

Главная заслуга Сокольникова – это денежная реформа 1922–1924 гг., создание устойчивого советского рубля (червонца). Об этой реформе написано уже много, мы лишь кратко напомним основные ее моменты. Начнем с хронологии. В результате

Первой мировой и Гражданской войн эмиссия денежных знаков к 1921 г. приобрела колоссальные размеры. Сокольников в своих исследованиях приводит такие данные выпуска бумажных денег: на 1 января 1915 г. – 2946 млн руб., 1916 г. – 5617 млн, 1917 г. – 9103 млн, 1918 г. – 27, 3 млрд, 1919 г. – 6,8 млрд, 1920 г. – 225 млрд, 1921 г. – 1,1 трлн, 1922 г. – 17,5 трлн, 1923 г. – 2,6 квадриллиона, 1924 г. – 178,5 квадриллиона руб. Тем не менее, денег в стране не хватало, цены росли быстрее. Например, с декабря 1921 г. по март 1922 г. среднемесячный рост эмиссии составлял 69 %, а рост цен – 102 %. В обращении, как пишет З.В. Атлас, «выпускались денежные знаки купюрами в 1, 5 и 10 млн руб.». Ленин в ноябре 1922 г. признавал: «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда, стабилизировать рубль – значит, мы выиграли. Тогда все эти астрономические цифры – все эти триллионы и квадриллионы – ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать» [1, с. 146].

Денежная реформа началась в октябре 1922 г., когда был издан декрет, согласно которому Государственный банк начал выпускать банковские билеты (банкноты) в червонцах с золотым содержанием на уровне дореволюционной золотой монеты. Обычные деньги (совзнаки) обращались параллельно с червонцами до 31 мая 1924 г. Далее, 10 апреля 1924 г. было принято решение о выпуске казначейских билетов по соотношению 10 рублей за 1 червонец. И, наконец, 7 марта 1924 г. вышел декрет об обмене до июня этого года совзнаков на червонцы и казначейские билеты. В результате в СССР была создана устойчивая, полновесная валюта, которая котируется на многих мировых биржах.

При описании денежной реформы и роли в ней Сокольникова часто ограничиваются хронологией и ставят на первое место золотое обеспечение рубля, которое так энергично отстаивал Сокольников. И действительно, об этом он начал говорить еще в 1920 г. Меньшее внимание обращают на другую составную часть реформы: достижение сбалансированного бюджета. Потребность перевода рубля на золотое обеспечение осознавалась и до Сокольникова. Л.Н. Юровский писал: «Червонец был «придуман» в том смысле, как «придумывается» всякая реформа. Но вместе с тем он не мог не быть придуман, потому что условия нового хозяйствования стихийно толкали на определенный путь». Так что приписывать Сокольникову особые заслуги в изобретении золотого червонца не надо. Это было почти общее место у многих, кроме тех, кто считал, что в социалистическом хозяйстве деньги вообще не нужны. Его заслуга в другом. Сокольников считал, что золотое обеспечение нужно вводить не в любое время, а когда будет достигнута известная сбалансированность бюджета, то есть когда доходы бюджета равняются его расходам и доходы от эмиссии не превышают, по крайней мере, доходов бюджета по другим источникам. Только тогда появляются реальные возможности создать крепкую валюту. «Те, – говорил Сокольников в докладе на Московской партийной конференции в марте 1922 г., – которые толкуют о том, чтобы мы перешли на золотую валюту немедленно в условиях нашей нищеты – голодной катастрофы, развала нашей промышленности и сельского хозяйства, – те толкают нас в яму и больше никуда» [2, с. 143].

В подготовленных к XI съезду РКП(б) тезисах «Основные положения финансовой программы» («Не дурны, но теоретичны», – оценил их Ленин) Сокольников наметил главные направления финансовой политики. Во-первых, увеличение размеров товарооборота прежде всего через развитие торговли, внутренней и внешней, государственной, кооперативной и частной. Во-вторых, сокращение и затем ликвидация бюджетного дефицита, сбалансирование бюджета путем жесточайшего сокращения государственных расходов, урезки административного аппарата, перенесения значительной части расходов на менее дефицитный местный бюджет, а также путем всемерного увеличения поступлений государственных доходов, развития

налоговой системы. В тезисах указывалось, что экономическая и финансовая политика Советского государства решительно ориентируется на восстановление золотого обеспечения денег, поскольку золото твердо остается мировыми деньгами. Особой задачей провозглашалось сокращение, а затем и прекращение бумажно-денежной эмиссии [3, с. 77].

Проведение широкой программы намеченных мер, направленной на преодоление финансовой разрухи в стране, проходило в атмосфере жарких дискуссий и яростных споров. Почти каждый доклад или выступление Сокольников на партийных форумах, сессиях ВЦИК и ЦИК СССР, на съездах Советов становились предметом бурной полемики, острых столкновений различных позиций. Многие «красные хозяйственники» полагали, что финансовый кризис заключается не в том, что выпущено слишком много денег и падает их ценность, а в том, что денег не хватает, не хватает оборотных средств на восстановление и развитие промышленности. Наркомфина гневно обвиняли в ведомственной узости и легкомысленном отношении к вопросам финансирования индустрии, с возмущением требовали немедленного прекращения «антиэмиссионного азарта». Страсти доходили до такой степени, что раздавались призывы не допустить замену диктатуры пролетариата «диктатурой Наркомфина». Ларин, считавший возможным разрешение задачи стабилизации рубля не ранее 1927 г., ставил в пример Сокольникову финансовую политику Германии, утверждая, что «у них такая громадная денежная эмиссия, какая нам и не снилась». Отвечая оппонентам, Сокольников терпеливо объяснял, что дело не в злой воле финансового ведомства, которое якобы не дает денег промышленности и торговле в то время, как они им до зарезу нужны, а в том, что каждый новый выпущенный рубль падает на один и тот же рынок и увеличивать количество бумажных денег можно лишь в меру увеличения товаров. В противном случае – новое повышение цен, полное обесценивание денег, финансовая катастрофа. «Задача сокращения эмиссии, – говорил Григорий Яковлевич в марте 1922 г. на XI съезде РКП (б), – есть основная политическая и экономическая задача, но никак не ведомственная. Если к врачу приходит человек и требует, чтобы он дал ему опиум, впрыснул спасительный морфий и т. д., – конечно, если этому пациенту только и остается, что умереть, и он хочет несколько часов в более спокойном состоянии не чувствовать своих предсмертных мук, – тогда надо впрыснуть морфий, это сделает каждый человеколюбивый врач. Разве мы в таком положении, и, следовательно, можем ли мы предлагать, чтобы съезд провозгласил как систему то, что наша финансовая политика должна состоять в дальнейшем усиленном отравлении ядом организма нашего хозяйства? Это глубочайшая ошибка. Против этого я возражал в докладе. Если у нас возле Иверской часовни на стене написано: «религия – опиум для народа», то я бы предложил возле ВСНХ повесить вывеску «эмиссия – опиум для народного хозяйства» [3, с. 77].

Горячие дискуссии среди советских экономистов велись в то время и вокруг вопроса, на основе какого мерила ценности строить систему хозяйственного расчета. Сторонники т. н. товарного рубля предлагали создание денег, не связанных с золотом, идущих по среднему курсу товаров, по товарному индексу. Сокольников приходилось неоднократно доказывать, что такие идеи являются утопией, полнейшим отходом от марксистской политэкономии и забвением элементарных экономических истин, относящихся к денежному обращению. В развитом товарном хозяйстве, подчеркивал он, цены выражаются в одном товаре – золоте, и это не каприз, а закон товарного хозяйства. Связь с товарами бумажных денег идет через золотую стоимость, и чем слабее последняя выступает в деньгах, тем хуже для этой бумажно-денежной системы [3, с. 78].

В ходе финансовой реформы 1922–1924 гг. речь шла об обеспечении рубля золотом, а не о свободном размене бумажного рубля на золото. Этот момент

Сокольников специально разъяснял в марте 1923 г.: «Не нужно ставить своей задачей возвращение к режиму циркуляции золотой монеты внутри страны; наоборот, в циркуляции золотой монеты внутри страны должно видеть наиболее злого врага нашего бумажно-денежного обращения» [2, с. 190]. И несколько позже добавлял: «Мы не ставим своей задачей возвращение к системе золотого обращения, а хотим провести систему золотого обеспечения денег, что не одно и то же» [2, с. 404]. Обеспечение рубля золотом в тех условиях означала размен банкнот (червонцев) на золото лишь в межгосударственных отношениях, а также приобретение и продажу золота за червонцы на свободном рынке. Как итог, червонец легко менялся по устойчивому курсу на основные иностранные валюты и свободно обращался на рынке. В этом состояла его привлекательность [1, с. 147].

Как уже говорилось, во времена «военного коммунизма» проводилась колоссальная эмиссия денежных знаков, что вело к катастрофическому обесценению денег. В этих условиях многие партийные работники заговорили о ликвидации денег вообще, тем более что при коммунизме денег и быть не должно. Даже Ленин в этой связи писал: «РКП(б) будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготавливающих уничтожение денег». Хотя впоследствии Ленин несколько трансформировал свою точку зрения, общий дух неприятия денег сохранялся на протяжении всего периода «военного коммунизма». Например, сессия ВЦИК 18 июля 1920 г. признавала, что «деятельность Наркомфина, выразившаяся в стремлении к установлению безденежных расчетов для уничтожения денежной системы, в общем соответствует основной задаче хозяйственного и административного развития РСФСР». Но в этот период Сокольников еще не возглавлял финансовое ведомство. Более того, даже в таких условиях всеобщего отрицания денег он был одним из немногих, кто устно и письменно с этим не соглашался. Выступая на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г., он заявил: «Я, конечно не согласен с товарищем Смирновым, который подходит с убеждением, что при социализме деньги не нужны, и поэтому мы можем смотреть спокойно, как наш рубль обесценивается, и, в конце концов, он сам себя обесценит, и тем лучше это, потому что деньги сами себя уничтожают. Конечно, это точка зрения, доведенная до абсурда» [2, с. 41]. Сокольников разъяснял, что нельзя ставить знак равенства между деньгами и советскими денежными знаками. «Вытеснение советских знаков из товарооборота, – писал он, – не означало уничтожения денег, а означало лишь «оденужение товаров». Раз товарное хозяйство сохраняется, оно «приспособляет для роли денег наиболее подходящий товар – муку, овес, масло, соль» [2, с. 133–134]. Однако таких трезвых и грамотных голов в ту эпоху было немного.

С переходом к НЭПу, естественно, встал вопрос о денежном хозяйстве. Однако многие партийные деятели продолжали утверждать, что деньги в социалистическом народном хозяйстве в принципе не нужны. Временно их можно использовать по причине существования частного сельского хозяйства и мелкой частной промышленности. Но как только эти сектора экономики будут обобществлены, нужда в деньгах сама собой отпадет. И как раз большая эмиссия и обесценивание рубля, ставя в невыгодное положение частного производителя, будут служить инструментом в «классовой борьбе пролетариата». Так быстрее можно прийти к коммунизму. Позиция Сокольникова была принципиально иной. Он считал, что поднять промышленность и социализированный сектор экономики можно только на основе развития крестьянского хозяйства, которое поставляет сырье для промышленности и сельскохозяйственный продукт для городских рабочих и служащих. Значит, надо стабилизировать денежное хозяйство и укреплять рубль. Следовательно, нужно прекращать эмиссию. Эмиссию можно сократить, если в бюджет будут поступать доходы, то есть налоги от промышленных и других государственных предприятий (транспорт, почта и т. д.). Во

время «военного коммунизма» такого рода поступлений практически не было, вместо налога были продразверстка и бесплатные услуги коммунального хозяйства. Сокольников во многих своих работах и выступлениях показывает, как после перехода к НЭПу удалось наладить сбор налогов и поступление средств от госпредприятий в бюджет страны. Именно в создании бездефицитного бюджета, а не только в золотом обеспечении, лежит корень денежной реформы 1922–1924 гг. Этого многие не понимали. Ленин писал Сокольникову (в письме от 22 января 1922 г.): «Не могу согласиться с Вами, что в центре работы – перестройка бюджета. В центре – торговля и восстановление рубля». Сегодня можно признать, что в этом вопросе позиция Сокольникова была более правильной. Сокольников приводит подробные данные о росте доли денежных доходов в бюджете. Так, в январе 1922 г. сумма денежных доходов бюджета по отношению к эмиссии составляла 10 %, то есть «эмиссия дала в 10 раз больше, чем все поступления от налогов и доходов денежного характера». В феврале того же года это процентное соотношение было 19,3, в марте – 21,4, в апреле – 29,4, в мае – 35,5, в июне – 38,5. «Таким образом, – делает вывод Сокольников, – в общем количестве денежных ресурсов эмиссия, возможно, будет с ноября занимать уже менее 50 %» [2, с. 195]. И только когда доходы от эмиссии в процентном отношении сравнялись с другими поступлениями в бюджет, можно было серьезно ставить вопрос о введении золотого червонца. Пожалуй, именно это – создание бездефицитного бюджета – сыграло главную роль в денежной реформе.

Подводя итог, можно утверждать, что Г.Я. Сокольников был одним из главных теоретиков не только денежной реформы 1922–1924 гг., но и в целом новой экономической политики. Именно он определил фундаментальные идеи финансовой стабильности советского государства и показал пути выхода из экономического кризиса путём закрепления товарно-денежных отношений в основных сферах производства.

Список использованных источников

1. Воейков, М. И. Логика экономической концепции Г. Я. Сокольникова / М. И. Воейков // Вопросы экономики. – 2008. – № 6. – С. 141–154.
2. Сокольников, Г. Я. Финансовая политика революции: в 2 т. / Г. Я. Сокольников. – М.: Общество купцов и промышленников России, 2006. – Т.1. – 485 с.
3. Генис, В. Л. Григорий Яковлевич Сокольников / В. Л. Генис // Вопросы истории. – 1988. – № 12. – С. 59–86.

УДК 94(476):339«1921/1929»

СОВЕТСКАЯ НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ НЭПА В ОБЛАСТИ ТОРГОВЛИ

Тимофеев Р.В., доцент

ВГУ имени П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова: НЭП, налоговая политика, торговля, государство

Реферат. Сущность советской налоговой политики в годы НЭПа состояла в том, что с ее помощью государство, например Белорусская ССР, ускоряло или замедляло развитие какой-либо формы производства или торговли. Через налоги самым естественным образом пополнялся государственный бюджет.

Важной частью общеэкономического механизма в Белорусской ССР в годы НЭПа было налогообложение, в том числе и торговли, что затрагивало различные аспекты социально-экономической сферы. Основным, уплачиваемым торговлей налогом в республике, был в этот период промысловый. Такой налог состоял из патентного обложения по внешним признакам и уравнительного сбора с оборота.

Промысловый налог Всероссийский ЦИК утвердил 26 июля 1921 г., что выполнялось и в Беларуси, тесно связанной с другими советскими республиками [1, с. 97]. Включал промысловый налог пока еще только 3 разряда торгово-промышленных предприятий [2, с. 97]. Во временно находившихся под юрисдикцией РСФСР Гомельской и Витебской губерниях промысловый налог взыскивался сразу.

Со своей стороны СНК Белорусской ССР подтвердил промысловый налог 14 сентября 1921 г. и его в республике взыскивали естественно позже. Ввиду своей важности налоговый вопрос обсуждался в декабре 1921 г. на III Всебелорусском съезде Советов [3, с. 8, 9]. То есть государство тем самым стремилось укрепить свои рычаги влияния на социально-экономическую жизнь общества.

Характерным для советского государства было то, что первоначально промысловому обложению его финансовые органы подвергли только частную торговлю. Лишь с конца 1921 г. налоговый «пресс» ощутила на себе кооперативная торговля [1, с. 97]. С 3 февраля 1922 г. по новой редакции промыслового налога, когда были выделены 5 разрядов торговых разрядов по своему размеру, стали подвергать налогообложению и государственную торговлю, но не всю сразу [4, с. 20]. Фактически государственная торговля платила промысловый налог только во II полугодии хозяйственного года. К тому же пока лишь та, которая находилась на хозяйственном расчете.

Как же было с налогообложением на местах? Во временно входившей в состав РСФСР Витебской губернии промысловый налог взыскивали с июля 1921 г., что оказалось в центре внимания губисполкома. Связанный с промысловым налогом уравнительный сбор оплачивали в тот момент II-й и III-й разряды торговых предприятий [1, с. 97, 98]. Кроме всего прочего с лета 1921 г. частный сектор оплачивал подоходный налог, временный налог на прирост прибыли и дополнительный промысловый налог [5, с. 62, 63]. В дополнение к вышеперечисленному патентный сбор платили все 3 разряда имевшихся тогда в наличии частных торговых предприятий.

По территории Белорусской ССР первым денежным налогом для торговли явился регистрационный сбор, взывавшийся уже с мая 1921 г. [1, с. 98]. Патентное обложение по промысловому налогу осенью 1921 г. финансовые органы республики рассчитали с 1 июля 1921 г., то есть торговцев фактически заставили выбрать патенты уже за прошедшее время и расширили действие данного налога по времени.

Проводившаяся в республике политика в области налогов имела несколько уровней. Так, вопросы наполнения бюджета регулярно разбирались Сессиями ЦИК Белорусской ССР. В тоже самое время постоянно менявшийся уровень цен затруднял государству начисление налогов, так как колебался и уровень доходов. Отметим, что наиболее точно можно было в тех условиях определить промысловый налог.

Налог взывали в два приема. При регистрации или выборке патента в зависимости от разряда уплачивался патентный сбор. После установления оборота взывался (кроме 1 разряда) уравнительный сбор. Уравнительный сбор составлял 3 % от оборота предприятия. При его уплате засчитывался патентный сбор [1, с. 98]. Патентный сбор определялся классом местности (город, село, размер города и характер торговли).

Налогообложение налаживалось шаг за шагом. По Белорусской ССР патенты на II полугодие 1921 года выдали только в ноябре, но правильность выдачи патентов проверили уже в декабре отмеченного выше года. Вопрос патентов контролировал

Наркомат финансов Белорусской ССР. На I полугодие 1922 года уравнильный сбор исчислили в декабре 1921 г. – январе 1922 г. Одновременно с этим выдали и патенты [1, с. 98]. С 3 февраля 1922 г. по новому «Положению о промысловом налоге», исходящему из специального постановления ВЦИК, налогообложение проводилось по 5 разрядам торговых предприятий и в золотом довоенном исчислении.

С 10 февраля 1922 г., по постановлению того же ВЦИК, стало действовать правило о дополнительном обложении налогом торговли предметами роскоши [3, с. 9]. Отметим, что на территории Белорусской ССР в начале НЭПа широко применялись решения Всероссийского ЦИК, что было связано с наличием теснейших политических и социально-экономических связей между советскими республиками и единой политикой социалистического строительства.

С каждым новым временным отрезком налоговая политика уточнялась и совершенствовалась. Так, за первое полугодие 1922 г. в Белорусской ССР по сравнению со II полугодием 1921 г. число учтенных торгово-промышленных предприятий выросло на 35 %, средняя сумма уплаты патентного сбора увеличилась в 2,5 раза. Среднее обложение уравнильным сбором поднялось даже в 13 раз [3, с. 9, 10]. Однако промысловое обложение имело большой недостаток, когда отсутствовала прямая зависимость величины обложения от объёма доходов плательщика.

В итоге много дохода от налогообложения было скрыто. Поэтому при начислении налогов использовали принцип классовой принадлежности, и с представителей фактической новой буржуазии налога брали по максимуму. Именно на частного тяжёлым прессом легли 100 % надбавки к налогу на местные нужды, введенные по декрету СНК Белорусской ССР от 18 февраля 1922 г. [3, с. 11]. Естественно в советском «новом» государстве по-другому и «не могло быть».

Характерно, что в отличие от частного значительную льготу в уплате промыслового налога по «Положению» от 3 февраля 1922 г. получила кооперация. Из под налогообложения к тому же был изъят внутрикооперативный оборот [4, с. 21]. Заметим, что лояльным к себе отношением финансовых органов злоупотребляла государственная торговля, так как нередко «по примеру частного» скрывала свои реальные обороты и доходы. Это в государственной торговле касалось чаще косвенных налогов.

Косвенные налоги больше затрагивали интересы общественных форм торговли, так как она шире, чем частник торговала подакцизными предметами. Отметим, что в 1922 г. в Белорусской ССР действовали акцизы на пиво, винно-водочные изделия, табак, чай и кофе [303, с. 245]. Но и доход с подакцизных товаров был несравненно выше, чем с любых других направлений.

Налоговая система отличалась разнообразием, что было и не удивительно в условиях резкой нехватки государственных средств на восстановление и развитие. Наиболее разнообразными оказались местные налоги. По постановлениям СНК Белорусской ССР на февраль 1922 г. в городах действовало 16 местных налогов, 7 было для внегородских поселений, и еще 2 было общих [1, с. 98, 99]. По городам интересы торговли «затрагивали»: сбор с возов, останавливавшихся на базарах, сбор за проверку и клеймение весов, разовый сбор с подвижной торговли, сбор с грузов.

Вне городов: сбор со строений занятых под торговые предприятия, сбор за пользование общественными весами. Общий налог взымался с товаров, поступивших в Белорусскую ССР через Наркомвнешторг [4, с. 13, 14]. Необходимо помнить, что местные налоги в основном касались деятельности частного, и налогообложение носило ярко выраженный «классовый» характер.

Налог мог быть за что угодно. Так, ещё одним общим налогом для жителей республики в городах и местечках был квартирный, который взымался по разрядам. Там, где на каждого жителя приходилось не свыше 60 куб. саженей жилья, то платили

по 5,4 тыс. руб. за 1 аршин жилой площади. Но там, где было свыше 100 аршин, оплачивали 13,5 тыс. руб. Чаще под отмеченный квартирный налог попадали частные собственники жилья, которыми и являлось большинство торговцев [4, с. 16]. С торговцев взималась плата за помещения и участки земли, сдаваемые под торгово-промышленные предприятия в национализированных домовладениях. Контролировали взимание платы горисполкомы.

Изменение в налогообложении могло произойти в любой момент. Например, по декрету СНК Белорусской ССР от 18 февраля 1922 г. была введена 10 %-ая надбавка к действовавшему промысловому налогу в пользу голодающих [4, с. 11].

Среди всего прочего в Витебской губернии весной 1922 г. действовал натуральный хлебный налог. По этому налогу торговцы и промышленники по I разряду (своих предприятий) вносили 5 тыс. руб. в месяц, по II разряду отдавали государству 1,5 пуда ржи, по III разряду еще больше или 3 пуда [6, с. 16]. Советское государство было неистощимо на новые взимания. Так, по Белорусской ССР с апреля 1922 г. взимались гербовый и канцелярский сборы, которые торговля обойти никак не могла.

Государство естественно понимало желание жителей «уйти» от налогообложения, и поэтому за взиманием налогов строго следили. При неуплате промыслового налога в крайних случаях использовали даже арест движимого имущества и его продажу, а выручку обращали на покрытие недоимок [1, с. 98, 99]. «Естественно и просто», но такие жесткие меры касалось только частника.

Есть и соответствующие показательные цифры. Так, за I четверть 1922 г. только по Минскому уезду было отмечено 25 конфискаций на сумму 334 тыс. руб. За II четверть этого года там «имели место» 27 «случаев» на 327 тыс. руб. За III четверть их в Минском уезде оказалось 30 на 567 тыс. руб. За IV четверть оформили 98 случаев на 517 тыс. руб. все «по тому же адресу» [1, с. 98, 99]. И подобная картина по республике какой либо другой не была.

Заметим, что через суды взыскать выявленные недоимки было сложно, так как они оказались массовым явлением. Например, по Витебской губернии в I полугодии 1922 г. недоимки доходили до 60 % всех прямых налогов [7, с. 324].

Данная цифра была огромной и свидетельствовала о разоренности хозяйства, о нежелании населения «делиться» своими доходами и о фактическом отсутствии реального расчета при оформлении налогообложения. Лучше бы налоги были меньше, но выше их собираемость.

Налоги стали для советского государства важным источником бюджетных поступлений, что доказывало внимание к ним среди всего прочего и на трибунах Съездов Советов Белорусской ССР. Так, за январь-сентябрь 1922 г. государственными налогами было покрыто 48 % фактических расходов белорусской республики. Местными налогами было «оплачено» 86 % местных расходов [8, с. 245].

Цифры везде «впечатляли». По Витебской губернии прямыми налогами получили 96 млн руб. образца 1922 г., 101 млн руб. «пришло» от местных налогов и сборов, 69,5 млн руб. принесли косвенные налоги. За все отмеченное выше отчитались на губернском съезде Советов [9, с. 326]. Тяжело было найти какое-либо «исключение». Например, по Гомельской губернии за декабрь 1922 – ноябрь 1922 г. промысловый налог «принес в казну» 795 млрд руб. образца 1921 г. [10, с. 216]. Сколько конечно усилий было «потрачено», чтобы выйти на эти показатели.

Таким образом, мы видим, что в начале 1920-х годов в Белорусской ССР была уже сформирована работавшая по классовому принципу налоговая система. Налоговая система в целом поддерживала развитие общественного сектора в торговле и сдерживала частный сектор.

Список используемых источников

1. Тимофеев, Р. В. Торговля Беларуси в период НЭПа : монография / Р. В. Тимофеев. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 164 с.
2. Внутренняя торговля. – М.: Издание МИХ, 1926. – 213 с.
3. Материалы к докладу НКФина Третьей Сессии ЦИК Белоруссии. – Минск, 1922. – 68 с.
4. Жирмунский, М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР / М. М. Жирмунский. – М.: Финансовое издательство СССР, 1927. – 223 с.
5. Отчет СТО Витебского Губэконо. – Витебск, 1921. – 176 с.
6. Натуральный хлебный налог // Красное знамя. – 1922. – № 4. – С. 16.
7. Отчет Витгубисполкома к X съезду Советов за время с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. – Витебск, 1922. – 675 с.
8. Белорусская Советская Социалистическая Республика в 1922–23 гг. К 5-му Съезду Советов Белоруссии. – Минск, 1924. – 452 с.
9. Отчет Витгубисполкома к X съезду Советов за время с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. – Витебск, 1922. – 675 с.
10. Отчет Гомельского губернского исполнительного комитета VI губернскому съезду Советов (декабрь 1921 – ноябрь 1922). – Гомель, 1922. – 417 с.

УДК 94(476):339«1921/1929»

ЦЕНОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД НЭПА

Тимофеев Р.В., доцент
ВГУ имени П.М. Машерова
Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова: государство, цены, мероприятия, политика.

Реферат. Через ценовые мероприятия государство влияло на состояние жизненного уровня белорусского населения и его покупательную способность. От уровня цен в торговле зависела скорость сбыта товаров, а в экономике в целом – состояние сельскохозяйственного и промышленного производства.

Многоплановость экономических процессов, проходивших в период НЭПа в Белорусской ССР, потребовала от ее ЦК КП(б)Б и СНК использования самых разнообразных рычагов воздействия на торговлю. В итоге развитие торговли во многом направлялось через ценообразование, что в целом помогало стабилизировать социально-экономическую и политическую жизнь белорусского общества.

Одним из первых шагов правительства Белорусской ССР в области ценообразования оказалось введение весной 1921 г. товарообменного эквивалента. Имевшиеся в республике промышленные товары были переоценены по довоенной стоимости с увеличением в 3 раза [1, с. 96; 2, с. 63, 64]. По заявленному государством эквиваленту соотношение стоимости промышленных товаров и сельскохозяйственных товаров было как 1:3 или в пользу промышленного производства и города. Это было сделано с целью получения от крестьянства максимума продовольствия при имевшемся у государства минимуме промышленных товаров.

Так было в многоукладной экономике начала НЭПа не везде. Более реальными естественно оказались цены частного рынка, где купля-продажа товаров велась на

совзнаки (деньги), перерассчитанные по золотой валюте. Такие цены были высоки, пока не поддавались регулированию [1, с. 97]. В городах рабочие и служащие «спасались» от них с помощью пайкового снабжения, сохранявшегося на протяжении 1921–1923 гг., где стоимость товаров была низкой и фиксированной [2, с. 64]. Но подобные товары для рабочих предоставлялись в строго ограниченном количестве. И все равно приходилось по ряду позиций пользоваться услугами частного рынка.

Ценовой политике советского государства приходилось быть гибкой. В этой связи с осени 1921 г. на селе продовольственные комитеты всех уровней варьировали (меняли) товарообменный эквивалент ввиду его маложизненности [1, с. 97]. В 1922 г. товарообменом пользовались все меньше, а в 1923 г. он практически исчез, постепенно, но полностью заменившись товарно-денежными отношениями.

Соответственно с ослаблением позиций товарообмена увеличивалось значение денежной ценообразовательной политики. Однако контролировать цены было сложно, так как они складывались под влиянием спроса и предложения. Инфляционные процессы увеличили летом 1922 г. в Белорусской ССР стоимость золотой валюты [1, с. 97]. Ценообразовательный процесс был многоликим. В определенной степени цены контролировались советским государством с помощью потребительской кооперации, постепенно заменявшей в своих операциях товарообмен на розничную продажу.

Ценовая политика советского государства первоначально проводилась в сложных условиях разрухи. Диспропорции товарного рынка Белорусской ССР в 1921/1922 хозяйственном году максимально осложнили для ее СНК действие имевшихся у него ценообразовательных рычагов [1, с. 98]. Так, недостаток продовольствия у соседних советских республик привел к росту цен на него и в Белорусской ССР.

Улучшение положения с хлебом по Белорусской ССР осенью 1922 г. привело уже к удешевлению продовольствия. А низкий уровень белорусского промышленного производства способствовал (после достижения в сентябре 1922 г. довоенного соотношения цен промышленности и сельского хозяйства) к росту цен на промышленные товары [3, с. 4, 5]. Высокие цены на промышленные товары поддерживались к тому же монопольными производителями, повлиять на которых, если они находились за пределами республики, было очень трудно.

Снизить цены на промышленные товары для конечного потребителя можно было конечно с помощью более эффективной работы общественных форм торговли, но пока они были еще вообще развиты слабы. Тем не менее в 1922 г. ЦБС Белорусской ССР, следуя указаниям Экономического совещания республики, потребовал от низовой потребительской кооперации придерживаться установленных для неё наценок на полученные товары [3, с. 5]. Но одно дело требовать, а другое добиваться реального выполнения требований в условиях дефицита товаров и поддержания хотя бы минимального уровня рентабельности в кооперативных организациях.

Периоду НЭПа были характерны сложные экономические этапы его истории. Так, в 1922/1923 хозяйственном году белорусскому правительству пришлось противодействовать сильным искривлениям в ценообразовании, вызванным кризисом сбыта промышленной продукции. В этой связи на VII Съезде КП(б)Б посчитали одной из причин этого кризиса неналаженность торгового аппарата [1, с. 98, 99]. В IV квартале 1922 г. раствор «ножниц» цен раздвинулся до предела.

С одной стороны, в 1922/1923 хозяйственном году хороший урожай снизил цены на сельскохозяйственную продукцию и ослабил покупательную способность крестьян. С другой стороны, промышленность не выпускала достаточного количества товаров. Низкая эффективность промышленности подняла уровень цен на промышленные товары. Высокими ценами промышленность добивалась для себя рентабельности.

Тресты устанавливали свои завышенные оптовые цены из цен свободного рынка. Максимум кризис сбыта достиг в сентябре-октябре 1923 г., когда за 1 пуд хлеба давали лишь 0,75 аршина ситца [4, с. 1]. Но принятие белорусским правительством комплекса мер помогло ослабить кризис. Была «осуждена» практика погони за прибылью в хлебозаготовительных операциях, когда цены на сельскохозяйственные продукты сильно и несправедливо для крестьян занижались.

Мероприятий по выходу из кризиса сбыта проводили много. Со своей стороны ЦК КП(б)Б предписал промышленности «пересмотреть» цены как за счет уменьшения своих расходов, так и за счет снижения прибыли. В свою очередь Экономическое совещание Белорусской ССР установило предельные наценки при продаже товаров потребительской кооперацией.

В государстве искали и находили выходы из экономических проблем. Решительные и широкие шаги по устранению ценообразовательных диспропорций были сделаны белорусским правительством в 1923/1924 хозяйственном году. Так, промышленности «предписали» снизить оптовые цены в I квартале отмеченного выше года. Вслед за промышленностью снизил на 25–30 % цены на ранее закупленный товар и Центральный белорусский союз кооперации, хотя и понёс убытки [5, с. 4]. У него здесь не было выбора, так как кооперация фактически подчинялась государству.

Мероприятий по выходу из кризиса сбыта проводилось много и самых разных. Важно, что широкое внедрение золотого червонца «заставило» общественную торговлю исходя из постановлений СНК СССР, Экономического совещания Белорусской ССР, с марта 1924 г. снизить цены на размер практиковавшейся у них страховой надбавки на падение курса совзнаков, составлявшей 10 %. Определенная номенклатура товаров (соль, сахар, керосин и др.) должна была отпускаться по предельным розничным ценам [6, с. 5]. Для села к ним разрешалась надбавка на транспортные расходы. И все. Цены надо было снизить.

Каковы же итоги проделанных действий? Так, в результате проведенных и разобранных нами выше самых разнообразных мероприятий наценка на товары по ЦБС (кооперации) снизилась с 20 % в I полугодии 1923 г. до 9,8 % в I полугодии 1924 г. [7, с. 51]. Ко всему прочему в III квартале 1923/1924 хозяйственного года снизил на 5 % отпускные цены для кооперации Госторгбел (Организация внешней торговли БССР).

Общественная торговля была еще и обязана понизить накладные расходы и начисление прибыли при постоянстве ассортимента товаров. Отметим, что контроль за проведением ценовой политики в 1924 г. лежал на Комиссии по внутренней торговле Белорусской ССР при ее Экономическом совещании.

Выход из кризиса сбыта был системным. Так, проведенное снижение цен затронуло и частника. Государственные оптовики свои сделки с ним связывали с обязательством последних придерживаться установленных государством цен. «Хорошее не могло продолжаться вечно». Снижение цен в частной рознице Экономическое совещание Белорусской ССР считало «недостаточным». Поэтому во II полугодии 1923/1924 хозяйственного года нажим на частника был вновь усилен, хотя сжатие его деятельности и привело к дефициту на ряд важных товаров.

Но не так быстро дело делалось, как задумывалось. Из-за колебаний рыночной конъюнктуры, традиционной для Белорусской ССР дешевизны сельхозпродуктов, «ножницы» цен за 1923/1924 хозяйственный год полностью «сомкнуть» не удалось [8, с. 39, 40]. Рассмотрим этот процесс пошагово. Если в октябре 1923 г. промышленные цены превышали сельскохозяйственные цены на 172 %, то в апреле 1924 г. превысили только на 59 %. В октябре 1924 г. данное превышение составило 77 %. Однако при среднем снижении оптовых цен промышленностью за год на 29 %, в розничной торговле они понизились только на 15–19 %, что, естественно, государство никак «не устраивало» [8, с. 39, 40, 41, 42, 43]. Таким образом, торговля в 1923/1924

хозяйственном году не выполнила возложенных на неё «обязанностей» в деле качественного ценообразования (снижения цен) и повышения жизненного уровня населения.

НЭП продолжал двигаться вперед. Но проведение ценообразовательной политики в 1924/1925 хозяйственном году было затруднено всплесками «товарного голода» и недостаточным завозом по многим необходимым населению и промышленности позициям. По возможности государственные органы устанавливали в республике твёрдые отпускные и закупочные цены, но переломить складывавшуюся экономическую конъюнктуру в лучшую для населения сторону оказалось тяжело.

Обстоятельства держали всех в напряжении. Так, хороший урожай в 1924/1925 хозяйственном году повысил спрос на промышленные товары и соответственно влиял на рост цены на них. При низком же урожае росли цены на продовольствие. Какой же был выход?

Снизить конечную цену товара государство стремились с помощью товарных бирж. Потребительская же кооперация сдерживала уровень цен с помощью нормированных (ограниченных к продаже) товаров. В свою очередь на Пленуме ЦК КП(б)Б в сентябре 1925 г. однозначно высказались за продолжение политики предельных (ограниченных) цен, которые бы способствовали уменьшению их общего уровня в республике.

Часто во всех бедах стремились винить частный сектор. Трудно было сдерживать его цены (исходившие из реального состояния рынка), так как политика к нему во II полугодии 1924/1925 хозяйственного года государством была временно смягчена. Частный сектор в большинстве случаев торговал по одной цене с потребительской кооперацией, но при дефиците какого-либо товара у неё резко поднимал цены. При недостаточном завозе какого либо товара повышались и общие цены, хотя за отмеченный год потребительской кооперации удалось уменьшить цены, например, на сахар и махорку. В целом государственные мероприятия в области ценообразования «заставляли» частные цены приблизиться к кооперативным.

Интенсивными усилиями государства добивались стабильной ситуации в ценообразовании. «Ножницы» цен смыкались, и за I полугодие 1924/1925 хозяйственного года при общем повышении цен на 17,6 %, цены сельскохозяйственного сектора экономики выросли на 44,7 % [9, с. 151].

Дальше – больше. К 1 апреля 1925 г. промышленные цены превосходили сельскохозяйственные на 7–29 %. Однако стабильность – это дело дорогое. И во II полугодии отмеченного нами года товарный голод вновь расширил «ножницы» цен. Промышленные цены выросли на 9 %, сельскохозяйственные снизились на 17 %. В итоге, если среднее отклонение промышленного индекса от сельскохозяйственного за 1923/1924 хозяйственный год оказалось 64 %, то за следующий год стало «только» 25 % [133, с. 89].

В итоге, собранные Госпланом Белорусской ССР и выделенные нами выше результаты показали лишь относительный успех политики стабилизации в ценообразовании и работу приходилось продолжать дальше.

Список используемых источников

1. Тимофеев, Р. В. Торговля Беларуси в период НЭПа : монография / Р. В. Тимофеев. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 164 с.
2. Михневич, Л. М. Торговля Белоруссии (1900–1970 гг.) / Л. М. Михневич. – Минск : Наука и техника, 1973. – 223 с.
3. В Центробелсоюзе // Белорусский кооператор. – 1923. – 12 февраля. – С. 5.

4. Карилин, М. Об итогах и перспективах / М. Карилин, А. Каледа // Советское строительство. – 1926. – № 11. – С. I–VI.
5. Торговая деятельность ЦБС // Белорусский кооператор. – 1923. – 15 сентября. – С. 5.
6. Обязательное постановление № 76 Витгубисполкома от 15 марта 1924 г. // Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б). – 1924. – 16 марта. – С. 5.
7. Войтенко, В. Кооперация в БССР / В. Войтенко // Советское строительство. – 1924. – № 1. – С. 47–59.
8. Каледа, А. Вопросы внутренней торговли Белоруссии / А. Каледа // Советское строительство. – 1924. – № 1. – С. 37–46.
9. Войтенко, В. Кооперация Белоруссии в первой половине 1925 хозяйственного года / В. Войтенко // Советское строительство. – 1925. – № 7–8. – С. 139–159.
10. Каледа, А. Торговля / А. Каледа // Советское строительство. – 1926. – № 1. – С. 87–103.

УДК 821.161.3

АСАБЛІВАСЦІ БЕЛАРУСКАГА ЛІТАРАТУРНАГА ПРАЦЭСУ Ў ПЕРЫЯД НЭПА

Уткевіч В. І., дацэнт
Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь

Ключавыя словы: беларусізацыя, літаратурны працэс, літаратурныя аб’яднанні, авангардызм, наватарства, культура, НЭП.

Рэферат. У артыкуле разглядаюцца асаблівасці літаратурнага працэсу на тэрыторыі БССР і ў Заходняй Беларусі ў 20-я гады XX стагоддзя, калі на тэрыторыях нашай рэспублікі разгортвалася палітыка НЭПа. Адзначаецца, што беларуская літаратура дадзенага перыяду развівалася ў двух накірунках: традыцыйным і наватарскім. Творчыя пошукі беларускіх пісьменнікаў тычацца як зместу, так і формы твораў. Наватарства, авангардызм у беларускай літаратуры праявіліся галоўным чынам у паэзіі, якая больш чуйна і хутка адгукаецца на сацыяльныя змены. У прозе з’яўляюцца новыя жанры, выходзяць першыя беларускія раманы.

Пераход да новай эканамічнай палітыкі (НЭПа) уяўляе сабой у многіх адносінах супярэчлівую спробу сумясціць сацыялістычныя прынцыпы кіравання дзяржаўнай эканомікай (у першую чаргу гаворка тут аб буйной прамысловасці і транспарце) з некаторымі эканамічнымі законамі таварнай вытворчасці і выкарыстоўваць феномен прыватнакапіталістычнага прадпрыемальніцтва ў інтарэсах пабудовы сацыялістычнага грамадства. На наш погляд, практыка вырашэння дадзенай супярэчнасці не была дыялектычнай. Хутчэй за ўсё, спроба сумяшчэння зрабілася праявай своеасаблівай эклектыкі. Прычым нават і ў той час многія кіруючыя дзеячы большавіцкай улады адкрыта выступалі супраць НЭПа.

Неабходна адзначыць, што эклектыка выяўлялася не толькі ў чыста эканамічнай галіне, але таксама і ў палітычнай, сацыяльнай і культурнай. Асабліва ярка гэта было відаць на тэрыторыі Беларусі. Уся справа ў тым, што па меры змены сацыялістычнай эканамічнай сістэмы адначасова у сферы нацыянальна-культурнай палітыкі кампартыі нашай рэспублікі актыўна прасоўваецца такі кірунак развіцця, які атрымаў назву “беларусізацыя”. Мэтай дадзенай палітыкі з’яўлялася прыстасаванне кіраўніцкага дзяржаўнага апарату да беларускай мовы, якая лічылася роднай для насельніцтва на

тэрыторыі БССР. Адметна і паказальна, што працэс беларусізацыі практычна закрануў не толькі чыста моўную сферу, але і ўсе іншыя сферы-культурнага будаўніцтва той часткі Беларусі, якая апынулася пад большавіцкай уладай. Для апраўдвання ажыццяўлення дадзенай палітыкі сфармавалася ідэя аб тым, што яна б магла ўнесці істотныя пазітыўныя змены ў дзяржаўнае будаўніцтва нашай рэспублікі, а таксама спрыяла б фармаванню самасвядомасці народа.

Феномен развіцця беларускай культуры перыяду НЭПа атрымаў назву “культурная рэвалюцыя”. Важна разумець, што змены, якія адбываліся, таксама былі часта супярэчлівымі і неаднароднымі. Так, напрыклад, з аднаго боку, у многіх галінах культурнай дзейнасці паўсталі арганізацыі, якія імкнуліся да стварэння прынцыпова новай, так званай “пралетарскай” культуры. Натуральна, што адстойванне інтарэсаў нацыянальнай культуры разглядалася пралеткультайцамі як чужыя і варожыя сацыялізму дзеянні, а, такім чынам, варожыя і ўсяму простаму народу. Натуральна, што супраць носьбітаў такіх варожых поглядаў былі ажыццёўлены масавыя рэпрэсіі, падчас правядзення якіх пацярпела мноства прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі.

Галоўнай тэматыкай твораў беларускай культуры розных галін мастацтва ў гэтыя часы зрабілася адлюстраванне рэвалюцыі і грамадзянскай вайны, а таксама заклік да калектывізацыі (сама ж калектывізацыя атрымала масавы размах, як вядома, толькі пасля згортвання НЭПа). Пераважная ўвага пры стварэнні літаратурных вобразаў надавалася такім героям, хто не толькі прыняў савецкую ўладу, але і актыўна змагаўся за яе станаўленне і ажыццяўленне практычных пераўтварэнняў. Такая мастацкая канцэпцыя стаўлення да рэальнага жыцця была дастаткова рамантычнай і шмат у чым аднабаковай, напазбежна суправаджалася вялікай ступенню гераізацыі рэвалюцыянераў і будаўнікоў новага грамадства.

Аднак, разам з адзначанымі негатыўнымі наступствамі “культурнай рэвалюцыі”, адначасова існавалі і некаторыя станоўчыя вынікі ў развіцці культуры ў дадзены гістарычны перыяд. Так, нягледзячы на ажыццяўленне найжорсткага ідэалагічнага кантролю з боку савецкай улады, з’явіліся новыя выбітныя літаратурныя творы. Акрамя таго, пастаянна павышаўся агульны ўзровень адукацыі насельніцтва. Напрыклад, непісьменнасць была ліквідаваная раней, чым у іншых рэспубліках Савецкага Саюза, ўведзена ўсеагульная і абавязковая пачатковая, а пасля і сямігадовая адукацыя. Павялічвалася колькасць вышэйшых навучальных устаноў, дзякуючы чаму вялікіх поспехаў дамаглася беларуская навука.

Трэба разумець, што большавікі ў асноўным не падтрымлівалі беларускі рух. Уся справа ў тым, што ў СССР панавала марксісцка-ленінская ідэалогія, характэрнай адзнакай якой быў інтэрнацыяналізм. Вядома, такая ідэалогія не магла быць адкрыта антыбеларускай. Уся справа ў тым, што ў яе межах абвешчалася ідэя аб тым, што царская дарэвалюцыйная Расія была турмой народаў, у якой панаваў вялікадзяржаўны рускі шавінізм. Беларусы, згодна з дадзенай кропкай гледжання, патрапілі ў лік прыгнечаных нацыянальных меншасцяў. У адпаведнасці з такой канцэпцыяй было неабходна падтрымліваць нацыянальнае адраджэнне. Аднак гэта адраджэнне разумелася не як нацыяналістычнае і дробнабуржуазнае, а як сацыялістычнае, што значыла – інтэрнацыянальнае.

Нягледзячы на ўсю супярэчлівасць і неадназначнасць, 20-я гады мінулага стагоддзя вызначаюцца шэрагам разнастайных станоўчых падзей, якія шмат у чым спрыялі самабытнаму культурнаму развіццю беларускага народа. Менавіта як вынік палітыкі беларусізацыі, якая праводзілася савецкімі ўладамі ў той час, трэба адзначыць той факт, што ўжо ў 1921 годзе на Беларусі было адчынена шэсць тысяч школ, у якіх навучанне вялося поўнасьцю па-беларуску. Усе дзяржаўныя ўстановы, а таксама прыблізна 80 % газет перайшлі на беларускую мову, якая атрымала статус дзяржаўнай. Руская ж мова разглядалася і замацоўвалася як сродак зносін з іншымі рэспублікамі

СССР. У 1922 годзе ў Мінску быў адкрыты Інстытут беларускай культуры (знакаміты Інбелкульт), на аснове якога в 1929 году ўтворана Акадэмія навук. У 1921 годзе распачаў сваю дзейнасць Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, які аб'яднаў некалькі факультэтаў. БДУ адразу зрабіўся буйным адукацыйным цэнтрам, менавіта на яго падмурку стварыліся з цягам часу дзяржаўныя педагагічны, медыцынскі і іншыя інстытуты. Тады ж пачала працу з чытачамі Дзяржаўная публічная бібліятэка.

У гэтых умовах нацыянальнага ўздыму стваралася новая беларуская літаратура. Як ужо сказана, яна разам з усёй культурай фарміравалася ў выключна складаных грамадска-палітычных абставінах. Напачатку 1920-х яе плённаму развіццю спрыяла абвешчаная ў краіне палітыка беларусізацыі. Такая ідэалагічная устаноўка дэтэрмінавала з'яўленне пісьменніцкіх арганізацый, а таксама фарміраванне новых мастацкіх прынцыпаў, абнаўленне беларускіх літаратурных традыцый. Аднак, забягаючы наперад, заўважым, што гэты рух быў прыпынены і па сутнасці знішчаны ў 1930-я гады пад уздзеяннем негатыўных знешніх абставін.

Літаратурны працэс ў перыяд НЭПа ўяўляў сабой не толькі працяг дарэвалюцыйнай традыцыі. Ён таксама характарызуецца з'яўленнем двух новых эстэтычных накірункаў: “бурапеннага” (неалагізм “бурапена” ўжыты ўпершыню А. Александровічам) і “ажыўленскага” (гэты тэрмін прапаноўваў А. Бабарэка). Узаемасувязь прадстаўнікоў абодвух гэтых кірункаў з дарэвалюцыйнай літаратурнай традыцыяй заключалася ў тым, што яны засноўвалі сваю творчасць на ідэях нацыянальнага адраджэння. Аднак паміж імі існавала і адрозненне, якое заключалася ў тым, што бурапенаўцам ідэал адраджэння ўяўляўся далёкім ад свайго завяршэння. У сувязі з гэтым, некаторыя з прадстаўнікоў дадзенага кірунку па сутнасці адмаўлялі самую магчымасць вырашэння такой лёгкай і дасягальнай у паслярэвалюцыйны час мэты, як аднаўленне, сцвярджэнне годнасці беларусаў як народа. Ідэал беларушчыны яны ўбачылі зусім у іншым. Сваю мэту ўслед за М. Багдановічам (артыкул “Забыты шлях”) ажыўленцы бачылі ва ўключэнні беларускага ў сусветнае, агульначалавечае. Развіццю новых плыняў спрыялі літаратурныя часопісы: “Полымя” (1922), “Маладняк” (1923), “Узвышша” (1926), а таксама літаратурныя аб'яднанні “Маладняк” (1923), “Узвышша” (1926), “Полымя” (1927), БелАПП (1928). Адзначым, што колькасць сяброў “Маладняка” расла вельмі хуткім тэмпам і дасягнула 500 чалавек менш чым праз год існавання. Неабходна разумець, што для беларускай літаратуры гэта вельмі вялікая лічба, якая сведчыць аб феномене масавага далучэння людзей да літаратуры. Безумоўна, гэта у некаторай ступені з'явілася следствам першапачатковай нацыянальнай палітыкі большавікоў, якія прынялі новую лінію, так званы “нацыянальны НЭП”. На тэрыторыях нашай рэспублікі гэта палітыка атрымала шырокае развіццё пачынаючы з 1923 года. Менавіта тады нацыянальнае пытанне было пастаўлена ў цэнтры ўвагі ўсіх дзяржаўных і партыйных з'ездаў і канферэнцый, пленумаў і пасяджэнняў.

Вядома, беларускія пісьменнікі не маглі ў сваёй творчасці не адлюстравачь тыя гістарычныя падзеі, сведкамі якіх яны зрабіліся напачатку XX стагоддзя. Умоўна, па спосабу адлюстравання гэтых падзей, пісьменнікаў можна падзяліць на дзве групы. У першую групу ўвойдуць тыя, хто імкнуўся не проста растлумачыць, але таксама і аксіялагічна апраўдаць феномен гвалту над прыгнятальнікамі працоўнага народа, як працэс класавай помсты ў адносінах да іх. Да ліку дадзеных пісьменнікаў можна аднесці Змітрака Бядулю, а таксама маладзейшае пакаленне. Прадстаўнікі другой групы сваёй задачай зрабілі адлюстраванне ў літаратурным творчасці пэўных элементаў старой, яшчэ дарэвалюцыйнай свядомасці. Лідарам гэтага кірунку можна лічыць Максіма Гарэцкага. Такім чынам, гэтыя пісьменнікі прытрымліваліся пазіцый агульначалавечых каштоўнасцей, а для маладзейшага пакалення эстэтычны ідэал меў

ярка выяўлены сацыяльны характар: грамадскае рабілася важнейшым за індывідуальнае.

Для прозы разглядаемага перыяду характэрна стварэнне вобраза “новага чалавека”. Такі вобраз быў цэнтральным у творах Кузьмы Чорнага, Міхася Зарэцкага, Кандрат Крапівы, Платона Галавача. У пабудове сюжэту акцэнт рабіўся на гераізме, знешніх эфектах, перавазе прыгодніцкай сюжэтнай лініі, што спрыяла і прадвызначала развіццё ўласнага беларускага кінематографа. Так, напрыклад, першы беларускі мастацкі фільм “Лясная быль” быў створаны ў 1926 годзе рэжысёрам Юрыем Тарычам паводле твора Міхася Чарота “Свінапас”.

Прыблізна ў гэты ж час былі напісаны першыя беларускія раманы. Яны ўяўлялі сабой сапраўды эпічныя палотны, творы буйной формы. Дадзены факт сведчыць пра ўзыходжанне беларускай літаратуры на якасна новы ўзровень. Дастаткова ўзгадаць “Сокі цаліны” Цішкі Гартнага, “Сцежкі-дарожкі” Міхася Зарэцкага, “Сястру” і “Зямлю” Кузьмы Чорнага. Акрамя таго, знакаміты класік айчыннай літаратуры Якуб Колас напісаў дзве аповесці з будучай трылогіі – “У палескай глушы” і “У глыбі Палесся”. Упершыню ў беларускай літаратуры XX стагоддзя з’явілася рабочая (Міхась Лынькоў), эмігранцкая (Максім Гарэцкі), прыгодніцкая (Янка Маўр) тэматыка.

Вядома, што ў сакавіку 1921 года быў падпісаны Рыжскі мірны дагавор, у адпаведнасці з якім тэрыторыя Беларусі была падзелена на дзве часткі: Заходнюю (пад уладай Польшчы) і Усходнюю (пад уладай СССР). У першай палове 1920-х гадоў многія дзеячы беларускай культуры жылі там пастаянна: такія як Ф. Аляхновіч, Ядвігін Ш, а некаторыя туды трапілі на пэўны час з-за рэвалюцыйных падзей: М. Гарэцкі, У. Жылка, І. Канчэўскі, У. Самойла. Менавіта ў Вільні ў 1920 годзе М. Гарэцкі напісаў грунтоўнае даследаванне “Гісторыя беларускае літаратуры”, у якім быў прааналізаваны цэласны літаратурны працэс Беларусі ад старажытнасці да сучасных аўтару дзён. Гэты тэкст стаў асновай беларускага літаратуразнаўства. Мастацкія творы самога Гарэцкага сталі пачаткам заходнебеларускай прозы. Адрознай адметнасцю яго прозы з’яўляецца філасофская глыбіня, уключанасць у агульнаеўрапейскую літаратурную традыцыю, пошукі вытокаў нацыянальнага характару беларусаў.

У заходнебеларускай паэзіі пачатку 1920-х гадоў усхвалялася нацыянальнае адраджэнне (К. Сваяк, М. Краўцоў). Драматургію літаратуры Заходняй Беларусі складалі асобныя драматычныя абразкі Максіма Гарэцкага, камедыі і драма “Пакрыўджаныя” Л. Родзевіча, а таксама п’есы Ф. Аляхновіча, пабудаваныя на аснове фальклорных сюжэтаў і па матывах папулярнай і моднай “новай драмы” Генрыка Ібсена (п’еса Аляхновіча “Няскончаная драма”).

У другой палове 1920-х гадоў у літаратуру заходняй часткі Беларусі прыйшло новае пакаленне паэтаў, якое адстойвала сваю беларускасць насуперак польскім уладам і салідарызавалася з савецкай Беларуссю: Міхась Машара, Міхась Васілёк, Валянцін Таўлай і інш. У іх творах панавалі матывы народнай волі, заклікі да вызвалення. Асноўная тэматыка літаратурных твораў была звязаная з барацьбой беларускага народа з польскімі акупантамі. У савецкія часы гэтакія лозунгі набылі не толькі нацыянальнае, але і новае сацыяльнае значэнне. Польская дзяржава паўставала ў творах некаторых беларускіх пісьменнікаў у якасці класавага несправядлівага грамадства, а барацьба з такім грамадствам мела ўжо не толькі нацыяльны сэнс, але і сацыяльнае значэнне. Такім чынам, вызваленне ад польскіх акупантаў з наступным уваходжаннем заходнебеларускіх зямель у склад савецкай Беларусі ўяўлялася як акт незалежнасці.

Паэзія савецкай Беларусі ў перыяд НЭПа развівалася ў дзвюх ідэйна-эстэтычных плынях. Першы накірунак прадстаўляецца пераважна традыцыйным, найбольш вядомымі яго прадстаўнікамі былі Уладзімір Жылка, Тодар Кляшторны, Наталля Вішнеўская, Яўгенія Пфляўмбаум, Зінаіда Бандарына і інш. У якасці ўзору і

тэарэтычна-метадалагічнай асновы сваёй паэтычнай творчасці яны ўзялі “нашаніўцаў”: такіх, як Янка Купала, Якуб Колас, Максім Багдановіч. Другі накірунак у метадалагічных адносінах быў цесна звязаны з ідэяй эстэтычнага эксперыменту, туды ўвайшлі прадстаўнікі так званай “пралетарска-рэвалюцыйнай суполкі”: Міхась Чарот, Алесь Дудар, Андрэй Александровіч і інш.

У агульным мастацкая беларуская літаратура павінна была не выходзіць за рамкі афіцыйнай ідэалогіі Камуністычнай партыі Савецкага Саюзу. Адпаведна, у ёй выяўляліся культ рэвалюцыі, жыццесцвярджальны пафас, індустрыяльная тэма, ігнараванне лірычных пачуццяў, антырэлігійнасць. Аднак многія беларускія пісьменнікі шукалі шляхі перадолення тэндэнцыйнасці. Адным са спосабаў зрабіўся такі эстэтычны прыём, як іншасказальнасць і метафарычнасць.

Цікава адзначыць, што афіцыйная ідэалогія савецкай улады была цесна ўзаемазвязана з авангардызмам. Ён выяўляўся не толькі ва ўсебаковым адмаўленні дарэвалюцыйнага жыцця, але таксама ў пафасе пабудовы новага безкласавага грамадства. Адпаведна, не толькі мастацкая літаратура, але і само грамадскае жыццё ў Савецкай Беларусі 20-х гадоў адпавядала рысам авангардызму. У межах дадзенай ідэалогіі асноўным, ключавым рабіўся месіянскі вобраз будучай усясветнае камуны, якая ўяўлялася ў якасці абсалютнага ідэалу грамадскага быцця, з прыходам якога надыйдзе шчаслівае жыццё для ўсіх простых працоўных людзей. Метадалогія авангардызму адразу аформілася ў авангардысцкую плынь рэвалюцыйнага канцэптуалізму. По сваёй сутнасці гэты літаратурна-мастацкі рух у беларускай культуры быў шмат у чым справакаваны развіццём еўрапейскага, а таксама рускага авангардызму ў папярэдняе дзесяцігоддзе. У гэтым плане прарочымі аказаліся словы К. Малевіча з яго працы “Аб новых сістэмах у мастацтве”, напісанай яшчэ ў 1919 годзе. Мастак і паэт адзначаў, што кубізм і футурызм былі з’явамі рэвалюцыйнымі ў мастацтве, што папярэдзілі і рэвалюцыю ў эканамічным і палітычным жыцці. Наватарства, авангардызм у беларускай літаратуры праявіліся галоўным чынам у паэзіі, якая больш чуйна і хутка адгукаецца на сацыяльныя змены. У беларускай літаратуры 20-х гадоў можна вылучыць наступныя наватарскія тэндэнцыі: з аднаго боку, пошукі ў галіне формы маладых творцаў, абумоўленыя рэвалюцыйнымі падзеямі, выкліканыя прагай “абнаўлення ўсяго свету”, стварэння “новай літаратуры”, новай паэтыкі; з другога – творы пісьменнікаў, для якіх пошукі ў галіне формы вынікалі з унутранай патрэбы абнаўлення мастацтва.

На думку І. Э. Багдановіч, “беларускі варыянт авангардызму склаўся ў межах “Маладняка” і часткова “Узвышша” [1, с. 220], супаўшы ў часе існавання з еўрапейскім. Беларуская літаратура 20-х гадоў характарызуецца нашымі даследчыкамі як адкрытая эстэтычная сістэма: вызначальным фактарам развіцця айчыннай літаратуры ў гэты час была стылёвая і жанравая разнастайнасць, суіснаванне, узаемаўплыў, узаемаўзбагачэнне розных мастацкіх тэндэнцый. Побач з рэалізмам плённа развіваліся рамантызм (паэзія “Маладняка”, творы М. Зарэцкага), сімвалізм (творы Я. Купалы, Зм. Бядулі), натуралізм (творы М. Зарэцкага, Р. Мурашкі), імажынізм (творы Я. Пушчы, Т. Кляшторнага, А. Бабарэкі), эстэтызм (У. Жылка), канструктывізм (праграма літаратурна-мастацкіх аб’яднанняў “Маладняк”, “Узвышша”, “Беларускай літаратурна-мастацкай камуны”), футурызм (А. Александровіч, П. Шукайла, М. Чарот), імпрэсіянізм (творы Я. Пушчы, К. Чорнага), экспрэсіянізм (творы Я. Купалы, Зм. Бядулі). Гэта сведчыць пра багацце стылёвай палітры тагачаснай беларускай літаратуры.

Такім чынам, перыяд развіцця беларускай літаратуры ў перыяд НЭПа, у 20-я гады мінулага стагоддзя з’яўляецца адным з самых інтэнсіўных у плане апрабавання новых прыёмаў і прынцыпаў выяўлення. Імкненне да мадэрнізацыі эстэтычнай формы, пошукі новых шляхоў мастацкага выяўлення былі вызначальнымі перш за ўсё для твораў маладых пісьменнікаў. Змена сацыяльнага ладу закранула ўсе сферы жыцця

грамадства, у тым ліку і прыгожае пісьменства. Маладыя пісьменнікі, што далучыліся да мастацкай творчасці пасля рэвалюцыі, праходзілі перыяд творчага станаўлення ў атмасферы палемікі, спрэчак, перагляду літаратурнай і мастацкай спадчыны. Разам з тым, натхнёнасць, пасіянарнасць, упэўненасць ва ўласных сілах прымушалі верыць, што яны здольныя стварыць новае мастацтва, літаратуру, якіх яшчэ не існавала дагэтуль. Адсюль – і фармальныя пошукі і лозунгі накшталт “далоў класікаў”, “у рожкі са старымі”. Неабходна таксама ўлічваць і паскораны характар развіцця нацыянальнай літаратуры, што прымушала творцаў выпрабавваць самыя розныя сродкі мастацкай выразнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Багдановіч, І. Э. Авангард і традыцыя / І. Э. Багдановіч – Мінск : Беларуская навука, 2001. – 387 с.

УДК 94 (47)

ТРАГІЧНЫ ЛЁС ТЭАРЭТЫКА НЭПА МІКАЛАЯ ДЗМІТРЫЕВІЧА КАНДРАЦЬЕВА

Хаданёнак В.М., загадчык кафедры
Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь

Ключавыя словы: новая эканамічная палітыка, тэорыя эканамічных цыклаў, эканамічная статэгія і дынаміка, рэпрэсіі, рэабілітацыя, навуковая школа.

Рэферат. Артыкул прысвечаны разгляду пакручастага жыццёвага, навуковага і творчага шляху аднаго з самых выдатных вучоных-эканамістаў XX стагоддзя – Мікалая Дзмітрыевіча Кандрацьева.

Новая эканамічная палітыка і яе рэалізацыя на тэрыторыі савецкай Беларусі і Расіі заўжды прыцягвала да сябе пільную ўвагу навукоўцаў. Яна сапраўды была новай і шмат учым унікальнай з’явай, калі разглядаць яе ў агульным кантэксце эканамічных і палітычных мерапрыемстваў савецкай улады. Адным з асноўных яе тэарэтыкаў быў вядомы вучоны-эканаміст Мікалай Дзмітрыевіч Кандрацьеў. Барацьба з іншадумствам і пошук ворагаў ва ўсіх катэгорыях насельніцтва прывялі да зняволення, а затым і смяротнага пакарання аднаго з самых таленавітых эканамістаў XX стагоддзя.

Першая сусветная вайна (1914–1918 гг.) паклала пачатак працягламу сацыяльна-палітычнаму і эканамічнаму крызісу, які яшчэ больш узмацніўся з-за рэвалюцыйных падзей 1917 г. і грамадзянскай вайны. Адбываліся структурныя змены ў палітычным, эканамічным, культурным і грамадскім жыцці. Пасля перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі, за даволі НЭПрацяглы перыяд часу, была нацыяналізавана амаль ўся прамысловасць, апроч дробнай і саматужнай. Устанаўлівалася манополія на пераважную большасць харчовых прадуктаў і сыравіны. Свабодныя рынкавыя адносіны сталі немагчымымі, а сістэма дзяржаўнага планавання і кіравання была строга цэнтралізавана. У 1922 г. пакупніцкая здольнасць рубля ў параўнанні з 1917 г. знізілася ў 74 разы [1, с. 347]. У 1922–1924 гг. інфляцыя дасягнула неверагодных маштабаў: у абарачэнні былі грашовыя купюры ў мільёны і мільярды рублёў [2, с. 246].

З 8 па 16 сакавіка 1921 г. у Маскве праходзіў X з’езд Расійскай камуністычнай партыі (бальшавікоў) [3, с. 5]. Менавіта ён стаў паваротным пунктам у пераходзе краіны да НЭПа. Новая эканамічная палітыка разглядалася ў першую чаргу як цыкл

мерапрыемстваў Савецкай дзяржавы па выхадзе з крызісу [4, с. 330]. Планавалася ўмацаваць саюз рабочага класа і сялянства на эканамічнай аснове, развіваць прамысловасць на базе электрыфікацыі, актыўна ўкараняць таварна-грашовыя адносіны і гаспадарчы разлік, імкнуцца да павышэння асабістай зацікаўленасці людзей ў выніках сваёй працы, ажыццяўляць часовы допуск капіталістычных элементаў у эканоміку, удасканальваць дзяржаўнае планаванне і кіраванне, змагацца з бюракратызмам і адміністрацыйна-каманднымі звычкамі, а таксама павышаць узровень культуры ва ўсіх сферах чалавечай дзейнасці [4, с. 330–331]. Дэкларатыўна заяўлялася, што пры рэалізацыі новай эканамічнай палітыкі будуць абавязкова ўлічвацца спецыфічныя эканамічныя, сацыяльна-палітычныя, прыродныя і культурныя асаблівасці і адметнасці рэгіёнаў.

Вынікі рэалізацыі новай эканамічнай палітыкі і сапраўды ўражвалі. Удалося адрадыць зруйнаваную войнамі гаспадарку, павысіць матэрыяльны дабрабыт насельніцтва, рубель (пасля паспяховага заканчэння грашовай рэформы) стаў цвёрдай канвертуемай валютай, сфарміравалася савецкая крэдытная сістэма, назіралася дэмакратызацыя эканамічнага жыцця краіны. Тым не менш, ужо ў 20-я гг. выявілася кардынальная супярэчнасць паміж эканамічным жыццём, якое развівалася на аснове дэмакратычнай новай эканамічнай палітыкі, і грамадска-палітычнай сістэмай дзяржавы, што ўсё больш набывала аўтарытарны характар [5, с. 261]. А новыя рэаліі, якія былі выкліканы да жыцця НЭПам, усё больш супярэчылі камуністычнай дактрыне, рэалізацыя якой адсоўвалася ў невядомую будучыню. Стала зразумелым, што жорсткая цэнтралізаваная сістэма, ядром якой была камуністычная партыя, не можа дзейнічаць ва ўмовах шматукладнасці, непазбежна ўзнікшага плюралізму палітычных інтарэсаў, свабоднай гульні палітычных сіл, глебу для якіх стварыў НЭП [6, с. 43].

Бадай што адну з самых трагічных роляў у віхуры эканамічных і палітычных падзей 20–30-х гг. XX стагоддзя прыйшлося сыграць М. Дз. Кандрацэву. Мікалай Дзмітрыевіч Кандрацэў нарадзіўся ў сакавіку 1892 г. у вёсцы Галуеўская Кінешамскага павета Кастрамскай вобласці (цяпер Іванаўская вобласць) [7, с. 136]. Ён быў старэйшым з 10 дзяцей і з маленства актыўна дапамагаў бацькам па гаспадарцы. У 1904 г. паступае ў Хрэноўскую царкоўна-настаўніцкую семінарыю, дзе пазнаёміўся і пасябраваў з Піцірымам Сарокіным [8, с. 78], шчырыя адносіны з якім захаваліся на ўсё жыццё. Паспяхова скончыў Хрэноўскую семінарыю не ўдалося, бо Мікалая Дзмітрыевіча выключылі адтуль за палітычную недобранадзейнасць і на непрацяглы час пасадзілі за краты. Пасля вызвалення ён едзе ў Санкт-Пецярбург, дзе вучыцца на агульнаадукацыйных Чарняеўскіх курсах, затым у прыватным псіханеўралагічным інстытуце і ў рэшце-рэшт заканчвае юрыдычны факультэт Пецярбургскага ўніверсітэта. За выключныя здольнасці да вучобы і навукі яго пакідаюць ва ўніверсітэце для падрыхтоўкі да прафесарскага звання на кафедры палітычнай эканоміі і статыстыкі.

Ужо ў 1915 г. М. Дз. Кандрацэў выдае сваю першую манаграфію “Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии (социально-экономический и финансовый очерк)”, дзе дэталёва аналізуе гаспадарча-фінансавы становішча рэгіёна [9, с. 146]. Але рэвалюцыйныя падзеі 1917 г. не дазваляюць яму цалкам засяродзіцца на навуковай працы. Ён стаў сакратаром Аляксандра Фёдаравіча Керанскага па справах сельскай гаспадаркі, удзельнічаў ў якасці дэлегата на III з’ездзе партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў (эсэраў), актыўна працаваў у Лізе аграрных рэформ і Галоўным зямельным камітэце, быў абраны ў Часовы савет Расійскай рэспублікі і прызначаны таварышам міністра харчавання Часовага ўрада [8, с. 81–82].

У 1918 г. М. Дз. Кандрацэў пераязджае з Петраграда ў Маскву і пачынае выкладчыцкую дзейнасць у кааператыўным інстытуце. А з 1920 г. становіцца адным з заснавальнікаў і першым дырэктарам Кан’юнктурнага інстытута. Менавіта на гады НЭПа прыходзіцца росквіт выкладчыцкай, навуковай і дзяржаўнай дзейнасці Мікалая

Дзмітрыевіча. У 1922 г. выходзіць яго работа “Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны” [10]. З яго імем знітаваны капітальныя даследаванні ў галіне тэорыі кан’юнктуры, заканамернасцяў і паказчыкаў яе дынамікі, абгрунтаванне доўгіх хваляў эканамічнай кан’юнктуры. Мікалай Дзмітрыевіч друкаваў работы і па пытаннях прагназавання і перспектывага планавання, па аграрных праблемах, статыстыцы і інш. [11, с. 5].

У 1924 г. М. Дз. Кандрацьеў адпраўляецца ў працяглую навуковую паездку за мяжу. Ён наведвае Злучаныя Штаты Амерыкі, Вялікабрытанію, Канаду, Германію з мэтай вывучыць арганізацыю сельскагаспадарчай вытворчасці ў развітых капіталістычных краінах і азнаёміцца з метадамі ўздзеяння на яе з боку дзяржавы [8, с. 84]. Піцэрэм Сарокін, на той перыяд часу ўжо сусветна вядомы сацыёлаг, прапаноўваў Кандрацьеву застацца ў ЗША і ўзначаліць адну з кафедраў пры ўніверсітэце, але Мікалай Дзмітрыевіч адмовіўся.

Пасля вяртання з-за мяжы М. Дз. Кандрацьеў працягвае сваю актыўную працу ў галіне планавання. Пад яго непасрэдным кіраўніцтвам быў распрацаваны перспектывны план развіцця сельскай і лясной гаспадаркі РСФСР на 1923–1928 гг. [8, с. 85]. Ён дазволіў сялянам адчуць часовае паслабленне паміж харчразвёрсткай перыяду ваеннага камунізма і суцэльнай калектывізацыяй.

Мікалай Дзмітрыевіч становіцца вучоным, якога добра ведаюць не толькі на Радзіме, але і ва ўсім свеце. Даследаванне ім заканамернасцяў цыклічнага развіцця эканамічнай кан’юнктуры становіцца метадалагічнай асновай для аналізу праблемаў цыклічнасці не толькі на агульнагаспадарчым, але і на галіновым узроўні [12, с. 93]. Ён становіцца сябрам Амерыканскай акадэміі сацыяльных навук, Лонданскага статыстычнага таварыства, Амерыканскай асацыяцыі па пытаннях сельскагаспадарчай эканомікі, Амерыканскай эканамічнай асацыяцыі і інш. [8, с. 77]. Але неўзабаве навуковыя і творчыя поспехі М. Дз. Кандрацьева трагічным чынам перарваліся яго арыштам.

Масавыя рэпрэсіі адмоўна адбіліся на развіцці многіх галін навук. Так у БССР былі зачынены інстытуты філасофіі і савецкага будаўніцтва, фізіка-тэхнічны інстытут, таму што там фактычна не засталася супрацоўнікаў. А аб’яскроўлены інстытут эканомікі (у 1936–1938 гг. былі арыштаваны 9 супрацоўнікаў інстытута) быў перададзены пад апеку Дзяржплана БССР [13, с. 12]. Сітуацыя з навуковымі кадрамі ў СССР была рыхт у рыхт такая ж. За кароткі прамежак часу былі расстраляны сотні акадэмікаў і дактароў навук: Я. М. Афанасьев, В. І. Бажэнаў, У. М. Бенашэвіч, П. І. Бутаў, В. Р. Глушкоў, У. С. Ігнатоўскі, Р. А. Ільінскі, В. В. Асінскі, А. М. Самайловіч, А. А. Саткевіч і многія іншыя.

Над Мікалаем Дзмітрыевічам згушчаліся хмары. У газеце “Известия” у раздзеле “Хроніка” 3 верасня 1930 г. дробным шрыфтам было надрукавана наступнае паведамленне “ОГПУ арэстваны: Кондратьев Н.Д. Громан В.Г., Садырин П.А., Чаянов А.В., Юровский Л. Н., Суханов Н.Н., Рамзин Л.К., Базаров В.А. и другие как участники и руководители контрреволюционных организаций, поставивших целью свержение советской власти и восстановление власти помещиков и капиталистов” [14, с. 30]. Справу супраць “небяспечных злачынцаў” курыраваў непасрэдна Іосіф Сталін. У лісце да старшыні Савета народных камісараў СССР Вячаслава Молатава ён катэгарычна зазначае “Кондратьева, Громана и пару другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять” [14, с. 31], а ў лісце да старшыні АДПУ В. Р. Менжынскага ўвогуле прапануе “провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т.д., хитро увиливающих от “тенденции к интервенции”” [14, с. 321–322]. Па непасрэднаму даручэнню Сталіна да Мікалая Дзмітрыевіча прымяняліся фізічныя катаванні.

Усе жудасныя выпрабаванні не зламалі духу М. Дз. Кандрацьева. Знаходзячыся ў вязніцы ён працягваў пісаць навуковыя работы, у прыватнасці “Основные проблемы

экономической статистики и динамики”, якая ўбачыць свет толькі ў 1991 г. Асаблівай увагі заслугоўваюць яго лісты да жонкі і вершаваная філасофская казка для сваёй дачкі Алены “Необыкновенные приключения Шамми”.

8 гадоў М. Дз. Кандрацьеў правёў у палітычным ізалятары суздальскай турмы. Прыгавор аб яго смяротным пакаранні падпісалі асабіста І. Сталін і В. Молатаў 17 верасня 1938 г. У гэты ж дзень Мікалай Дзмітрыевіч быў расстраляны на палігоне “Камунарка” на 24-м кіламетры Калужскай шашы ў Маскоўскай вобласці.

Поўная рэабілітацыя Кандрацьева адбылася толькі ў 1987 г., а праз 50 гадоў пасля яго смерці, нарэшце ўбачылі свет невядомыя работы і лісты Мікалая Дзмітрыевіча, якія самаахвярна захоўвалі і збераглі яго жонка і дачка [8, с. 76]. У 1992 г. быў створаны міжнародны фонд М. Дз. Кандрацьева, а адмысловая камісія па вывучэнню яго навуковай спадчыны спрычынілася да выдання работ вядомага вучонага: “Проблемы экономической динамики”, “Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции”, “Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения”, “Сказка о Шамми и письма к Алёнушке из суздальской тюрьмы” і інш.

Тэарэтычная і метадычная спадчына М. Дз. Кандрацьева атрымала сваё заканамернае развіццё ў навуковых выніках розных накірункаў і школ сучаснай эканамічнай думкі, у прыватнасці Ю. У. Якаўца, А. І. Субетта, В. Ц. Разанава, С. В. Дубоўскага, С. Ю. Глазьева, Г. Менша, А. Клейнкнехта, Дж. Форрэтэра, Г. Сілверберга і інш. [15, с. 8]. На пастаяннай аснове праводзяцца міжнародныя круглыя сталы, канферэнцыі і чытанні, прысвечаныя М. Дз. Кандрацьеву, а раз на тры гады вядомыя вучоныя Расіі ўзнагароджваюцца залатым, срэбраным і бронзавым медалём з яго імем.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Протьюко, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. С. Протьюко. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.
2. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002) / З. Шыбека. – Мінск : “Энцыклапедыкс”, 2003. – 490 с.
3. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. – М.: Партиздат, 1933. – 954 с.
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал. : Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 1993–2003. – Т. 5 : М – Пуд. – 1999. – 592 с.
5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2008. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.
6. Вішнеўскі, А. Ф. Асаблівасці палітыка-прававога рэжыму савецкай дзяржавы і яго вытокі (1917–1953 гг.) / А. Ф. Вішнеўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Тэсей, 2006. – 328 с.
7. Баутин, М. В. Николай Дмитриевич Кондратьев и его роль в становлении агроэкономической науки и образования в России / М. В. Баутин // Известия ТСХА. – 2017. – Вып. 2. – С. 134–153.
8. Агеев, А.И. Сорокин и Кондратьев – два переплетённых пути / А. И. Агеев, Б. А. Мясоєдов // Экономические стратегии. – 2013. – № 5. – С. 76–87.
9. Болсун, Г. А. Образовательный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX в. / Г. А. Болсун // Российские и славянские исследования : Сб. науч. статей. Вып. 1 / Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. – Мн. : БГУ, 2004. – С. 143–148.

10. Кондратьев, Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны / Н. Д. Кондратьев. – Вологда, 1922. – 258 с.
11. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Д. Кондратьев; Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева [и др.]. – М. : Экономика, 2002. – 765, [2] с.
12. Гайсин, Р. С. Долгосрочные циклы конъюнктуры агропродовольственного рынка / Р. С. Гайсин // Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность: X Международная Кондратьевская конференция 25–30 сентября 2017 г.: сборник тезисов докладов и выступлений участников Конференции. – Москва – Волгоград, 2017. – 416 с.
13. Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталин. репрессий / сост. и авт. предисл. Н. В. Токарев; под ред. А. С. Махнач. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 120 с.
14. Ясный, Н. Советские экономисты 1920-х гг. Долг памяти / Н. Ясный. – М.: Издательский дом “Дело”, 2012. – 344 с.
15. Фомина, А. В. Циклы Кондратьева в экономике России / А. В. Фомина. – М., 2005. – 146 с.

УДК 94(476):339

НОВАЯ ЭКАНАМІЧНАЯ ПАЛІТЫКА І АСАБЛІВАСЦІ НАЦЫЯНАЛЬнай МАДЭРНІЗАЦЫІ ў БЕЛАРУСІ

Ходзін С.М., загадчык кафедры
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Ключавыя словы: новая эканамічная палітыка, мадэрнізацыя, дзяржаўныя інстытуты.

Рэферат. Артыкул прысвечаны аналізу нацыянальнай мадэрнізацыі ў Беларусі ў перыяд новай эканамічнай палітыкі.

Змест эканамічнай палітыкі – гэта, найперш за ўсё, дзейнасць дзяржавы, ступень яго ўмяшання ў ажыццяўленне эканамічных працэсаў. Ужо ў 1920-я гг. у сусветнай практыцы вызначылася неабходнасць комплекса дзяржаўных мерапрыемстваў, які з цягам часу даследчыкі абагульнілі пад назвай «эканамічная палітыка». Па сутнасці, гэта паводзіны дзяржавы ў эканоміцы як выяўленне сукупнай волі грамадства праз рашэнні і дзеянні урада. Эканамічная палітыка акрэсліваецца праз вызначэнне прававых норм, уздзеянне на гаспадарчыя працэсы, выкарыстанне дасягненняў навукі. Пры гэтым, асабліва істотным на этапе пераходу ад традыцыйнага грамадства да індустрыяльнага, з’яўляецца ўлік прыродна-кліматычнага і дэмаграфічнага (рэсурснага) фактараў, асаблівасцяў гістарычнага развіцця і фактару сацыяльнай псіхалогіі насельніцтва, што выяўляецца ў сістэме эканамічных паводзін суб’екта гаспадарання. Істотнае значэнне мае наяўнасць шырокага ці абмежаванага гістарычнага вопыту.

Магчымасці выпрацоўкі і рэалізацыі нацыянальнай мадэлі мадэрнізацыі, перадумовы якой фарміруюцца з 1921 г., залежалі найперш ад развіцця дзяржаўных інстытутаў Беларусі [1, с. 39–40]. Частка яе тэрыторыі апынулася пад уладай Польшчы, а савецкая была падзелена паміж БССР, адроджанай першапачаткова ў межах 6 павеятаў былой Мінскай губерні, і Расійскай Федэрацыяй. Умовы развіцця гэтых тэрыторый складаліся па-рознаму. Фарміраванне і рэалізацыя агульнадзяржаўнай палітыкі ўскладняліся не толькі падзеленасцю тэрыторыі Беларусі, але і ўнутрыпалітычнай

сітуацыяй ў адроджанай БССР. Па сутнасці, нягледзячы на Рыжскую дамову, на яе тэрыторыі працягваліся ваенныя дзеянні. Гэта адлюстравана ў назвах дакументаў, якія паказвалі наяўнасць як унутранага, так і замежнага фронту [2, л. 2–6]. Цяжкае эканамічнае становішча беларускага сялянства пагаршалася аграрнай перанаселенасцю вёскі, малазямеллем [3, л. 2, 6]. Да рэвалюцыі ў такіх губернях, як Гомельская і Віцебская, значная частка насельніцтва была занятая адыходнымі промысламі, саматужніцтвам, што забяспечвала занятасць і папаўняла бюджэты сялянскіх сем'яў. У выніку вайны і разрухі прыйшлі ў заняпад саматужныя промыслы. На глебе беспрацоўя амаль цалкам спынілася адыходніцтва. Ратуючыся ад голаду, у вёску вярнулася частка рабочых з гарадоў.

У новаабвешчанай Савецкай Беларускай Рэспубліцы на працягу 1921 г. доўжылася рэалізацыя мерапрыемстваў, характэрных для «ваеннага камунізму» [4]. Хлебнарыхтоўкі праходзілі ва ўмовах варожых адносін сялянства. Ва ўмовах незавершанасці нацыявытворчых працэсаў сацыяльна-эканамічныя прычыны ваеннага супраціву паглыбляліся ідэйнымі і канфесійнымі, спела разуменне сваёй дзяржаўнасці. Насельніцтва БССР атрымала магчымасць рэалізоўваць не толькі планы большавікоў, але і ствараць уласную перспектыву. Рэальныя ўмовы паступова прымусалі савецкае кіраўніцтва звярнуцца да новай эканамічнай палітыкі і перагледзець палітыку нацыянальную.

У савецкай літаратуры выключнае значэнне надавалася рашэнням Х з'езда партыі. Можна сцвярджаць, што такі падыход замацаваўся пазней, пры распрацоўцы адпаведнай канцэпцыі гісторыі «у большавіцкім духу» [5, с. 226]. У рэзалюцыі Ёсерасійскай партыйнай канферэнцыі 26 мая 1921 г. пазначаліся ў якасці важнейшай задачы – НЭП, а «яе асноўным рычагом – тавараабмен праз кааперацыю» [6, л. 13]. Лозунг свабоды гандлю гучаў гэтак жа контррэвалюцыйна як «саветы без большавікоў». У прыватным капітале бачылі толькі пагрозу [7, с. 84]. Толькі ў сярэдзіне 1921 г. кіраўнік большавікоў У. І. Ленін адмаўляецца ад правядзення ў жыццё марксісцкага пастулата аб неабходнасці стварэння такога эканамічнага механізма, які б функцыяніраваў без таварна-грашовых адносін. І не Кранштацкі мяцеж быў адзінай таму прычынай. Пагроза новай сялянскай вайны стала найбольш істотным вызначальным фактарам перагляду догмаў [1, с. 77–79]. Толькі 6 студзеня 1922 г. Цэнтральнае Бюро КП(б)Б, пасля ўважлівага вывучэння спраў на месцах, прыняло пастанову лічыць магчымым зняць ваеннае становішча ў рэспубліцы.

Справаздача аб дзейнасці Наркамзема РСФСР за 1917–1922 гг. выдзяляе чатыры асноўныя этапы аграрнай палітыкі. У аснову іх былі пакладзены рашэнні з'ездаў Саветаў, а не партыйных структур. Па меркаванні аўтараў дакумента, самастойным рубяжом з'яўляецца час ад VIII да IX Усерасійскага з'езда Саветаў (снежань 1920 г. – снежань 1921 г.): «ад перамогі на франтах да самадзейнасці сялянскіх мас». Мэтай гэтага этапу з'явілася стымуляванне сялян да пашырэння свайго ворыва. А вось у дачыненні да рашэнняў IX Усерасійскага з'езда Саветаў у снежні 1921 г. сцвярджаецца, што гэта пачатак палітыкі, накіраванай на «ўзняцце самадзейнасці сялянскага насельніцтва на глебе гаспадарчага разліку і асабістай іх зацікаўленасці ў вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі» [8, л. 3–9]. Менавіта на гэтым з'ездзе У. І. Ленін пазначае, што саюз сялянства і рабочага класа павінен быць пабудаваны «на іншых пачатках». «Асновай, сутнасцю эканамічнай сувязі, – падкрэслівае ён, – павінен стаць гандаль». «Для камуністаў, – працягвае ён, – гэта непрыемнае адкрыццё. Вельмі можа стацца, што гэтае адкрыццё – надзвычай непрыемнае...» [9, с. 13–14]. Кіраўнік большавікоў сцвярджаў, што неабходна вучыцца, неабходны новы культурны ўзровень, гэта патрабуе «новай культуры», і некалькі разоў паўтараў: «...навучыцца працаваць іншымі тэмпамі, лічачы работу дзесяцігоддзямі, а не месяцамі, “тут праца цэлых дзесяцігоддзяў”» [9, с. 23, 24].

У той жа час наркам земляробства БССР А. С. Славінскі заўляў: «Вы называеце гэта новай эканамічнай палітыкай? Гэта анархія, і анархію неабходна спыніць». Ён заклікаў абавірацца на камуны і сельскагаспадарчыя арцелі [10, л. 192, 219, 220]. Каб зразумець падтрымку пазіцыі наркама шэраговымі партыйцамі, неабходна ўлічваць не толькі рэвалюцыйны падыход да справы. Да 1917 г. прамысловасць Беларусі развівалася бліжэй да сыравіны і таннай рабочай сілы. Значная частка прадпрыемстваў стваралася на вёсцы, у тым ліку – у памешчыцкіх маёнтках. Разбурэнне эканамічнай прасторы былых памешчыцкіх маёнткаў разрывала эканамічныя сувязі і прыводзіла да закрыцця прадпрыемстваў і скарачэння колькасці рабочых. Па меры фарміравання новых поглядаў на тэмпы і формы мадэрнізацыі вёскі, пазіцыя А. С. Славінскага, у рэшце рэшт, прывяла яго да разыходжанняў з пазіцыяй ЦВК БССР і адстаўцы па стану здароўя (1924 г.) [11, л. 2].

Варта адрозніваць эканамічную палітыку і пэўны гаспадарчы механізм, які павінен забяспечыць яе рэалізацыю. Аднавядоўная пэўнаму палітычнаму курсу гаспадарчая сістэма складаецца паступова і толькі з часам выцяскае старую сістэму. Сельгаспадатак быў важнейшым, але толькі першапачатковым элементам новага гаспадарчага механізма, які склаўся да 1924/25 гасп. года. У адпаведнасці з рашэннямі IX Усерасійскага з’езда Саветаў 22 мая 1922 г. на III сесіі УЦВК быў прыняты «Асноўны закон аб працоўным землекарыстанні», які ствараў умовы для развіцця вытворчых сіл на вёсцы і даваў права на свабодны выбар формаў гаспадарання, сельскія жыхары маглі адкрыта выкарыстоўваць магчымасці рынку, самастойна рэалізоўваць атрыманы прыбытак, арэндаваць землю і прымяняць наёмную працу. 3 мая 1922 г., шмат пазней чым у іншых рэгіёнах Савецкага Саюза, у БССР пачаўся перавод саўгасаў на гаспадарчы разлік [12, с. 53]. Па меркаванні Старшыні ЦВК БССР А. Р. Чарвякова, у Беларусі пераход да новай эканамічнай палітыкі ажыццяўляўся ў больш цяжкіх умовах, чым у іншых рэспубліках СССР. Тут меўся надзвычай разгалінаваны прыватнагандлёвы апарат, які канцэнтравалі ў сваіх руках 93 % гандлёвай сеткі, а такім чынам, і амаль усё абслугоўванне сялянства [13, л. 117, 119].

Адмаўленне новай эканамічнай палітыкі наркамам земляробства А.С.Славінскім, безумоўна, акрэслівала перавагу кансерватыўных тэндэнцый. Але менавіта гэтае адмаўленне новаўвядзенняў з цэнтры, як здарылася і потым – у гарбачоўскія часы “перабудовы”, у сярэдзіне 1920-х гг. прывяло да вызначэння сваёй палітыкі рэформаў з ўлікам традыцый і прыродна-геаграфічнага асяроддзя рэспублікі. Калі характарызаваць асаблівасці беларускай мадэлі мадэрнізацыі ў 1920-я гг., то асабліва заўважнымі з’явіліся адрозненні ў галіне зямельнай палітыкі і зямельнага заканадаўства. Асноўныя палажэнні апіраліся на агульныя традыцыі адмовы ад прыватнай уласнасці на зямлю. Яшчэ да першага ўзбуйнення ў БССР быў распрацаваны Зямельны кодэкс 1923 г., які істотна адрозніваўся ад Зямельнага кодэкса РСФСР 1 снежня 1922 г., у першую чаргу ў сферы абшчынных адносін [490]. 21 лютага 1925 г. быў зацверджаны Зямельны кодэкс, які распаўсюджваў свой уплыў на ўсю тэрыторыю Савецкай Беларусі [14]. Галоўнае адрозненне было ў непрыманні абшчыннай формы землекарыстання, не дапускаліся і ўраўняльныя пераделы. Ва ўмовах нізкай якасці глебы было вельмі важна падтрымаць зацікаўленасць сялянства ў іх паляпшэнні. Імкнучыся абмежаваць ураўняльныя тэндэнцыі, пераважаючыя ў некаторых усходніх акругах БССР, было вызначана, што ўстанаўленне нормы надзялення зямлёй застаецца за наркаматам земляробства.

Зямельны Кодэкс РСФСР 1922 г. утрымліваў асобны раздзел, які рэгламентаваў абшчынны парадак землекарыстання і пераделы зямлі. Аднак, нават абмежаванне пераделаў зямлёй Зямельным кодэксам 1922 г. сялянства Расійскай Федэрацыі сустракала з выразным незадавальненнем. Ідучы насустрач яго патрабаванням, у канцы 1927 г. урад РСФСР дазволіў правесці агульны ўраўняльны перадел зямлі ў тых

зямельных таварыствах, дзе іх яны не праводзілі з 1922 г., і ў якіх захавалася значная нераўнамернасць у землекарыстанні двароў. «У гэтых выпадках, – піша Л. В. Аліева, – агульны перадрзел зямель мог адбывацца нават па патрабаванню меншасці членаў таварыства» [15, с. 150].

Заўважна захаванне традыцый яшчэ ў адным істотным аспекце. Калі зямля доўгі час не апрацоўвалася, то карыстальнік (як раней уладальнік) гублялі свае правы на яе і надзяляліся зямлёй пры вяртанні ўжо на іншых асновах і ў іншым месцы (гэта мела месца ў абодвух кодэксах – п. 16 Кодэксаў 1923 г. і 1925 г.). Рэалізуючы працоўны прынцып землекарыстання, беларускія кодэксы абмяжоўвалі магчымасці здаваць зямлю ў арэнду як пэўнымі ўмовамі, так і тэрмінамі. Да таго ж, у адрозненне ад Кодэкса Расійскай Федэрацыі 1922 г. (з папраўкамі ад 1926 г.), арэнда дапускалася толькі працоўная, арэндатар мог атрымаць толькі такую колькасць зямлі, якую ён мог апрацаваць сіламі свайго двара (п. 30 Кодэкса 1923 г. і Кодэкса 1925 г.). Гэтаксама Раздзел III Кодэксаў дапушчаў наёмную працу толькі пры ўмове калі «усе наяўныя працаздольныя члены гаспадаркі разам з наёмнымі рабочымі прымаюць удзел у працы гаспадаркі» (п. 39). Сацыяльныя ўзаемаадносіны ў вёсцы рэгуляваліся раздзелам IV Кодэксаў («Аб зямельным таварыстве (таварыстве землекарыстальнікаў)») [16].

Важнейшай рысай эканамічнай палітыкі ў Беларусі акрэсліваўся разлік на ўласныя рэсурсы. Абгрунтоўваючы неабходнасць максімальнага ўліку прыродна-геаграфічных умоў з мэтай разліку на ўласныя рэсурсы Беларусі, А. А. Смоліч распрацаваў тэорыю рацыянальнага размяшчэння гаспадарчых комплексаў (эканомгеаграфічных ландшафтаў) [17].

Рост калектыўных гаспадарак да 1924 г. і яго адсутнасць у 1924–1927 гг. дазволілі значнай колькасці беларускіх савецкіх даследчыкаў суадносіць гэты факт з дзейнасцю кіраўніка камісарыята земляробства рэспублікі Д. Ф. Прышчэпава. У постсавецкі ж перыяд гэта дало падставу бачыць у савецкім наркаме абаронцу будучага фермерства. Праведзенае вывучэнне дазваляе не згадзіцца з такім сцвярджэннем [18]. У той час, як кіраўніцтва КП(б) Беларусі лічыла, што кааперацыя не апраўдала спадзяванняў, «калектыўныя гаспадаркі...амаль ніякай велічыні не ўяўляюць», «саўгасы з'яўляюцца ў вёсцы прыкладам нашага дрэннага гаспадарання», падтрымліваючы развіццё індывідуальнага землекарыстання, наркамат земляробства БССР акцэнтаваў развіццё шматстайных форм кааперацыі [19, л. 4]. Д. Ф. Прышчэпаў падкрэсліваў, што прызнаючы за сялянінам права выбару, дзяржава не можа цалкам адмовіцца ад права заахвочваць тую ці іншую форму землекарыстання [1, с. 86]. У Перспектывным плане развіцця сельскай і лясной гаспадаркі БССР на 1925/26–1929/30 гг. падкрэслівалася, што менавіта пасялковая форма землекарыстання з агульным шматпольным севазваротам і без яго «адказвае асноўнай мэце НКЗ – абагульненню сельскай гаспадаркі шляхам кааперавання (у асабліва, вытворчага) земляробчага насельніцтва» [20, с. 136].

Безумоўна, характэрнай рысай новай эканамічнай палітыкі – наяўнасць значнай колькасці супярэчнасцяў: паміж цэнтрам і рэспублікамі, паміж ступенню ініцыявання рыначных адносін і эканамічнай свядомасцю сялянства і інш. Гэтыя супярэчнасці адлюстроўваліся найперш у падатковай палітыцы, якая ў 1920-я гг. выяўлялася асноўным рэгулятарам сацыяльных адносін у вёсцы ў дачыненні да розных груп насельніцтва. Нягледзячы на тое, што перавага надавалася прамому падаткаабкладанню, колькасць плацяжоў разам з мясцовымі зборамі налічвала больш дзесяці. У якасці аб'ектаў падаткаабкладання вяскоўцаў выступалі зямля, жывёла, іншая маёмасць, прыбытак і г. д. Пры гэтым структура плацяжоў, памер ставак і іншыя паказчыкі змяняліся на некалькі разоў на працягу аднаго года [7, с. 84–85].

Заўважнай рысай эканамічнай палітыкі другой паловы 1920-х гг. выяўляецца спроба яе навуковага абгрунтавання. Менавіта ў гэты час складваюцца навуковыя

беларускія школы ў галіне аграрных навук [21]. Сярод найбольш яркіх прадстаўнікоў можна назваць С. В. Скандракова, Е. Л. Ярашчука, Г. І. Гарэцкага, А. А. Смоліча, І. А. Кісякова. Гэтыя вучоныя, хоць і фарміраваліся пад уплывам расійскіх, аднак акрэслена выяўлялі імкненне вывучыць і ўлічыць асаблівасці і традыцыі Беларусі як асобнай гаспадарчай сістэмы. На аснове выкарыстання навуковых прынцыпаў і падыходаў быў распрацаваны «Перспектыўны план развіцця сельскай і лясной гаспадаркі БССР на 1925/26–1929/30 гг.». У сярэдзіне 1920-х гг. шырока абмяркоўваўся генеральны план развіцця меліярацыі ў БССР. Прымяненне навуковых дасягненняў – адна з найбольш істотных прыкмет мадэрнізацыі.

Такім чынам, пераход да эканамічнай палітыкі, з IX Усерасійскага з'езду Саветаў у снежні 1921 г. акрэсліваецца пачатак палітыкі, асновай якой вызначалася прызнанне гандлю, таварна-грашовых адносін як асновы ўзаемадзеяння паміж горадам і вёскай. Гэта, па сутнасці, і з'явілася адной з асноўных умоў фарміравання нацыянальнай мадэлі мадэрнізацыі. Асаблівасцю новай эканамічнай палітыкі ў БССР з'яўлялася яе трансфармацыя па меры ўзбуйнення тэрыторыі. У Беларусі, якая з'яўлялася тэрыторыяй ваенных дзеянняў, замена харчовай развёрсткі харчовым падаткам не прывяла да істотных змен у аграрнай палітыцы і не атрымала станоўчага водгуку сялянства. На працягу 1921–1924 гг. складваліся перадумовы для ажыццяўлення нацыянальнай мадэлі мадэрнізацыі: адмена надзвычайнага становішча, узбуйненне тэрыторыі БССР, фарміраванне і ўмацаванне прававых інстытутаў, станаўленне дзяржаўнасці і замацаванне тэрытарыяльных межаў Беларусі. Сялянства атрымала магчымасць адукацыі на роднай мове, выбару формаў гаспадарання на зямлі, стала крыніцай для вылучэння кіраўнічай эліты. Важнейшай рысай нацыянальнай палітыкі мадэрнізацыі (1925–1927 гг.) з'явіліся апора на ўласныя сілы і рэсурсы, улік традыцый і асаблівасцяў развіцця Беларусі, якія беларускае кіраўніцтва імкнулася ўлічыць пры ўсіх хістаннях курса бальшавіцкай партыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ходзін, С. М. Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939) / С. М. Ходзін. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2014. – 240 с.
2. Журнал военных действий штаба войск Минского района за август – декабрь 1921 г. 1 августа 1921 – 31 декабря 1921 г., на 100 л. // РДАЭ. – Ф. 1235. Воп. 96. Спр. 81.
3. Народный комиссариат земледелия РСФСР // РДАЭ. – Ф. 478. Воп. 1. Спр. 93.
4. Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970) : [в 16 т.] / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 8-е, доп. и испр. – М., 1970. – Т. 2 : 1917–1924. – С. 301–307.
5. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Р. Лінднэр ; навук. рэд. Г. Сагановіч ; пер. з ням. Л. Баршчэўскага. – Мінск ; СПб. : Неўс. прасцяг, 2003. – 538 с.
6. Резолюция Всероссийской партийной конференции от 26 мая 1921 г. о задачах партийных и советских работников по проведению новой экономической политики (НЭПа), циркуляры и инструкции ЦК РКП(б), положения о фракциях РКП(б) профсоюзов и межсоюзных объединениях, вовлечении работниц и крестьянок в промысловую кооперацию. 1 февраля 1921 г. – 6 марта 1922 г. 75 л. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 470.

7. Доўнар, Л. А. НЭП у Беларусі: эканамічная палітыка савецкай дзяржавы ў адносінах да прыватнай прамысловай вытворчасці / Л. А. Доўнар // Беларуская думка. – 2016. – № 1. – С. 84–90.
8. Отчет о деятельности Наркомзема за 1917–1922 гг. и доклад «Основные сравнительные данные, характеризующие результаты земельной политики за годы революции» (без автора). 1922, на 218 л. // РДАЭ. – Ф. 478 Наркамзем РСФСР. Воп. 1. Спр. 851.
9. Девятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов : стеногр. отчет, 22–27 дек. 1921 г. – М. : Изд. ВЦИК, 1922. – 316 с.
10. Стенограмма VI съезда (XI конференции) КП(б)Б Белоруссии. 15–19 марта 1922 г. 243 л. // НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 688.
11. Протоколы заседаний пленума ЦБ КП(б)Б, проект Конституции БССР. 5 января – 8 августа 1924 г. 32 л. // НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 1260.
12. Сорокин, А. Н. Совхозы БССР в период построения фундамента социализма (1926–1932 гг.) / А. Н. Сорокин ; науч. ред. И. С. Кравченко. – Минск : Наука и техника, 1971. – 176 с.
13. Стенограмма V съезда КП(б)Б (X конференции) от 15–20 октября 1921 г. 334 л. // НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 417.
14. О введении в действие Земельного кодекса : постановление ЦИК ССР Белоруссии, 29 марта 1923 г. // Збор законаў і распараджэнняў Рабоча-Сялян. урада БССР. – 1923. – № 6. – Ст. 55.
15. Алиева, Л. В. Реализация земельного кодекса РСФСР 1922 г. в контексте эволюции крестьянской поземельной общины (на материале Псковской губернии) / Л. В. Алиева // Псков. – 2006. – № 24. – С. 148–152.
16. О введении в действие единого Земельного кодекса на всей территории БССР : постановление Президиума ЦИК БССР, 21 февр. 1925 г. // Збор законаў і распараджэнняў Рабоча-Сялян. урада БССР. Add. першы. – 1925. – № 11. – Ст. 93.
17. Смоліч, А. Сельскагаспадарчыя раёны Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі ў 1927–1928 гадах : папярэд. схема і мэтадал. увагі / А. Смоліч. – Мінск : [б. в.], 1930. – 138 с.
18. Ходин, С. Н. Вернуться к цветному изображению: еще раз о наркоме Д. Ф. Прищепове / С. Н. Ходин // Полит. собеседник. – 1991. – № 2. – С. 12–15; Ходзін, С. М. Д. Ф. Прышчэпаў: гісторыя асобы як гісторыя краіны / С. М. Ходзін // Российские и славянские исследования : науч. сб. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2014. – Вып. 9 – С. 131–142.
19. Стенограмма заседания пленума ЦК КП(б)Б от 2–8 мая 1925 г. 104 л. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 1992.
20. Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства БССР на 1925/26–1929/30 г. : утв. Правительством / А. М. Михайлов [и др.] ; ред.: И. В. Ремизов [и др.]. – Минск : Изд. Нар. комиссариата земледелия БССР, 1927. – VIII, 960 с.
21. Гусаков, В.Г. История и экономика «крестьянского вопроса» / В. Г. Гусаков; Белорусский научно-исследовательский институт экономики и информации АПК. – Минск, 1997. – 167 с.

Сведения об авторах круглого стола

1. Бездель Вероника Евгеньевна – УО ФПБ «Международный университет «МИТСО» Витебский филиал, заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук, доцент.

2. Бувич Татьяна Владимировна – учреждение «Государственный архив Витебской области», заместитель директора.

3. Вечер Лидия Степановна – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, доцент кафедры государственного управления, кандидат педагогических наук, доцент.

4. Грузицкий Юрий Леонтьевич – Институт истории НАН Беларуси, старший научный сотрудник отдела специальных исторических исследований, кандидат исторических наук, доцент.

5. Гуминский Максим Николаевич – Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, аспирант.

6. Егорова Валентина Константиновна – УО «Витебский государственный технологический университет», доцент кафедры экономической теории и маркетинга, кандидат экономических наук, доцент.

7. Карпекин Константин Григорьевич – учреждение «Государственный архив Витебской области», главный хранитель фондов, кандидат исторических наук.

8. Лученкова Елена Степановна – УО «Витебский государственный технологический университет», доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук, доцент.

9. Мядель Александр Павлович – УО «Витебский государственный технологический университет», доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат философских наук, доцент.

10. Рудко Елена Антоновна – УО «Витебский государственный технологический университет», доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат философских наук, доцент.

11. Субботин Александр Александрович – УО «Витебский государственный технологический университет», проректор по воспитательной работе, кандидат исторических наук.

12. Тимофеев Ростислав Владимирович – УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», доцент кафедры истории и культурного наследия, кандидат исторических наук, доцент.

13. Уткевич Ольга Ивановна – УО «Витебский государственный технологический университет», доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук, доцент.

14. Хаданёнак Виктор Мамертович – УО «Витебский государственный технологический университет», заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук.

15. Ходин Сергей Николаевич – Белорусский государственный университет, заведующий кафедрой источниковедения, доктор исторических наук, профессор.

Содержание

- 3 **Бездель В.Е.**
БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В БССР В 20-Е И 40–50-Е ГГ.
XX В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
- 8 **Буевич Т.В.**
СИСТЕМА ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ЗА ВНУТРЕННЕЙ
ТОРГОВЛЕЙ В ПЕРИОД «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ» (1921–
1930 гг.)
- 13 **Буевич Т.В.**
ДЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА НА ГРУППЫ ПОКУПАТЕЛЕЙ
РОЗНИЧНОЙ СЕТИ В ПЕРИОД «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»
(НЭП) (1923–1927 гг.)
- 18 **Вечер Л.С.**
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК
ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
- 20 **Грузицкий Ю.Л.**
НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД НЭПА
- 25 **Грузицкий Ю.Л.**
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ – ВЫСШИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОРГАН
СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД НЭПА
- 29 **Гуминский М. Н.**
РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С
НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ, В ТОМ ЧИСЛЕ В ПЕРИОД НЭПА
- 33 **Егорова В.К.**
ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ И ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД НЭПА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И/ИЛИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
- 38 **Карпекін К.Р.**
СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫЯ ВЫСТАВЫ ў 1920-я гг. (НА ПРЫКЛАДЗЕ
ВІЦЕБШЧЫНЫ)
- 43 **Лученкова Е.С.**
БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД
НЭПА
- 47 **Мядель А.П.**
ИДЕОЛОГИЯ «СМЕНЫ ВЕХ» В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ
- 51 **Рудко Е.А.**
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА В СССР ПЕРИОДА
НЭП
- 55 **Субботин А.А.**
Г.Я. СОКОЛЬНИКОВ – ТЕОРЕТИК ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1922–1924 ГГ. В
СССР
- 59 **Тимофеев Р.В.**
СОВЕТСКАЯ НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ НЭПА В ОБЛАСТИ
ТОРГОВЛИ

- 63 **Тимофеев Р.В.**
ЦЕНОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В БЕЛАРУСИ В
ПЕРИОД НЭПА
- 67 **Уткевіч В. І.**
АСАБЛІВАСЦІ БЕЛАРУСКАГА ЛІТАРАТУРНАГА ПРАЦЭСУ Ў ПЕРЫЯД
НЭПА
- 72 **Хаданёнак В.М.**
ТРАГІЧНЫ ЛЁС ТЭАРЭТЫКА НЭПА МІКАЛАЯ ДЗМІТРЫЕВІЧА
КАНДРАЦЬЕВА
- 76 **Ходзін С.М.**
НОВАЯ ЭКАНАМІЧНАЯ ПАЛІТЫКА І АСАБЛІВАСЦІ НАЦЫЯНАЛЬнай
МАДЭРНІЗАЦЫІ Ў БЕЛАРУСІ
- 82 **Сведения об авторах круглого стола**

Научное издание

**УРОКИ НЭПА И РЕШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ В
ЭКОНОМИКЕ**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА

Редактор: Хаданёнак В. М.
Корректор: Пухальская А.В.
Компьютерная верстка: Гормазова В. С.

Подписано к печати 12.01.2022. Формат 60х90¹/₁₆. Усл. печ. листов 5,3.
Уч.-изд. листов 8,5. Тираж 9 экз. Заказ 19.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»
210038, г. Витебск, Московский пр., 72.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Витебский государственный технологический университет».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/172 от 12 февраля 2014 г.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1497 от 30 мая 2017 г.

УРОКИ НЭПА И РЕШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ В ЭКОНОМИКЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА

Витебск
2022